Восточный архив

№ 2 (46), 2022

«Восточный архив» *издаётся Институтом востоковедения РАН с 1998 г.*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
А.Д. Васильев

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Вёрстка

Г.М. Абишева

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Журнал на сайте Института востоковедения РАН: https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv

---

Адрес редакции:
103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

© Авторы, 2022
© Институт востоковедения РАН, 2022

Подписано в печать 15.10.2022
Объем 15,5 п. л. Тираж 80 экз.

Отпечатано в изд-ве «Пробел-2000»
109544. Москва, Рабочая ул., 91
Цена в розницу договорная

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2 (46), 2022

Слово редактора **3**

Быков А.Ю., Кожирова С.В. Истоки формирования русско-казахского пограничья в Западной Сибири **4**

Болдырев А.В. Деятельность РОПиТ в публикациях редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова **15**

Рыженков М.Р. Малоизвестные мемуарные источники по истории Крымской войны 1853–1856 гг. **19**

Норик Б.В. О деятельности полковника В.А. Косаговского, направленной на повышение престижа русских инструкторов в Персии **32**

Гоков О.А. Источники сведений военной разведки Российской империи по Персии **38**

Грушевой А.Г. Школы Палестинского общества на пересечении интересов Российской империи, Османской империи и патриарха Иерусалимского **48**

Анайбан З.В. Материалы о Туве в фондах АВПРИ: общее содержание, состояние и сохранность **57**

Божинская (Арандаренко) Л.В., Борошко С.Л. Генерал-майор Георгий Арандаренко – один из первых исследователей Бухарского ханства и Афганского Туркестана. Часть 2. Окончание **63**

Кадырбаев А.Ш. Роль Черноморского флота в Кавказской и русско-турецкой войнах **74**

Шмидт В. Переселенческое движение немецкого крестьянства в Казахстане **77**

Мышов Н.А. Ликвидация лидера басмачества Энвера-паши **85**

Бухерт В.Г. Как зовут китайского лидера **92**

Матвеева Н.И. Особенности экономического развития КНДР **95**

Катасонова Е.Л. Архивы как документальная основа для решения гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях России и Японии **105**

Беляков В.В. Октябрьская война 1973 года **110**

Прожогина С.В. Старина и новь – вещи совместные: Магриб увиденный и прочитанный **115**

Наши авторы **124**

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-3

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний номер «Восточного архива» получился значительно толще, чем обычно. Дело тут не в больших материалах. Просто, наряду с такими традиционными авторами, как Б.В. Норик, А.Ш. Кадырбаев или С.И. Прожогина, прибавились и новые. Это, прежде всего, открывающие номер статьёй об истоках формирования русско-казахского пограничья в Западной Сибири А.Ю. Быков и С.В. Кожирова. Оба они из Казахстана, так что тема им хорошо знакома. Н.А. Мышов, приславший материал о ликвидации лидера басмачества Энвер-паши, работает в Российском государственном военном архиве. Н.И. Матвеева, посвятившая свою статью особенностям экономического развития КНДР, – сотрудник Института востоковедения.

Хотел бы обратить внимание на некоторые статьи наших традиционных авторов. Это, прежде всего, М.Р. Рыженков, познакомивший нас с малоизвестными источниками по истории Крымской войны 1853–1856 годов. Он рассказывает о публикациях участников той войны, находившихся на разных участках фронта.

Два материала посвящены русско-персидским отношениям конца XIX века. Б.В. Норик пишет о деятельности полковника В.А. Косаговского, направленной на повышение престижа русских инструкторов в Персии. Заметки полковника о его службе в Тегеране мы публиковали в предыдущих номерах «Восточного архива». О.А. Гоков рассказывает о том, как в тот же период российская разведка собирала материалы о Персии. В зачёт шли не только записки путешественников-офицеров, но и рассказы живших там наших соотечественников, а также различные публикации.

Школам Палестинского общества в Османской империи посвящена статья А.Г. Грушевого. Открытию русских школ в Палестине на русские же деньги препятствовал греческий патриарх Иерусалимский, настаивавший на том, что средства должны сначала поступать в его распоряжение.

Л.В. Божинская (Арандаренко) и Л.В. Борошко завершают публикацию о генерал-майоре Георгии Арандаренко, одном из первых исследователей Бухарского ханства и Афганского Туркестана. В статье речь идёт о последних годах его жизни и довольно большом наследстве, так и не выданном до революции 1917 года.

О Центральной Азии пишет и Вальдемар Шмидт, и тоже о дореволюционном времени. Его статья посвящена переселенческому движению немецкого крестьянства в Казахстане.

Н.А. Мышов публикует найденную в архивах статью о гибели лидера басмачества Энвер-паши. Будучи в Москве, турецкий генерал попросил отправить его в Центральную Азию якобы для борьбы с повстанцами. Прибыв туда, он бросил большевиков и перешёл на сторону их противников.

Последний материал, на который хочу обратить ваше внимание, посвящён Второй мировой войне. В результате разгрома Японии в августе 1945 года советские войска захватили большое число пленных. Сколько именно – до сих пор неясно. Е.Л. Катасонова призывает открыть архивы, чтобы точно определить количество японских военнопленных.

Вот некоторые материалы нынешнего номера «Восточного архива». Должен сказать, что поступили уже материалы для следующего номера. Их авторы – Л.В. Божинская (Арандаренко) и С.Л. Борошко, С.В. Прожогина, В. Шмидт, Н.З. Мосаки, О.А. Гоков. Так что расстаёмся с вами на полгода – до апреля 2023-го.

В.В. Беляков

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-4-14

А.Ю. Быков, С.Б. Кожирова

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКО-КАЗАХСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XVI – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Одной из тем, которая регулярно всплывает в постсоветское время в общественно-политических изданиях и даже в научной литературе, является вопрос о том, принадлежало ли Прииртышье казахам в период основания там российских крепостей. При этом нагнетается межнациональное напряжение, зачастую приводятся странные аргументы, что русские отняли территорию казахов, с одной стороны, или что Российская Федерация по праву строительства городов по Иртышу, входящих в настоящее время в состав Республики Казахстан, имеет законные основания претендовать на них. Хотим подчеркнуть, что необходимо рассматривать подобные вопросы максимально объективно, с привлечением широкого круга достоверных источников и проведением тщательного анализа. Русско-казахское разграничение XVIII–XIX вв. не может рассматриваться в качестве исторического обоснования последующего межгосударственного разграничения, поскольку основой этого разграничения послужили решения, принятые гораздо позднее рассматриваемого периода. Именно с таким пониманием следует относиться к анализу, приводимому нами ниже.

После присоединения в XVI веке Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, а также части Ногайской орды границы России на обширном пространстве стали соприкасаться с Казахским ханством. Новые российские города Гурьев, Уфа – в Приуралье, Астрахань, Царицын (ныне Волгоград), Саратов, Самара – в Поволжье, Тобольск, Тюмень, Тара – в Сибири и др. – становятся центрами русско-казахских контактов. Эти контакты не были регулярными и носили преимущественно торговый характер. Однако имели место также дипломатические сношения и военные столкновения.

В XVII столетии в зонах контактов с казахами появляются новые русские города и поселения: Царёво Городище (ныне Курган), Коркина слобода (ныне Ишим) – в Сибири, Яицкий городок (ныне Уральск) – на Урале. В начале XVIII века в Южной Сибири появились Бийск и Барнаул, на Урале – Оренбург (ныне Орск) и Новый Оренбург и ряд других городов и поселений, которые систематически контактировали с казахами и другими этническими группами. Более того, в этногенезе казачества, составлявшего основу пограничных поселений того времени, тюркский элемент, в том числе казахи, сыграл определённую роль[1].

Многие исследователи отмечают, что российские границы на востоке в тот период далеко не всегда были определены и/или закреплены международными договорами.

Сам термин «граница» начинает употребляться в российских документах в первой половине XIV века. В частности, об этом упоминается в договорной грамоте Великого Новгорода с Ливонским орденом 1323 года. К 1730-м гг. сформировалась терминология организационных структур, обеспечивающих защиту и охрану границ государства: «застава» (ранее – «завора»), «засада», «караул», «станица», «стража», «таможня», «крепость». Словосочетание «государственная граница» начинает фиксироваться в конце XVIII века. В XIX веке в «Словаре церковно-славянскаго и русскаго языка» (1847 г.) граница определялась как «предел, рубеж, отделяющий одну землю от другой. Границы государства. Старинное то же, что грань, порубежный знак»[2].

Пограничной черты на местности, как это имеет место быть на многих межгосударственных границах – со вспаханной полосой либо сплошными заборами и т.п. – в настоящее время, в тот период не было. Обычно

ставились деревянные или каменные знаки, чаще всего столбы, а иногда на росших деревьях просто делались зарубки, называвшиеся гранями и затёсами.

В качестве демаркационной линии – линии границы стран на местности – часто использовался термин «засека». Этим же словом обозначалось и оборонительное сооружение из крупных и средних деревьев, поваленных рядами или крест-накрест вершинами в сторону противника. При этом ветви используемых деревьев заострялись, становясь по сути копьями. Исторические документы свидетельствуют о наличии в XVII-XVIII вв. засек против западных монголов – джунгар – в Прииртышье[3].

Лишь в некотором смысле аналогом засек можно рассматривать симы – маяки с секретными знаками из прутьев и растительных стеблей, которые одновременно представляли собой ограждения, направленные против «вторжений неприязненных кочующих племён внутрь линий». Следует отметить, что симы были устроены на всём протяжении пограничных линий с казахами как оренбургского, так и сибирского ведомств не сплошной полосой, а на опасных направлениях[4].

Также в отношении границ с казахами российские власти, с подачи Коллегии иностранных дел, использовали термины «степные границы», «азиатская сторона», «Степь» и ряд других[5], хотя активно использовались и понятия Казачья орда/орды, земли Киргиз-Кайсаков и т.п. словосочетания, имевшие привязку в первую очередь к основному населению, эксплуатировавшему эти земли, – казахам. В военном ведомстве использовалось также понятие «действительная граница»[6], которая обозначала именно государственную границу с зарубежными странами, а не со странами и народами, находившимися в протекторате или вассалитете. Как ни странно, но к границе с казахами это понятие также иногда применялось, причём не фиксируется зависимости роста частоты употребления термина от роста напряжённости в отношениях.

Современное официальное толкование понятия «государственная граница» идентично у российской и казахстанской сторон и сводится к следующему. Государственная граница – это линия и проходящая по ней вертикальная плоскость, определяющие пределы территории – суши, вод, недр и воздушного пространства[7]. В политологическом плане под границей понимают рамки, ограничивающие пространство, на которое распространяется национальный суверенитет. Способность государства обеспечивать неприкосновенность и защиту своих границ является показателем его силы и авторитета в международном сообществе.

Понятие «государственная граница» и ряд связанных с ним терминов и их понимание/трактовка субъектами права менялись в зависимости от исторического периода и нередко от географической привязки. Как показал российский исследователь К.В. Хахалин, такие понятия, как «государственная территория» и «суверенитет», эволюционировали. Минимум до конца последней четверти XVIII века понятие «государственная территория» трактовалось в качестве элемента вещного права, позволяя правителям передавать территорию по наследству, отчуждать, обменивать, получать в качестве наследства и т.п. Как и в классическом феодальном обществе, власть и собственность на землю были неотделимы. На рубеже XVIII–XIX вв. понимание «государственной территории» существенно трансформировалось. Оно перестало являться элементом вещного права и стало рассматриваться в качестве пространства, «в пределах которого державная власть существует и действует», т.е. осуществление властных полномочий на определённой территории было практически равнозначно суверенитету над нею. В первой половине XX века международное право стало включать в термин «государственная территория» собственность на эту территорию со стороны государства, причём это была «собственность особого рода», дополненная к тому же новым принципом международного права – правом наций на самоопределение, который стал сосуществовать и иногда противопоставляться принципам «запрещения угрозы или применения силы, а также неприкосновенности и целостности государственной территории»[8].

В качестве рабочего определения понятия «пограничья» можно за основу принять определение, данное в «Политическом словаре»: «Примыкающие к границе территории, так называемые пограничные зоны, имеют не только особый правовой, но и геополитический статус. Здесь сходятся силовые векторы и концентрируются национальные интересы различных государств. В случаях, когда сходятся интересы крупнейших держав или их союзов, в качестве пограничных зон могут выступать целые государства, которые в геополитике называют буферными государствами»[9].

Важно понимать, что государственная граница предполагает функцию регулярной или, лучше, постоянной охраны. Как же этот вопрос решался русскими властями и казахскими правителями?

В XVI веке в Московском царстве возникла сторожевая, станичная и полевая служба, основной задачей которой являлась не только охрана границы, но также разведка и сельскохозяйственная колонизация пограничных территорий[10]. В 1571 году был издан «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». На западных окраинах, а затем и на южных рубежах страны охрану в этот период преимущественно несли регулярные войска. На восточных границах долгое время основное бремя охраны границы, совмещённое с возможностью осуществления набегов на соседей, несли казаки (волжские, уральские, сибирские). Регулярных войск здесь было значительно меньше.

Лишь 5 августа 1827 года император Николай I утвердил Положение об образовании в России таможенной пограничной стражи, основанной на воинских началах. Это считается датой создания пограничной службы в России. Первоначально эта служба занималась борьбой с контрабандой, но в скором времени была наделена и другими полномочиями, присущими пограничным службам настоящего времени[11].

В лексике казахов понятие «граница» также существовало[12]. По мнению К.Ш. Хафизовой, у казахов вопрос охраны границ решался в этот период следующим образом. У них не существовало чёткой линии границ, не было и нужды её охраны по всему периметру. «Оставлялись лишь небольшие отряды на важных речных и горных переходах, караванных путях, которые служили одновременно маршрутами для военных походов. Самые близкие к границам стойбища кочевников бдительно следили за появлением признаков появления чужих…». Старшины аулов сообщали в случае необходимости об угрозе военного вторжения[13].

В 1574 году был заключён первый договор о беспошлинной русско-казахской торговле[14].

В период правления царя Фёдора Иоанновича был заключён договор с казахским владетелем Тевеккелем (Тауекель-ханом) о совместных действиях против сибирского хана Кучума и среднеазиатского правителя Абдаллах-хана II[15]. Более того, в рамках сохранившейся переписки и документальных свидетельств поднимались вопросы развития торговли, охраны караванов, принятия в подданство Московского царства: «чтоб Тевкель-царь и братья его царевичи все были под царьскою рукою, а государь царь и великий князь учнёт их ото всех их недругов уберегати, и стояли бы они на бухарского и на Кучюма-царя»[16]. В качестве гарантии казахский правитель обязывался прислать в качестве аманата своего сына Усеина, а московский царь принимал обязательство выплачивать казахскому правителю и ряду его родственников и приближённых жалованье. Кроме того, царь брал обязательство направить в Самару войска для совместного с казахами вооружённого выступления против отложившегося от Московского царства бывшего сибирского хана Кучума[17].

Поражение Кучума рассматривалось московским двором в качестве причины автоматического вхождения всех территорий и населения бывшего Сибирского ханства в состав России. В частности, входящими в состав государства указаны территории бассейнов рек Оби и Иртыша. Об этом свидетельствует дипломатическая переписка того времени[18]. Более того, при царе Фёдоре Иоанновиче в сношениях с западноевропейскими монархами казахов также причисляли к подданным московского царя[19]. Причём

апеллировали именно к договорённостям с Тауекель-ханом. В частности, на переговорах 1595 года с послами императора Священной Римской империи Рудольфа II подчёркивалось, что среди «новоприобретённых государств», вошедших в состав России, значатся «Казатцкие орды, Тявка салтан»[20]. Позднее, в 1613 году, уже при царе Михаиле Фёдоровиче Романове, в переписке с европейскими государствами подчёркивалось, что, несмотря на Смуту, восточные царства, вошедшие в состав России в конце XVI века, остались в составе Московского государства: «…тамошние землицы, которыя при Царе Фёдоре Ивановиче всеа Руси, при Царе Борисе [Годунове] приложились под их Государеву руку к Московскому Государству, от Российского Государства отпущены не были». Среди входивших в состав России владений вновь указывалась «Казатцкая орда»[21].

Речи о разграничении владений между Московским царством и казахским ханством в документах XVI века не велось. Т.е. разграничения на карте – делимитации – не было никакого, обозначения на поверхности земли – демаркации – также не было, хотя так называемые естественные границы – горы, реки, озера и т.п., – несомненно, существовали и могли восприниматься в качестве условных границ.

Казахское ханство (а зачастую Казахские ханства) этого периода представляло собой этнополитическое объединение, внешние границы которого были условными. Достигнув достаточно больших размеров при Касим-хане, оно вновь сужается при его преемниках. При Хакк-Назаре оно достигает своих максимальных размеров, но затем вновь его территория резко сокращается и на рубеже XVI–XVII вв. охватывает лишь Семиречье. Такая ситуация постоянного изменения внешних границ Казахского ханства обуславливалась как внешнеполитическими факторами, так и в первую очередь особенностями кочевого технологического способа производства. По признаку условных внешних границ (территории во владении подвластного населения) Казахское ханство можно охарактеризовать как пульсирующее образование.

На протяжении всего XVII века казахи вели борьбу за среднеазиатские города с Аштарханидами, Шейбанидами, Тимуридами, а также с эмирами и беками, не принадлежавшими к этим фамилиям. Борьба за обладание городскими центрами разворачивалась и между казахскими владетелями – ханами и султанами. Наиболее значимыми городскими центрами, которыми относительно долго владели казахи, были Ташкент, Туркестан, Сайрам (до его разорения джунгарами в 1664 г.), Сыгнак и ряд других.

Во второй половине XVII века акцент внешнеполитической активности постепенно переносится на казахско-джунгарские отношения. Созданное Батуром-хунтайджи в 1635 году Джунгарское ханство отличалось более высокими по сравнению с Казахским ханством уровнями организации и централизации управления и концентрации власти в руках верховного правителя. В отличие от борьбы со среднеазиатскими правителями, где стоял вопрос о владении городскими центрами и путями движения караванов, борьба с джунгарами разворачивалась за пастбищные угодья, поскольку западные монголы, как и казахи, были по преимуществу кочевниками-скотоводами. В этой связи соперничество носило более жестокий характер. Долгое время борьба шла с переменным успехом, однако в конце XVII века джунгары смогли закрепить за собой ряд юго-восточных территорий кочевий, прежде эксплуатировавшихся казахами. Причинами постепенного перевеса в сторону западных монголов являлись более высокий уровень организации внутреннего управления и войсковой дисциплины, подчинение Джунгарией Уйгурских бекств, а также внутренние усобицы среди казахских владетелей[22].

Относительной стабилизации казахско-джунгарские отношения достигли в начале XVIII века, в годы правления казахского хана Тауке (1680 – около 1715/18 гг.). При нём были предприняты попытки кодификации обычного права казахов (Жеті Жаргы), в значительной мере урегулированы внутренние противоречия между султанами, в жузах, племенах, родах и среди зависимых от казахов иноэтничных групп были поставле-

ны/избраны бии, полномочия и функции которых приближались к официальным должностям. Фактически была предпринята попытка централизации системы управления по образцу, аналогичному джунгарскому. Однако она не увенчалась успехом, и уже последние годы правления Тауке сопровождались нарастанием усобиц в Казахском ханстве, которые усилились при его преемниках. Временным успехам казахов в их борьбе с Джунгарией способствовали вспыхивавшие в последней междоусобицы и мятежи, а также напряжённые отношения Джунгарии с Цинским Китаем, отвлекавшие джунгарские силы[23].

Во время перемирия с Цинами джунгары во главе с Цэван-Рабданом вторгаются крупными силами в кочевья казахов и в 1723–1727 гг.[24] наносят ряд сокрушительных поражений их ополчениям. Этот период в истории казахского народа получил название Актабан шубырынды или Алкаколь сулама. Это вторжение отличалось от предыдущих не только масштабами грабежа, но и тем, что джунгары не намеревались уходить с захваченных территорий, приступив к их хозяйственному освоению. Только к 1729–1730 гг. казахам во главе с ханом Младшего жуза Абулхаиром и бытырами Кабанбаем, Раимбетом, Джанибеком и другими удалось нанести ряд поражений джунгарам, вытеснив их в прежние пределы. Но уже в 1735 году казахи Старшего жуза вновь попадают в зависимость от Джунгарии, причём она существует в той или иной форме вплоть до уничтожения Джунгарии Китаем (1755–1758 гг.)[25].

Во второй четверти XVIII века джунгары представляли определённую угрозу и для казахов Младшего и Среднего жузов[26], что, по мнению большинства исследователей, стало одной из основных побудительных причин инициирования казахами процесса присоединения к Российской империи. Более того, какое-то время часть казахов Среднего жуза также обязывалась платить дань в пользу хунтайджи в размере 1 корсака с юрты в год, являясь параллельно российскими подданными. Некоторые казахские султаны отдали своих детей в аманаты (заложники) джунгарам. Известно, что в качестве аманатов в ставке джунгарского правителя какое-то время находились будущие ханы Среднего и Младшего жузов Аблай (Абилмансур) и Айчувак (Айшуак).

Столкновения с западными монголами влияли на расселение казахских племён и родов. Так, в 1720-х гг. под давлением джунгар около 30 тыс. казахов Младшего жуза перешли Эмбу и приблизились к Яику; они расселились также по Тоболу и его западному притоку Ую, войдя в тесное соприкосновение с подданными России башкирами[27].

Российское общество в XVIII веке вступило в полосу политической и социально-экономической модернизации. Развитие и расширение промышленного производства сопровождалось расширением территорий. Всё это требовало серьёзных финансовых вложений. Одним из вариантов решения этого виделось развитие международной торговли.

В период Северной войны Пётр I стремился поставить под контроль России трансконтинентальные торговые маршруты, проходившие через Центральную Азию. Кроме того, определённый интерес для казны представляли вопросы объясачивания местного населения и поиска полезных ископаемых, в первую очередь драгоценных металлов и камней. В качестве магистрального направления государем было определено движение сухопутным путём к Индийскому субконтиненту. Для определения вероятных маршрутов караванной торговли в Азию было послано несколько экспедиций, наделённых широкими полномочиями. «Воротами в Индию» считали Персию и Казахстан[28], которые рассматривались в первую очередь в качестве территории транзитной торговли[29].

В 1714 году сибирский губернатор князь М.П. Гагарин доносил государю о больших запасах месторождений самородного золота в районе Яркенда. Пётр I распорядился снарядить новые экспедиции вверх по Иртышу[30]. Их численность не превышала 3 тыс. человек, первую возглавил И.Д. Бухгольц[31]. Отличием иртышских экспедиций было не просто продвижение в Центральную Азию, но и закрепление за Россией новых территорий посредством строительства укреплённых пунктов.

В инструкции, данной Гагариным, говорилось: «И первой город надлежит делать на помянутой реке Иртыше у Ямышева озера, и оттоль, усмотря, где надлежит, делать и иные городы»[32]. Экспедиция Бухгольца основала укрепления Ямышевское и Омское, однако в 1716 году из-за противодействия со стороны джунгар она вернулась обратно. В 1715–1720 гг. в этом же направлении был снаряжён ещё ряд экспедиций, которые основали укрепления Железинское, Семипалатное и Усть-Каменогорское. Дальше всех смогла проследовать экспедиция И.М. Лихарёва. Достигнуть Яркенда она так и не смогла, однако удалось закрепиться в Среднем Прииртышье, причём здесь Россия столкнулась не только с Джунгарией, но и с казахами[33].

В 1724 году император Пётр I удовлетворил просьбу сибирских властей об охране пограничных поселений по Ишиму, куда вкочевали казахи, совершившие ряд нападений на русские поселения, «и Его Величества людей конечно раззоряют, в полон увозят и побивают, хлебы, сена жгут и оным неприятелем в таковой близости всеконечно кочевать не надлежит». Для охраны пограничных крепостей и слобод было решено использовать драгунский тысячный полк, три ишимские роты и ещё один полк переселить в остроги близ городов, так как «одним полком надёжность охраны поселений обеспечена не будет»[34].

В 1732 году сибирский губернатор А.Л. Плещеев доносил императрице Анне Иоанновне, что требуется дальнейшее укрепление границ сибирских владений, в первую очередь на границе с джунгарами и китайцами. Совместно с П.И. Батуриным он сообщал, что имевшихся к тому моменту трёх пехотных полков, неполного драгунского полка и иррегулярных войск для надёжной защиты границы недостаточно. Также, по их мнению, требовалось усилить гарнизоны на границах с казахами, поскольку с лета 1731 года «и поныне Казачья орда к границам сибирским наезжает всегда, да ис оного ж драгунского полка две роты в командировках: одна на китайской границе, другая в Сибирском Обер-Бергамте[35], а Якуцкой полк на китайской границе, из двух полков пехотных из Тоболского и Енисейского содержат Иртышские крепости и Сибирской Обер-Бергамт и бывают в непрестанных командировках за разными Вашего Императорского Величества делами в разных местах»[36].

Таким образом, на раннем этапе освоения территории охрану границ на Сибирских линиях российские власти поручали преимущественно регулярным войскам.

Как можно проследить по материалам российских письменных источников XVII – начала XVIII века, казахи периодически кочевали на левой и правой сторонах Иртыша, по его притокам, иногда заходили и гораздо дальше на север и восток. Вместе с тем данных о том, что русские пограничные укрепления находились в постоянном соприкосновении с казахами, нет. Объяснить это можно двумя причинами. Во-первых, кочевым способом ведения хозяйства казахами, перемещавшимися в течение года по территории кочевий, в том числе в меридиональном направлении. Во-вторых, тем фактом, что казахи находились в сложных отношениях с другим кочевым народом – джунгарами, которые также кочевали в данном районе. О том, с кем же столкнулись русские отряды, когда основывали укрепления по Иртышу, и тем самым де факто создавалась новая граница, можно судить по следующим фактам.

Сибирские летописи, весьма подробно описывавшие торговые отношения и набеги казахов на владения русских в Сибири, не фиксируют присутствия казахов на южных рубежах Тобольской провинции на рубеже XVII и XVIII веков[37].

В конце 1718 года казахский хан Каип писал Петру I, что «те воры (джунгары. – *А.Б.*) живут от нас в дальном разстоянии, например, к Вашему (российскому. – *А.Б.*) владению ближе»[38].

Именно джунгары во втором десятилетии XVIII века несколько раз осаждали построенные россиянами укрепления. В 1716 году джунгары после продолжительной осады овладели остатками Ямышевской крепости[39].

Более того, по вопросу принадлежности Иртыша царское правительство и сибирские губернаторы и командиры расположенных

по Иртышу русских крепостей и экспедиций вели неоднократные переговоры именно с джунгарами.

Так, в 1719 году майор Лихарёв направил на переговоры с правителем Цэван-Рабданом казачьего голову И.Д. Чередова. Помимо прочего, ему ставились задачи постараться урегулировать отношения с джунгарами, обострившиеся в результате начала строительства крепостей по Иртышу, по возможности договориться о возобновлении торговли и о безопасном поиске россиянами месторождений драгоценных металлов, а также донести позицию российского правительства, что Ямышевская крепость находится «на земле Российской, и Иртыш с устья до вершины российской, а городы стоят не для ссоры с ним»[40].

Джунгарский правитель дал согласие на развитие торговли и поиск месторождений, но не признал вновь построенные крепости законно расположенными. Он, в частности, заявил Чередову, что Ямышевскую крепость построили, «грани и засеки преступя», и «он посылал Черен-Дондука спросить о том строении и из той крепости бой учинили, и Бухолц Черен-Дондуку через толмача говорил, что, грани и затёсы преступя, город поставили по приказу князя Гагарина». Кроме того, Цэван-Рабдан выразил надежду, что российские власти окажут ему содействие в борьбе с китайцами, позволят собирать подати с сибирских народов, с которых джунгары собирали ясак прежде, а также не будут принимать к себе «беглых от ево калмыков»[41].

Вновь вопрос о спорных территориях сибирского ведомства с джунгарами был поставлен преемником Цэван-Рабдана – Галдан-Цэреном, который в 1742 году потребовал снести российские крепости по Верхнему Иртышу, ссылаясь на договорённости прежних правителей двух стран, которые якобы «согласились те места разграничить, и тако по устью Чёрной Оми[42] постановили границу и учинили во знак той границы засеку с таким договором, чтоб от того времени со обеих сторон никому в чужих местах зверей не ловить и крепостей и других жилищ не строить»[43]. Т.е. потребовал снести все крепости от Омска включительно выше по Иртышу.

Галдан-Цэрен направил четыре делегации с устными и письменными требованиями. Все территориальные претензии джунгарского правителя российской стороной были отвергнуты. Более того, в 1743 году было удовлетворено предложение глав оренбургского и сибирского ведомств И.И. Неплюева и А.М. Сухарева «о зделании пограничной линии для закрытия от зюнгорцов (джунгар. – *А.Б.*) по Иртышу до Семиполатной крепости и оттуда до Телецкого озера» на Алтае[44]. В 1744 году Правительствующий Сенат отдал соответствующие указания генерал-майору Х.Х. Киндерману[45].

Джунгарский хан Цэван-Рабдан в своём обращении к сибирскому губернатору А.М. Сухареву также настаивал на срытии крепостей по Иртышу и возврате джунгарам их земель. На это последовало очередное распоряжение об усилении охраны границ с джунгарами[46]. В ответном письме джунгарскому хунтайджи сибирский губернатор указал: «А что вы ту землю, на которой Семиполатная и Ямышевская крепости построены, своею называете, то с вашей стороны едва ль доказано быть может, ибо известное дело есть, что как сии, так и другия пограничные крепости из давних времян на собственных российских землях, а не чужих построены»[47].

Претензии джунгарских правителей на Прииртышье продолжали поступать до момента ликвидации Джунгарского государства. Хотя следует отметить, что имело место и обращение мятежного Амурсаны к российскому правительству о строительстве ещё одного русского укрепления в районе озера Зайсан, к охране которого и границ с китайцами могли бы быть привлечены джунгары[48].

Китайские власти после разгрома Цинами Джунгарского ханства также несколько раз входили в дипломатическую переписку, считая Прииртышье и ряд других районов спорными, поскольку, по их мнению, эти земли должны были принадлежать Китаю как государству-победителю. Более того, часть казахов на основании того, что те платили какое-то время дань джунгарам, также автома-

тически стала рассматриваться китайскими властями своими подданными. Другим аргументом являлось то, что ряд казахских владельцев принял от китайского правительства титулы и чины[49]. Последние принимались казахами не в последнюю очередь ради возможности ведения беспошлинной торговли, в том числе контрабандными российскими товарами, ввоз которых в Китай периодически запрещался китайским правительством.

Более того, Цины пытались принудить часть казахов признать зависимость силой, что побудило казахских султанов искать защиты в Прииртышье, близ российских крепостей. Так, в 1762 году именно по этой причине здесь находились хан Абулмамбет, султаны Аблай, Салмет, знатные старшины Кульсара и Кулёк с подвластными им казахами[50].

Джунгарские правители неоднократно обращались к казахам за поддержкой в вопросе о принадлежности прииртышских земель. Так, в 1744 году хунтайджи Галдан-Цэрен писал влиятельнейшему казахскому султану Среднего жуза Бараку, «дабы они с ними были заодно, возбуждая их сим, что российские люди завоевали у них, зенгорцев (джунгар. – *А.Б.*), реку Иртыш, а от них, киргис-кайсак (казахов. – *А.Б.*), отняли Яик и построили свои крепости; а впредь де могут и так далеко завладеть, что к кочеванию и места им не останется»[51]. Султан Барак ответил, что русские не вредят казахам, напротив, «от производимого с ними купечества и немалую ползу получают»[52]. Такие же обращения от джунгарского правителя получали в то время и другие правители Среднего и Младшего жузов, в том числе хан Абулхаир.

Позднее хивинские ханы обращались к казахам с предложением запретить русским въезжать в степные районы, населённые казахами, чтобы тем самым предотвратить строительство новых укреплений, «которые предзнаменуют будто бы для киргизов (казахов. – *А.Б.*) большие несчастья»[53].

В рамках подготовки Степного положения (1891 г.) российские власти собрали значительный материал по взаимоотношениям с казахами. Был затронут и вопрос о принадлежности Прииртышья в первой половине XVIII века, по которому было констатировано следующее: «При устройстве в начале XVIII столетия крепостей по рекам Оми, Ишиму и Иртышу земли, прилегающие к этим рекам с юго-восточной стороны, входили в состав Джунгарского ханства. Однако ещё в первой половине упомянутого столетия на этих землях кочевали и киргизы (казахи. – *А.Б.*) Средней орды, бывшие таким образом нашими непосредственными соседями»[54].

Казахские владетели вступили с сибирским губернатором в дипломатические сношения, вылившиеся в переписку и ряд делегаций. Итогом переговоров стало обращение казахских хана и султанов с просьбой о присоединении к Российскому государству. В 1716–1718 гг. казахи также инициировали ряд предложений о заключении военного союза против джунгар, о развитии русско-казахской торговли, о взаимной выдаче преступников и др. Первое такое предложение было сделано Каипом 13 сентября 1716 года. Затем последовало ещё несколько обращений, включавших вопросы торгового и военно-политического взаимодействия[55].

Позднее с такими же предложениями обращались Абулхаир-хан, Мамай-султан и другие представители казахской знати[56]. Российская сторона в переговорах настаивала на ряде обязательных условий: свободном пропуске караванов через населённую казахами территорию, а в идеале и их охране, выдаче пленных россиян, отказе от нападений на русские поселения и российских подданных[57].

С 1725 года казахские владетели отправили к российскому двору несколько посольств, причём в этих переговорах уже поднимается вопрос о вхождении казахов в состав империи. Пётр I, не желая усиливать противоречия с джунгарами, этот вопрос решил отрицательно[58]. В то же время Россия стремилась дипломатическими средствами смягчить нажим на казахов со стороны Джунгарии. Следующее посольство казахского хана Младшего жуза Абулхаира было отправлено в Петербург в 1730 году, и 19 февраля 1731 года императрица Анна Иоанновна подписала указ о приёме казахов в состав Российской империи[59].

Казахи априори рассматривались российским правительством в статусе находившихся под полной юрисдикцией России, т.е. «подданными». С 1771 г. «верноподданными» стали именовать казахов, кочевавших во внутренних районах империи; кочевавших во внешних районах (позднее – округах) – «неверноподданными»[60].

Принятие в подданство казахов, с точки зрения внешнеполитической заинтересованности России, имело своей целью установление дополнительного противовеса Джунгарии и должно было ослабить претензии последней на сибирские территории империи[61].

Значительная часть казахской знати видела в присоединении к России возможность развития торговых отношений, вплоть до использования института двойного подданства для получения прибылей от торговли с патронирующими государствами, которые зачастую находились в неприятельских отношениях друг с другом, соперничая, в том числе, и из-за новых подданных[62].

Большинство казахов воспринимали добровольное подданство как военный и политический союз с Россией, своеобразное покровительство, которое должно было обеспечить степнякам мир и благополучие. Они придерживались мнения, что русские не будут стеснять свободу кочевников и причинять тем самым им вред, а подданство, коль оно добровольное, может быть прервано в одностороннем порядке в любой удобный для казахов момент[63]. «Наконец, ордынцы поступали в наше подданство в полной уверенности, что правительство будет постоянно следить за их нуждами и если поведёт их к гражданственности, то путём не насильственным, а мирным, тихим»[64].

В то же время различные слои казахского социума неоднозначно относились к факту принятия подданства. Пророссийская ориентация была характерна в то время для значительной части казахских биев. В противовес им определённая часть султанов Жадигидов рассматривала приведение к присяге на верность в качестве «приведения в неволю».

(*Окончание следует*)

Примечания

[1] *Голунов С.В.* Российско-казахстанская граница: история формирования // Вестник ВолгГУ. Сер. 4. Вып. 10. 2005. С. 68-69.

[2] См.: Граница: понятие и термины // Отечественные записки. 2002. № 6 // https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/granicza-ponyatie-i-terminy.html (обращение 27.09.2021).

[3] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 113. Оп. 113/1. 1742 г. Д. 2. Л. 160об. и др.

[4] *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсак. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1867. С. 6.

[5] Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). Ф. 36. Оп. 1. Д. 439. Л. 2.

[6] См.: *Венюков М.И.* Обозрение русско-азиатских границ. Б.м., 1873. С. 27.

[7] См.: Закон РК «О Государственной границе Республики Казахстан» от 16.01.2013 с изменениями от 29.06.2021 // Пограничная служба КНБ Казахстана (официальный сайт) // https://gov.kz/memleket/entities/shekaraknb/documents/details/adilet/Z1300000070?lang=ru (обращение 24.09.2021): Закон РФ от 1 апреля 1993 г. N 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // https://base.garant.ru/10103372 (обращение 24.09.2021).

[8] *Хахалин К.В.* Русско-китайское разграничение в Центральной Азии и трансформация международно-правовой характеристики «государственной территории» // Вестник исторической географии. № 2. М.–Смоленск: Изд-во «Ойкумена», 2001. С. 42-43.

[9] Граница государственная // Политический словарь // https://gufo.me/dict/politics_dict/%D0%93% D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F (обращение 24.09.2021)

[10] Из истории установления и оформления государственной границы России и становления службы по её охране // Официальный сайт Пограничной службы ФСБ России // http://ps.fsb.ru/fps/history/general/text.htm%21id%3D10320625%40fsbArticle.html (обращение 24.09.2021).

[11] *Надарин Э.С.* Формирование и реформы пограничных органов федеральной службы безопасности (историко-правовые аспекты) // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. С. 6-7.

[12] Граница (рус.) – шекарасы (каз.) – shekarasy (каз.) – border (англ.). Государственная граница (рус.) – мемлекеттік шекара (каз.) – memlekettik shekara (каз.) – state border (англ.).

[13] *Хафизова К.Ш.* Проблемы исследования международных отношений Казахских ханств // Qazaqstan tarihy. Июнь 2004. № 6(18). С. 110. https://e-history.kz/ru/library/read/24141 (обращение 24.09.2021). Спорен тезис автора о том, что кочевники не держали постоянных отрядов для охраны границ. У джунгар такие отряды в XVIII в. существовали, в том числе на границах с русскими владениями.

[14] Сибирские летописи. Издание Императорской археографической комиссии. СПб., 1907. С. 7.

[15] *Абусеитова М.Х.* Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI века // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1983. С. 165-177; *Абусеитова М.Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 29-33.

[16] КРО-1. Док. № 5.

[17] КРО-1. Док. № 6.

[18] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1463. Оп. 1. Д. 282. Тетрадь Е. Л. 32.

[19] ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 282. Тетрадь Е. Л. 35об.

[20] ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 286. Тетрадь XI. Т. II. Л. 92–92об.

[21] ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 282. Тетрадь Е. Л. 36.

[22] Более подробно см.: *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. (1635–1758 гг.). М., 1964; *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи. (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991 и др.

[23] См.: *Моисеев В.А.* Казахско-джунгарские отношения в XVII–XVIII вв. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1983; *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата, 1991 и др.

[24] Ряд исследователей рассматривают иные хронологические рамки Актабан шубырынды, а именно: 1723–1725 гг., или 1723–1729 гг., или 1723–1730 гг., но указанная в основном тексте датировка наиболее часто встречается в работах современных авторов.

[25] См.: *Моисеев В.А.* Трудные годы // История Казахстана: Белые пятна / Сост. Ж.Б. Абылхожин. Алма-Ата, 1991. С. 5-25; *Тынышпаев М.* Годы великого бедствия // *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 155-172 и др.

[26] *Моисеев В.А.* К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30–40-х гг. XVIII в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 177-191.

[27] *Бижанова М.Р.* Башкиро-казахские отношения в XVIII веке // Вестник Башкирского университета. 2006. Т. 11. № 4. С. 146.

[28] В данном случае Казахстан используется авторами не в качестве политико-правового, а в качестве географического понятия.

[29] См., напр.: КРО-1. С. 31; *Попов А.* Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1853. С. 1-48; *Бушев П.П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М., 1978. С. 21-29 и др.

[30] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Ч. 3. Л. 144–147об.

[31] «…отправлено с подполковником Бухолцом драгун и салдат и других чинов, артиллерии и всякой амуницыи и полковых припасов в поход в 715 году: драгун и салдат 2862 человека. Мастеровых людей 70 человек… Пушек медных: старого литья 5, да вновь вылито две шестьфунтовых, 6 3-фунтовых. Мартир пудовой 14. Мартир 60-фунтовых, ценою, кроме старых, 3218 рублев 11 алтын 4 денги. Чюгунных 25 пушек». См.: Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713–1724. СПб., 1885. Док. № 39. С. 130-131. Другие источники приводят немного другие данные, а именно, что в экспедиции Бухгольца участвовало 2982 человека. РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Ч. 3. Л. 152об. Вместе с тем, первые данные – 2862 человека – нам представляются более достоверными, поскольку в документе даётся полная опись имущества и штатного состава экспедиции; кроме того, автор документа вызывает большее доверие, так как был участником событий.

[32] Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713-1724. СПб., 1885. С. 135. Док. № 39.

[33] См.: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Ч. 4. Л. 192об.–197; Памятники сибирской истории… Кн. 2. С. 126-422. Док. № 39-97; *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 22-40 и др.

[34] Памятники сибирской истории… Кн. 2. Док. № 106. С. 443.

[35] Обер-Бергамт – учреждение, управлявшее сибирскими горными заводами, рудниками и приисками в первой половине XVIII в.

[36] Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлече-

ния / Отв. ред. В.А. Моисеев. Барнаул, 2006. Док. № 44. С. 62-63.

[37] См.: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1543. Ч. 2, 3.

[38] КРО-1. Док. № 22.

[39] Крепость была срыта самими защитниками перед выходом из нее в апреле 1716 г. Через полгода она была восстановлена отрядом во главе с подполковником Матигоровым.

[40] Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Док. № 12. С. 23. Следует обратить внимание, что принцип владения рек от устья до истока был характерен для русского внешнеполитического подхода на Востоке в XVII–XVIII в целом, а не только по отношению к владениям по Иртышу.

[41] Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Док. № 12. С. 24.

[42] Правый приток Иртыша, протекает по территории современных Омской и Новосибирской областей Российской Федерации.

[43] Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Док. № 56. С. 77-78.

[44] Там же. Док. № 61. С. 85.

[45] Там же. Док. № 68-70, 88. С. 97-105, 134-140.

[46] Там же. Док. № 92-93. С. 144-148.

[47] АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. 1750 г. Д. 1. Л. 150–150 об.

[48] АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113. 1757 г. Д. 6. Л. 45.

[49] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 82. 1884-1891 гг. Д. 3. Л. 422об.–423; Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 72–74; *Балкашин Н.Н.* О киргизах и вообще подвластных России мусульманах. СПб., 1887. С. 20 и др.

[50] АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 14. Л. 27об.

[51] Архив СПбИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 6. Л. 255.

[52] РГИА. Ф. 1343. Д. 187. Л. 13об.

[53] Архив СПбИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 32. Л. 361.

[54] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1884–1891 гг. Д. 3. Л. 422–422об.

[55] См., напр.: РГАДА. Ф. 122. 1718 г. Оп. 2. Д. 2 и др.

[56] Памятники сибирской истории… Кн. 2. Док. № 41. С. 152-166.

[57] РГАДА. Древнехранилище. МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г.; Памятники сибирской истории… Кн. 2. Док. № 41 и др.

[58] В то же время император Пётр I полагал важность казахских территорий для развития транзитной торговли и развития контактов со странами Средней и Южной Азии и Дальнего Востока, отмечая что «хотя-де оная Киргиз-Кайсацкая степной и лехкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям онаяде орда ключ и врата; и той ради причины онаяде орда потребна под Российской протекцыей быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комоникацею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять». КРО-1. Док. № 22.

[59] См.: *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. Л., 1941; *Аполлова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948; *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957; *Шоинбаев Т.Ж.* Добровольное вхождение казахских земель в состав России и его прогрессивное значение. Дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Рукопись. Алма-Ата, 1966; История Казахской ССР. В 5 томах. Т. 3. Алма-Ата, 1979 и др.

[60] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 18об.–19об.

[61] *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998. С. 76.

[62] Так, казахи продавали русские товары китайцам, а китайские – русским, пользуясь торговыми привилегиями в обоих государствах. См., напр.: Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М., 1989. С. 95. Док. № 230. Аналогичным образом поступали алтайские двоеданцы. См.: *Боронин О.В.* Двоеданничество и двоеподданство тюркских народов Южной и Юго-Западной Сибири XVII – 60-е гг. XIX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Барнаул, 2000. С. 29.

[63] Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С. 19.

[64] РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 68. 1858 г. Л. 5.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-15-18

А.В. Болдырев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ (РОПиТ) В ПУБЛИКАЦИЯХ РЕДАКТОРА «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» М.Н. КАТКОВА

Реакция российской прессы на создание 3 августа 1856 г. Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) была однозначно положительной. Многие усматривали в этом возможность не только расширить объём российских морских перевозок, но и переломить внешнеэкономическую ситуацию на Чёрном море в пользу России[1]. При этом в прессе подчёркивалось, что каботажное (прибрежное) плавание не составляет «исключительной цели учреждения Русского общества пароходства и торговли. Оно имело в виду общее развитие торговли южного края России… не стесняя себя в этом случае никакими ограничениями, а, напротив, расширяя круг своих действий по мере возникающей потребности»[2].

Таким образом, цели учреждения РОПиТа рассматривались как необходимая мера для возрастания роли России в Черноморском регионе с её утверждением в Восточном Средиземноморье. На первый план вышли задачи достижения соответствия положения России в Чёрном море её потенциальным экономическим возможностям.

Оценивая итоги деятельности РОПиТа за полтора десятилетия его существования, член-корреспондент Российской академии наук, секретарь Одесского статистического комитета Аполлон Александрович Скальковский отмечал, что РОПиТ «оправдало… главную цель своего учреждения – развитие торговли и судоходства для пользы южной России… Общество идёт постоянно вперёд и четыре последние года (1866–1869 гг. – *Авт.*) достигло самых изумительных результатов – доказательство неколебимой уже его прочности»[3].

Действительно, если в 1850-х гг. на российских судах доставлялось лишь 7–12% отечественных экспортных товаров, то к концу 1860-х гг. этот показатель достиг 30%[4]. По данным А.А. Скальковского, в 1869 году РОПиТу принадлежали 63 парохода, 38 барж (на них пароходы РОПиТ буксировали свои грузы по Днестру и Бугу. – *Авт.*), 7 шаланд[5]. Как отмечала в связи этим исследователь М.Т. Кожекина, деятельность Русского общества пароходства и торговли за 10–12 лет оправдала тот «неподдельный восторг, который объял все сословия не только Одессы, но и всего Новороссийского края»[6].

Однако деятельность РОПиТа вызывала в российском обществе и критические замечания. Наиболее полно они были представлены в публикациях редактора газеты «Московские Ведомости» Михаила Никифоровича Каткова[7], который, признавая несомненные заслуги РОПиТ, обращал внимание на то, что главный недостаток Русского общества пароходства и торговли заключался в полной монополизации им морских перевозок по Чёрному морю. По мнению М.Н. Каткова, это приводило к отсутствию конкуренции, совершенно необходимой для развития торгового судоходства, и создавало при этом препятствия для усиления собственного торгового флота[8]. Несмотря на данные А.А. Скальковского, М.Н. Катков отмечал, что к началу 1870-х гг. у России «нет и сотой доли» английского торгового флота[9].

«Московские Ведомости» также обращали внимание на «громадное, истинно неслыханное возвышение цен (РОПиТом. – *Авт.*) за вывоз зернового хлеба из наших южных гаваней». В результате подобной монополии вывоз хлеба из Таганрога до Керчи стоил примерно столько же, сколько стоил вывоз хлеба из Петербурга в Англию[10]. Главной причиной этого, писал М.Н. Катков, был тот факт, что «все наши мореходные интересы мы вверили высокопривилегированной ком-

пании, чего ни в каком случае не сделали бы ни в какой другой стране». Он подчёркивал, что в этом отношении РОПиТ повторяет отрицательный опыт иностранных перевозчиков, вводя по их примеру на Чёрном море несоразмерно высокие цены за свой фрахт, «не будучи в состоянии перевозить в чужие края хотя бы десятую часть всей массы наших товаров»[11].

С точки зрения редактора «Московских Ведомостей», значительные государственные субсидии позволили РОПиТу подавлять любую конкуренцию, и «в наших южных морях торговый флот может развиваться в рамках только одной частной компании»[12]. Действительно, к началу 1870-х гг. из 13 крупных судоходных компаний, обеспечивавших регулярную связь между важнейшими портами Восточного Средиземноморья, России принадлежало лишь РОПиТ. Англия в этом регионе имела три пароходные компании, Франция – пять, Австро-Венгрия – четыре, Италия – три[13].

М.Н. Катков, впрочем, признаёт, что «такое привилегированное положение Пароходства объяснялось, прежде всего, тем фактом, что в условиях нейтрализации Чёрного моря правительство рассматривало РОПиТ как потенциальную военно-морскую силу в случае вторжения вражеского флота в Чёрное море»[14]. «Мы не имели права содержать в нём военного флота, но большая пароходная компания могла приготовить портовые сооружения и матросов, пригодных при возобновлении военного флота». Теперь же, подчёркивал М.Н. Катков, имея в виду отмену нейтрализации Чёрного моря в 1871 г., «обстоятельства переменились. Верховные права России в Чёрном море восстановлены… Теперь уже нет причин держаться монопольной компании. Казна может свободно поставить себя в такие отношения к торговому мореплаванию в наших южных морях, какие прямо определялись бы его собственными потребностями»[15]. «Московские Ведомости» отмечали крайне выгодную экономическую конъюнктуру для российской международной торговли благодаря Суэцкому каналу, открытие которого в 1869 г. «почти совпало» с «освобождением Чёрного моря»[16].

Следует отметить, что при учреждении РОПиТа для него действительно был установлен порядок получения привилегированной государственной субсидии в виде помильной платы. Правительственный кредит рассчитывался из пройденного его пароходами расстояния, измеряемого в морских милях. Кроме того, при расчёте суммы помильной платы в её состав включали текущие расходы по содержанию, ремонту и страхованию пароходов, а также погашение их общей стоимости. Это мотивировалось международным опытом поддержки национальных пароходных компаний. Предполагалось также, что значительные суммы государственных субсидий должны дать мощный импульс развитию новой компании и укрепить доверие частных подписчиков на акции. Поэтому учредители РОПиТа постарались оградить новую компанию от возможной конкуренции со стороны других частных компаний, запретив русским подданным в течение десяти лет учреждать другие пароходства на Чёрном и Азовском морях[17].

В связи с этим, по мнению «Московских Ведомостей», будущее развитие черноморской торговли напрямую зависело от «субсидиарной» помощи правительства единственному крупному русскому пароходству. В газете отмечалось, что «громадная помильная плата помогла ему (РОПиТу. – *Авт.)* вытеснять всех конкурентов, а затем общество могло уже назначать произвольную плату, не обращая внимания на действительные потребности торговли. В Чёрном море не могло образоваться ни одной сколько-нибудь значимой сильной пароходной компании»[18].

«Московские Ведомости» выступали за замену «помильной платы» на «попудную» (от слова пуд. – *Авт.*), которая должна была состоять «в прямом отношении с количеством перевозимого груза, *и только в этом виде субсидия будет определяться действительной пользой, приносимой пароходными обществами торговле* (выделено нами. – *Авт.*)»[19]. Таким образом, по мнению М.Н. Каткова, субсидия должна была зависеть от реального количества груза, перевозимого судоходными компаниями.

Сама субсидия, подчёркивалось в газете, «может быть назначена лишь в скромных размерах, но она должна бы быть увеличена для судов, *построенных в России* (выделено в тексте. – *Авт.*), что подняло бы наше судостроение»[20]. В связи с этим «Московские Ведомости» призывали обратить внимание на Товарищество Черноморского Пароходства и Торговли (ТЧПТ), отмечая, что «люди, знакомые с делами Товарищества, утверждают, что оно, располагая хорошими морскими средствами, готово было бы значительно расширить круг своих действий, если бы не боялось возобновления помильной платы Русскому Обществу Пароходства и Торговли … При помощи от правительства, *даже в значительно меньших размера*х (выделено в тексте. – *Авт.*), оно охотно взяло бы на себя содержание и некоторых срочных почтовых пароходных сообщений»[21].

«Опыт с русским Обществом Пароходства и Торговли, – резюмировал М.Н. Катков, – ясно определяет задачи дальнейшей политики правительства»[22]. «До сих пор меры правительства по развитию судоходства в Чёрном море ограничивались субсидиями РОПиТ… Надобно способствовать размножению пароходных компаний в Чёрном море, которые вследствие конкуренции были бы вынуждены заботиться о действительном удовлетворении потребностей местной торговли»[23].

Оценка деятельности РОПиТа М.Н. Катковым находила поддержку и у его современников. Главный упрёк состоял в том, что, несмотря на беспрецедентную поддержку этой компании, к концу рассматриваемого времени России не удалось добиться создания своего национального флота, способного контролировать торговое судоходство в зоне Чёрного моря. Так, профессор Академии Генерального штаба подполковник Михаил Михайлович Литвинов утверждал, что не была решена главная задача – не была ликвидирована «гнетущая зависимость России от иностранцев на Чёрном море»[24]. Он слово в слово повторял доводы М.Н. Каткова, отмечая, что если «целью возникновения Общества было создание дальнего плавания, развитие каботажа и судостроения, то ни одной из этих задач Общество не выполнило», став «совершенным монополистом, т.е., с нашей точки зрения, тормозящим развитие промышленности одинаково, как и иностранный флот»[25].

Такова была суть критики, которой подверг М.Н. Катков деятельность РОПиТа. При этом речь шла не столько о самом Обществе, сколько об односторонней дотационной политике правительства, которая, по мнению М.Н. Каткова, привела к невозможности развития конкуренции среди российских пароходных компаний на Чёрном море – главного условия конкурентоспособности в новых экономических условиях. Публикации М.Н. Каткова позволяют также изменить мнение о нём как о человеке исключительно консервативных взглядов, показывая, что в рассматриваемое время в экономической политике он занимал вполне передовые позиции.

Примечания

[1] Кавказ, 1857, № 46. 16 (28) июня.

[2] Там же.

[3] *Скальковский А.А*. Русское общество пароходства и торговли. 1857–1869 гг. // Труды Одесского статистического комитета. Выпуск IV. Одесса: Типография П. Францова, 1870. С. 201-202.

[4] *Кожекина М.Т.* Добровольный флот и развитие экономических отношений России с Востоком // Восточный архив. № 11–12, 2004. С. 96.

[5] *Скальковский А.А*. Указ. соч. С. 201-202.

[6] *Кожекина М.Т.* Указ. соч.

[7] *Катков М.Н*. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» в 25-ти томах. 1863–1887. М.: Изд-е С.П. Катковой, 1897.

[8] *Катков М.Н*. Собрание передовых статей... Т. IX. 1871 год. С. 373; *Он же*. Собрание передовых статей… Т. X. 1872 год. С. 182.

[9] *Катков М.Н.* Собрание передовых статей… Т. X. 1872. С. 688. По данным «Московских ведомостей», тоннаж британского торгового флота составлял 6 млн тонн. На нём служило до 300 тыс. чел. Тоннаж и численность людского состава германского торгового флота, по данным той же газеты, составляли соответственно 1,3 млн тонн и 70 тыс. чел. (*Катков М.Н*. Собрание передовых статей… Т. IX. 1871 год. С. 372).

[10] *Катков М.Н.* Собрание передовых статей... Т. IX. 1871 год. С. 372.

[11] Там же. С. 373.

[12] Там же.

[13] *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе. Вторая половина XIX – начало XX века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 275-276.

[14] *Катков М.Н.* Собрание передовых статей... Т. IX. 1871 год. С. 373; *Он же*. Собрание передовых статей... Т. X. 1872 год. С. 182.

[15] *Катков М.Н.* Собрание передовых статей... Т. X. 1872 год. С. 182.

[16] Там же. С. 183.

[17] *Степанов Д.А*. Учреждение Русского Общества Пароходства и Торговли (1856–1857 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. № 22 (237), 2011. История. Вып. 46. С. 32.

[18] *Катков М.Н.* Собрание передовых статей... Т. X. 1872 год. С. 182.

[19] Там же. С. 182.

[20] Там же. С. 184.

[21] Там же. С. 183.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 182-183.

[24] Сохранялось преобладание иностранных торговых компаний над российским торговым флотом в Чёрном море. М.М. Литвинов приводил данные, согласно которым из 7000 торговых судов на Чёрном море число российских кораблей составляло менее 600 (8%). Из 2500 паровых судов российских было 445 (18%).

[25] *Литвинов М.М.* Чёрное море. Роль моря в разные исторические эпохи. Современное экономическое и военное значение Чёрного моря. Военно-статистический обзор. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1881. С. 157-158.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-19-31

М.Р. Рыженков

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.

Дневники и воспоминания представляют собой особую категорию исторических письменных источников, которую можно обобщённо назвать источниками мемуарного характера, поскольку они создаются «для памяти» (от латинского выражения «pro memoria»), т.е. для сохранения информации о происходящих или прошедших событиях. В России этот вид источников появляется довольно поздно. Первые дневники и воспоминания русских авторов (не иностранцев, побывавших в России) известны лишь с XVIII века. От летописных памятников, ведущих своё начало на Руси с XII века, мемуарные источники отличает гораздо больший личностный, авторский характер повествования со всеми присущими ему достоинствами и недостатками.

Чаще всего с источниками мемуарного характера имеют дело историки, работающие в биографическом жанре, поскольку личные документы могут быть скупы на информацию, и остаются лишь письма и воспоминания современников. По части «критики источника» тут встречаются довольно категоричные суждения. «Доверять мемуарам нельзя – это золотое правило. Доверять, строго говоря, нельзя ничему: ни письмам, ни дневникам, ни воспоминаниям, ни показаниям, ни стенограммам, ни телеграммам, ни протоколам – доверять можно только той информации, которая подтверждается из двух, а лучше из трёх или четырёх независимых источников. Но эти источники не всегда есть…»[1].

Но бывает и так, что существует некоторое количество мемуарных источников об одном и том же значительном историческом явлении, как, например, революция или война. Тогда критика источников обеспечивается ещё и тем, что все они описывают одни и те же события, только под разным углом зрения, в зависимости от занимаемого автором положения в служебной иерархии, рода войск, степени удалённости или близости к самим боевым действиям и личного в них участия.

Существенные различия имеются между дневниками и воспоминаниями. Записи в дневник делаются «по горячим следам», когда описываемое событие ещё не вполне ясно самому автору. Сведения могут быть неполными, а иногда искажёнными поспешным донесением или слухами, которые впоследствии опровергаются. Но дневниковые записи передают сиюминутное настроение автора, а зафиксированные слухи, какими бы маловероятными они ни были, показывают настроение современников, их надежды и разочарования. Совсем другое дело – воспоминания, написанные иногда через несколько десятилетий после описываемых событий. Во-первых, мемуарист знает всё произошедшее потом, и с высоты своего знания судит о последствиях тех или иных решений и действий. Во-вторых, на мемуариста не может не оказывать влияния оценка описываемых событий и действующих лиц, сложившаяся в обществе ко времени написания мемуаров. К таким источникам относятся дневники и воспоминания участников Крымской войны.

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. сыграла судьбоносную роль в истории России. Близорукая внешняя политика правительства Николая I привела к тому, что Россия вступила в единоборство с наиболее могущественными державами тогдашней Европы и потерпела поражение. Несмотря на то, что театры военных действий находились на периферии империи и не затронули жизненно важных центров страны, военное поражение привело фактически к крушению николаевского режима и послужило стимулом к проведению реформ, изменивших со-

циально-экономический и отчасти политический облик России.

Центральным эпизодом Крымской войны стала эпопея 349-дневной обороны Севастополя, полная примеров героизма защитников города, за которой с тревогой и надеждой следила вся Россия. Кроме того, военные действия происходили на Дунае, а когда русские войска были вынуждены уйти из Молдавии и Валахии, нападению союзников подверглись не только Севастополь, но и Одесса, Свеаборг и Кронштадт, Кола и Соловки, Петропавловск-на-Камчатке, турецкие войска вторглись в Грузию. Нигде союзникам не удалось достигнуть сколько-нибудь значительных успехов, но падение Севастополя ясно обозначило поражение России. Ответ на вопрос о причинах произошедшего предстояло дать историкам, прежде всего военным.

Ещё весной 1854 года в Санкт-Петербурге началось периодическое издание «Сборника известий, относящихся до настоящей войны», организованное Н.И. Путиловым (будущим основателем металлургического Путиловского завода), выпускником Морского корпуса, инженером и предпринимателем. Сборник включал официальные дипломатические и военные документы, переписку и сообщения о ходе военных действий во время Крымской войны, печатались казённо-патриотические стихотворения. Документы для выпусков сборника предоставлялись правительственными учреждениями и перепечатывались из официальных и официозных изданий. Всего до 1859 года с разной периодичностью было издано 33 книги. Это была первая публикация источников по истории Крымской войны, но очень ограниченная по цензурным соображениям.

Спустя два года после окончания войны был издан «Сборник донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов» (СПб., 1858). В одном томе было опубликовано более 400 документов (по большей части в извлечениях) официального характера в хронологической последовательности, начиная от циркуляра российского правительства ко всем своим посланникам и дипломатическим агентам от 2 июня 1853 года с изложением претензий, предъявляемых Россией к Османской империи, и заканчивая манифестом 20 апреля 1856 года с текстами Парижского мирного договора и сопровождавших его конвенций. Это издание можно считать первым сборником документов о Крымской войне. Правда, многие документы были опубликованы с сокращениями и без поисковых данных оригиналов.

В 1863 году вышла из печати первая часть «Описания обороны г. Севастополя» под редакцией Э.И. Тотлебена, одного из главных организаторов самой обороны (вторая часть в двух отделах увидела свет соответственно в 1868 и 1872 гг.). Издание содержало полный обзор средств воюющих держав, полуострова Крыма, в особенности театра военных действий, изложенный по дням ход обороны и атаки, действия противников, а также распоряжения относительно потерь и усиления Крымской армии, снабжения войск и ухода за больными и ранеными, планы и чертежи. Однако, при всей тщательности описания, работа не давала ответа на главный вопрос о причинах поражения России в Крымской войне.

В 1876 году был издан в четырёх томах капитальный труд военного историка, профессора Николаевской академии Генерального штаба М.И. Богдановича «Восточная война 1853–1856 гг.». В предисловии автор отмечал, что, несмотря на воинские таланты отдельных военачальников и самоотверженность офицеров и солдат, война окончилась для России Парижским миром, ослабившим её позиции на Востоке. Среди причин этого называлось «недостаточное вооружение войск и плохое устройство хозяйственного управления нашей армии», но главную причину неудовлетворительных результатов Крымской войны автор видел в том, что «русская армия не успевала пользоваться неоднократно встречавшимися благоприятными случаями для поражения неприятеля», т.е. в тактических просчётах командования.

Труд М.И. Богдановича был подвергнут критическому анализу и дополнению другим выдающимся военным историком Н.Ф. Дубровиным в книге «Восточная война 1853–

1856 годов. Обзор событий по поводу сочинения М.И. Богдановича» (СПб., 1878). Сам автор ещё с 1869 года занимался историей Крымской войны по поручению наследника престола великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III). Он был прикомандирован к Главному штабу для военно-исторических работ и приступил к сбору самых разнообразных документальных свидетельств о подготовке и проведении военных операций этой войны. Сам Дубровин так определял свою задачу: Восточная война 1853–1856 гг. ещё так мало разработана, что издание хотя бы и незначительного числа новых документов не может считаться явлением бесполезным в литературе.

Собранная в результате документальная коллекция была опубликована в 1871–1874 годах под названием «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя» в пяти выпусках. В состав коллекции вошла официальная переписка дипломатического и военного характера, многочисленные публикации периодических изданий (не только российской, но и зарубежной прессы), воспоминания и свидетельства участников героической обороны Севастополя, а также специально собранные сведения о выдающихся военачальниках Крымской войны: адмиралах П.С. Нахимове, В.И. Истомине, Ф.М. Новосильском, генералах Э.И. Тотлебене, С.А. Хрулёве, Д.Е. Остен-Сакене, М.Д. Горчакове и ряде других. Что касается собственного исследования, Дубровину был разрешён доступ в архив Министерства иностранных дел, но с требованием, согласно резолюции министра А.М. Горчакова, не использовать «дела дипломатической и секретной переписки», что вынуждало автора ограничиваться описанием только военных действий. Также ограничения касались материалов переписки императора Николая I с главнокомандующими и начальниками отдельных отрядов, не разрешалось копировать письма, а все цитаты должны были подвергаться цензуре в Военно-учёном комитете.

Но даже при столь жёстких цензурных ограничениях законченная работа «История Крымской войны и обороны Севастополя» была признана «неудобной для обнародования» и вышла из печати только через 25 лет после написания, в 1900 году. В предисловии автор выражал надежду, что его труд, пусть и со всеми недостатками, будет полезен будущему историку.

Следующим, кто взялся за разработку темы Крымской войны, стал военный историк А.М. Зайончковский, чей труд «Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой» был приурочен к приближавшемуся 50-летнему юбилею самих событий. Автору удалось собрать обширный архивный материал, недоступный его предшественникам, хотя и здесь, несмотря на полувековой срок давности, он столкнулся с ограничениями в возможности использования архивов. Первый том был готов к 1904 году, но из-за русско-японской войны и революции 1905 года его удалось издать только в 1908 году. Второй том в двух частях был издан накануне Первой мировой войны, после чего работа прервалась. В итоге Зайончковский довёл изложение событий лишь до лета 1854 года, т.е. до начала высадки союзников в Крыму.

Уже в 1930-х годах своё, ставшее классическим, исследование предпринял выдающийся историк академик Е.В. Тарле. Его двухтомная «Крымская война» была впервые опубликована во время Великой Отечественной войны, в 1941 (т. 1) и 1943 году (т. 2), а потом неоднократно переиздавалась. Во введении говорилось: «Основной целью автора является анализ тех дипломатических конфликтов, которые непосредственно привели к войне, и тех дипломатических комбинаций, которые так влияли на развёртывание событий во время самой войны и особенно в конце её, перед Парижским миром и в дни парижских конференций. Первоначально я хотел только этой стороной дела и ограничиться. Но по мере того как углублялась работа, мне становилось ясно, что придётся касаться чисто военных событий не так кратко, как я предполагал сначала»[2].

Действительно, без подробного рассмотрения военных действий историк обойтись не мог, но его новаторство по сравнению с предшественниками состояло в существен-

ном расширении круга источников. «Военные писатели, писавшие о Крымской войне (кроме лучших из них: генерала Петрова, давшего историю Дунайской кампании, отчасти Зайончковского, доведшего изложение лишь до конца 1853 года, генерала Модеста Богдановича и немногих других), основывают свой рассказ прежде всего на официальных реляциях, правда, часто довольно критически к ним относясь, и интересуются при этом по преимуществу рассмотрением стратегических планов, тактических движений и т.д. Литературу воспоминаний, частной переписки, свидетельств отдельных второстепенных участников того или иного похода или сражения они почти сплошь оставляют в стороне и делают это систематически. А между тем в такой работе, как предлагаемая, где дипломатические документы не могут быть вполне поняты без параллельного и синхронистического ознакомления с военными событиями, читателю должно быть дано нечто иное, чем пересказ реляций и критика военных планов с перечислением полков и указанием, где кто стоял. Пришлось поэтому даже и для сжатого рассказа о военных событиях предпринять поиски таких материалов, которые отчасти ещё не изданы и хранятся в архивах, а отчасти давным-давно изданы и покоятся мирным сном, никогда не тревожимые и почти никем даже не цитируемые, в мало «посещаемых водах» никем не читавшихся старых сборников и давно прекратившихся специальных изданий. А сколько драгоценных, ничем не заменимых перлов там можно найти!»[3].

Под «старыми сборниками в мало посещаемых водах» историк имел в виду прежде всего «Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами» в трёх томах (СПб., 1872-1873). Это издание, включавшее в себя 25 мемуарных источников, имело своей предысторией инициативу цесаревича Александра Александровича. После посещения Севастополя в августе 1869 года он поддержал идею создания музея Севастопольской обороны, а через год обратился через «Правительственный вестник» с воззванием, которое было перепечатано многими газетами Российской империи и призывало всех знающих что-либо достоверное о севастопольской защите присылать всё то, что кто-либо имеет «писанного о Севастополе, или то, что он знает и помнит и может написать. Ведённые во время осады дневники, записки, воспоминания или письма о севастопольской обороне, простой рассказ малейшего эпизода её или подвига, или того, что кто-либо помнит как очевидец, без стеснения формами и формальностями – вот что нужно! Одно лишь условие должно быть свято соблюдено – истина!»[4]. На имя цесаревича стали поступать рассказы, воспоминания, письма, записки и дневники. Они стали главным основанием для созданной позже рукописной коллекции Севастопольского музея, а часть из них, отобранная, по-видимому, по своим литературным достоинствам, опубликована в «Сборнике рукописей».

Дальнейшая судьба рукописей точно по документам не прослеживается, но по косвенным признакам (тиснение на кожаных переплётах, рукописные пометы на некоторых из них), они, очевидно, были переданы в Музей Севастопольской обороны (или Севастопольский музей), где хранились в рукописном отделе библиотеки. Там, судя по ссылкам в примечаниях, с ними работали А.М. Зайончковский и Е.В. Тарле. С некоторыми структурными изменениями (с 1940 г. он стал филиалом Центрального военно-морского музея в Ленинграде) музей просуществовал до Великой Отечественной войны, когда его экспонаты были эвакуированы сначала в Баку, а затем в Ульяновск. После войны большая их часть была возвращена в Севастополь в открывшийся в 1948 г. Военно-исторический музей Черноморского флота[5]. В то же время рукописи дневников и воспоминаний участников Крымской войны и обороны Севастополя (по меньшей мере, некоторые из них) было решено передать в профильные архивы. Так в 1944 году в Центральный государственный военно-исторический архив СССР поступил комплекс рукописей, который после обработки был распределён по ряду фондов личного происхождения.

В случае с эпопеей обороны Севастополя, то, что она завершилась падением крепости, настолько угнетающе подействовало на всех её защитников, что мысль о написании мемуаров далеко не сразу приходила им в голову. Кроме того, поражение в войне давало повод для критики в прессе действий военачальников. Порой в негативных характеристиках упоминались, совершенно несправедливо, имена истинных героев, таких, как Корнилов и Нахимов. Только постепенно, по мере научного описания истории Крымской войны, стал выясняться подлинный героизм защитников Севастополя, что побудило некоторых из них к написанию мемуаров. Важным импульсом к созданию мемуаров стало открытие Музея Севастопольской обороны в 1869 году и уже упомянутое воззвание наследника цесаревича в 1870 году. Как показывают подсчёты исследователей, наибольшее количество таких источников было создано в 1868–1878 годах[6].

Из всех мемуарных источников по Крымской войне, хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), можно составить «репрезентативную группу» из ранее не публиковавшихся документов. Подполковник Волынского пехотного полка В.В. Корвин-Павловский, поручик Киевского гусарского полка И.И. Величко, поручик Севастопольской инженерной команды А.А. Телятников, штабс-капитан 6-го сапёрного батальона, заведующий минными работами на 4-м бастионе П.В. Преснухин – таков круг авторов, дневники и воспоминания которых достойны внимания историка.

Авторы не занимали высоких постов во время Крымской войны и, следовательно, не получили широкой известности ни у современников, ни у историков. В период обороны Севастополя они находились в невысоких чинах, от прапорщика до штабс-капитана. Они могли наблюдать не всю картину осады «с высоты птичьего полёта», а лишь тот участок, на котором довелось действовать им самим в составе пехоты, кавалерии или инженерно-сапёрных войск. Тем не менее, их свидетельства содержат такие сведения, которых не найти в документах больших военачальников, но без которых история событий останется неполной.

Этот ряд открывается воспоминаниями отставного подполковника Василия Викентьевича Корвин-Павловского (1827–1873), написанными в 1871 году на основе дневника, который он вёл ещё во время Крымской войны. В.В. Корвин-Павловский происходил из обрусевшего польского дворянского рода Павловских «герба Корвин». Его предки служили в XVII веке королю Яну Собесскому и получали от него привилегии на имения. К началу XIX века они значились в дворянских родословных книгах Подольской губернии. Отец Корвин-Павловского Викентий Михайлович владел благоприобретённым имением в слободе Балашове Тираспольского уезда Херсонской губернии[7].

Из послужного списка 1869 года[8] видно, что Василий Корвин-Павловский, из дворян Херсонской губернии, вероисповедания православного, получил образование в Одессе в Ришельевском лицее, где «окончил курс наук с правом на 12 класс» и начал службу в 1849 году в чине губернского секретаря в канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Через год он по прошению был уволен с гражданской службы и поступил унтер-офицером в Литовский егерский полк, откуда вскоре был переведён в Волынский пехотный полк. В январе 1851 года он получает чин прапорщика. С сентября 1852 по июль 1853 года он состоял при штабе 5-го пехотного корпуса для приготовления к поступлению в Императорскую Военную академию, но этим планам не суждено было осуществиться из-за начавшейся войны.

Вся его дальнейшая служба была связана с Волынским полком, с которым он прошёл весь боевой путь от сражения на Альме и до последних дней обороны Севастополя. В октябре 1854 года он был произведён в подпоручики, а в июне 1855 года за отличие – в поручики. За храбрость при бомбардировках и на вылазках он был награждён в феврале 1855 года орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» и орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом.

Но не только награды получил Корвин-Павловский в Севастополе. Послужной список свидетельствует: «Во время вылазки из 4-го бастиона в ночь с 2 на 3 января 1855 года ранен штыком в правую ключицу и оставался при своём месте. Во время нахождения с штуцерными на 5-м бастионе контужен гранатой с левой стороны лица, в левое плечо и правое предплечье»[9].

С сентября 1855 года до марта 1859 года он оставался в Волынском пехотном полку, занимая должность полкового адъютанта, в июле 1859 года был произведён в штабс-капитаны и командирован в штаб 14-й пехотной дивизии на должность старшего адъютанта. В 1863 году его производят в капитаны, а через год командируют в Екатеринослав на должность правителя канцелярии губернского воинского начальника, где он оставался до 1868 года. За это время он получил по выслуге лет орден Св. Владимира 4 ст. (1865 г.) и чин майора (1867 г.). В 1868 году он переводится в 54-й пехотный Минский полк, но с прикомандированием к своему 53-му пехотному Волынскому полку. В феврале 1869 года он подал прошение об отставке, которое было удовлетворено: он был уволен с производством в следующий чин подполковника с правом ношения мундира и полной пенсией. Когда во время подготовки к 50-летнему юбилею обороны Севастополя было предпринято издание альбома портретов с биографиями участников событий (составитель инженер-генерал П.Ф. Рерберг, сам участник севастопольской эпопеи), Василия Викентьевича Корвин-Павловского уже давно не было в живых, но его портрет и краткая биография были помещены в первом выпуске альбома «Севастопольцы». Как указывали составители, «портрет и сведения доставлены вдовой Анной Ивановной Корвин-Павловской из г. Одессы»[10].

Воспоминания В.В. Корвин-Павловского открываются письмом автора на имя цесаревича Александра Александровича, из которого видно, что именно воззвание последнего побудило автора взяться за перо. В то же время мемуарист пишет о своих дневниках, которые он вёл во время войны и сохранял на протяжении 16 лет.

После небольшого очерка о боевом пути Волынского пехотного полка с начала Крымской войны автор воспроизводит свой дневник за 1854–1855 гг., показывая происходившие события через призму личного восприятия. При этом можно допустить, что, переписывая свои записи через полтора десятилетия, он мог подвергать их определённому редактированию, т.е. мы имеем дело не с дневником в чистом виде, а с воспоминаниями в форме дневника, тем более что рукопись предлагалась к «высочайшему» прочтению и последующему хранению в Севастопольском музее. Вся рукопись написана рукой автора, что подтверждается сличением почерка с его собственноручным рапортом об отставке 1869 года.

Степень информативности своего дневника Корвин-Павловский определял следующим образом: «В дневник, ведённый мной с Альминского сражения до падения Севастополя, я вписывал всё то, что было доступно моему наблюдению, и преимущественно старался описать действия Волынского полка. Но сознаюсь, что далеко не достиг предположенной цели. Во-первых, круг деятельности моей был тесен; во-вторых, иногда не были мне известны действия какого-нибудь батальона, отделённого от полка, и, наконец, случалась такая обстановка, когда нельзя было взяться за перо, за карандаш. Кроме того, не могли быть известны мне действия полка, когда я, по случаю ран, находился почти полтора месяца в госпитале в Севастополе, а также, когда последние три месяца осады состоял при штабе главнокомандующего. Но и за то время я со слов очевидцев отметил в дневнике более крупные действия Волынского полка»[11].

Действительно, поскольку в сражении на Альме Волынский пехотный полк был в резерве, то и в дневнике события описаны довольно схематично, так же как и Балаклавское сражение, за которым автор наблюдал издалека. Инкерманское сражение вовсе не отразилось в дневнике, так как полк в это время был на оборонительной линии Севастополя. Зато подробно описаны вылазки отрядов севастопольского гарнизона в начале января 1855 года, в которых сам Корвин-

Павловский принимал непосредственное участие и был ранен. Вообще в дневнике много ярких эпизодов жизни осаждённого Севастополя, которые автор наблюдал своими глазами. Они существенно дополняют общую картину войны.

В РГВИА дело с воспоминаниями и дневником Корвин-Павловского находится в личном фонде генерала от инфантерии А.М. Зайончковского[12]. Андрей Медардович Зайончковский, о работе которого по истории Восточной войны 1853–1856 гг. говорилось выше, помимо должностей на военной службе, был с 1908 по 1914 год главным помощником великого князя Александра Михайловича по управлению Севастопольским музеем. Он имел неограниченный доступ к архиву музея и, очевидно, сохранял у себя некоторые рукописи, необходимые ему для исторических трудов. В 1914–1917 гг. он находился на фронте, командуя последовательно 37-й пехотной дивизией, 30, 47 и 18-м армейскими корпусами. В 1918 году он перешёл на службу в Красную Армию, а в 1922–1926 гг. был преподавателем Военной академии РККА по кафедре стратегии, занимаясь историей Первой мировой войны. К теме Крымской войны он уже не возвращался.

После его смерти в 1926 году была создана комиссия из представителей Военной академии им. М.В. Фрунзе и Центрархива РСФСР, которая составила «Опись архивных документов А.М. Зайончковского, подлежащих включению в Единый государственный архивный фонд»[13], где под № 41 значился «Дневник Севастопольца Василия Корвина-Павловского 1871 г. (в шагреневом тёмно-красном переплёте)». В современной описи фонда Зайончковского дело числится под № 79. Начиная с 1950-х гг., оно неоднократно выдавалось исследователям для использования в научных работах, но в полном виде не публиковалось.

Следующим документом являются воспоминания офицера Киевского гусарского полка И.И. Величко (1829–1911). С 1839 года шефами полка были герцоги Лейхтенбергские, сначала Максимилиан, а с 1852 года – Николай Максимилианович. Поэтому полк называли иногда Лейхтенбергским, а гусар – лейхтенбергцами. Иван Иванович Величко был сыном генерал-майора. В формулярном списке от 31 мая 1857 года отставного генерал-майора И.И. Величко, бывшего командира бригады 6-й лёгкой кавалерийской дивизии, значится сын от первого брака Иван, родившийся 29 августа 1829 года, служащий в гусарском его императорского высочества князя Николая Максимилиановича полку поручиком[14].

Других документов о службе И.И. Величко-младшего в архиве обнаружить не удалось. Краткие биографические сведения о нём вместе с портретом были опубликованы в первом выпуске альбома П.Ф. Рерберга «Севастопольцы»[15]. Источником этих сведений был, очевидно, сам И.И. Величко, который на момент выхода книги был ещё жив. Кроме того, сведения о нём имеются на нескольких интернет-сайтах генеалогического характера[16].

Из всех этих разрозненных источников следует, что он получил образование в одном из кадетских корпусов в Санкт-Петербурге и начал военную службу в Гусарском е.и.в. Николая Максимилиановича полку, с которым участвовал в походе в Венгрию и Трансильванию в 1849 году. В период Крымской войны он, будучи поручиком и полковым адъютантом, участвовал в сражениях на Альме и под Балаклавой, где получил тяжёлую контузию и в дальнейших боевых действиях участия не принимал.

Выйдя после 1857 году в отставку с чином штабс-ротмистра, И.И. Величко в 1860–1870-х гг. занимал должность Тамбовского уездного исправника, а затем стал управляющим имения графа П.С. Строганова «Кариан» в селе Знаменское Тамбовского уезда[17]. В биографических данных в альбоме «Севастопольцы» в качестве его места проживания указан г. Севастополь, однако есть сведения, что после смерти 11 декабря 1911 года он был похоронен у Знаменской церкви в имении Строгановых.

Рукопись небольших по объёму воспоминаний И.И. Величко о Крымской войне хранится в РГВИА в фонде Зайончковского в составе архивного дела вместе с другими рукописями, письмами, формулярными спи-

ками и т.п. участников войны[18]. Некоторые рукописи этого дела были присланы на имя цесаревича (имеются карандашные пометы будущего императора Александра III), но воспоминания Величко имеют иное происхождение. Они были написаны не ранее 1900 года, так как автор упоминает «Историю Крымской войны» Н.Ф. Дубровина, которая была издана только в этом году. Также в деле имеются письма за 1892–1899 гг. к Величко отставного полковника британской армии Джона МакЛоглина, также участника сражения под Балаклавой. Как видно из сопроводительного письма Величко Зайончковскому, его переписка с британским полковником началась после того как корреспондент «Таймс», приезжавший в Россию в связи с голодом 1891 года, опубликовал в своей газете интервью с рассказом Величко об участии в Балаклавском сражении. Переписка двух ветеранов Крымской войны, русского и британского, продолжалась до смерти МакЛоглина. Можно предположить, что именно А.М. Зайончковский, после получения этих писем, предложил И.И. Величко поделиться с ним своими воспоминаниями, которые в итоге оказались в его личном архиве.

Воспоминания Величко, при всей ограниченности отражённых в них событий войны в целом, представляют всё же ценный исторический источник. Главным образом потому, что тут описаны действия русской и британской кавалерии под Балаклавой 13 (25) октября 1854 года. Во-первых, Балаклавское сражение было едва ли не единственным в истории Крымской войны, где кавалерии принадлежала ведущая роль. Во-вторых, в историографии этого сражения до сих пор остаётся несколько эпизодов, трактуемых с почти противоположных позиций или вообще остающихся невыясненными. Была ли атака русскими гусарами тяжёлой бригады английской кавалерии целенаправленной или схватка произошла случайно? За кем осталось поле сражения и почему русские гусары отступили? И наконец, какая часть русской кавалерии атаковала 93-й Шотландский пехотный полк, ставший легендарной «тонкой красной линией». Именно об этом настойчиво спрашивал британский полковник МакЛоглин, но Величко не был свидетелем данного эпизода сражения и не мог дать положительного ответа. В отношении других спорных моментов Балаклавского сражения воспоминания Величко являются одним из немногих показаний непосредственного участника событий, и тем определяется их историческая ценность.

Также заслуживает внимания дневник офицера Севастопольской инженерной команды, позднее старшего адъютанта Управления начальника инженеров Южной и Крымской армии А.А. Телятникова (1830 – после 1862). Алексей Алексеевич Телятников происходил из дворян Харьковской губернии, где, согласно его формулярного списка[19], в Купянском уезде у него было «нераздельное с братом и сёстрами имение из 1800 десятин населённой земли». Образование он получил в Главном (Николаевском) инженерном училище, в котором и начал служить в должности кондуктора с 23 августа 1847 года. Свой первый офицерский чин военного инженер-прапорщика он получил на службе при училище в 1850 году. После обучения в «нижнем офицерском классе» училища, до окончания курса, он был распределён в Архангельско-Новодвинскую инженерную команду.

В 1853 году он находился в годичном отпуске, по окончании которого был переведён в Севастопольскую инженерную команду, куда прибыл 20 февраля 1854 года, и с этого времени находился в Крыму вплоть до конца войны. В июле 1854 года его производят в подпоручики, а через год «за отличную храбрость, оказанную при геройской защите Севастополя» – в поручики. За своё участие в обороне Севастополя Телятников был награждён орденами Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3 ст. с мечами.

После войны он около года служил в Бендерской инженерной команде, затем в Инженерном управлении 1-й армии и Варшавской инженерной команде. В феврале 1859 года его награждают «за отлично усердную и ревностную службу» орденом Св. Анны 3 ст., а в октябре того же года производят в штабс-

капитаны. В 1859–1860 гг. он находился в длительном отпуске по болезни, а в августе-октябре 1861 года был в отпуске «по крестьянским делам», т.е. в связи с отменой крепостного права. 26 мая 1862 года штабс-капитан Телятников подал прошение об отставке с производством в следующий чин и пенсией, которое было удовлетворено[20]. В качестве места жительства после отставки он указывал Харьковскую губернию, Купянский уезд, деревню Крепаковку близ села Ново-Екатеринослава. На этом сведения о жизни А.А. Телятникова заканчиваются, в формулярном списке он значится бездетным вдовцом.

Дневник А.А. Телятникова в настоящее время хранится в РГВИА в его личном фонде, где составляет единственную единицу хранения[21]. В описи фонда, составленной в 2013 году вместо описи 1944 года, рукопись дневника ошибочно названа авторской копией. По ряду признаков (объём единовременных записей, различие чернил и перьев, помарки, исправления и т.п.) можно утверждать, что это подлинные записи автора, сделанные непосредственно во время описываемых событий. Позднейшая авторская обработка Дневника ограничилась переплетением воедино нескольких тетрадей, а также удалением (стиранием) отдельных немногочисленных фрагментов, относящихся, вероятно, к сугубо интимным переживаниям автора. Карандашные пометы на полях или над строкой могли быть сделаны историками в процессе изучения Дневника.

Трудно сказать, была ли рукопись в составе архива Севастопольского музея, но указание места жительства автора, сделанное его рукой на форзаце переплёта, свидетельствует о том, что автор сам передал Дневник в чужие руки. Не исключено, что это произошло в 1870-х гг. под влиянием известного воззвания цесаревича Александра Александровича и образования Севастопольского музея. Это может быть косвенным свидетельством того, что в это время А.А. Телятников был ещё жив, хотя других сведений о нём в архиве не обнаружено. В Военно-исторический архив рукопись поступила в 1926 году вместе с другими бумагами А.М. Зайончковского, как следует из уже упомянутой сдаточной описи, где под № 42 значится «Дневник А.А. Телятникова in folio в переплёте, ч. I–IV»[22].

Дневник Телятникова существенно отличается от описанного выше дневника В.В. Корвин-Павловского. Что касается последнего, то тут мы имеем дело скорее с воспоминаниями в дневниковой форме, написанными спустя два десятилетия после событий. Дневник же Телятникова отражает непосредственное восприятие всего происходящего глазами молодого человека, имеющего широкий круг общения в осаждённом городе.

Сам автор сообщает, что взялся вести дневник именно в связи с началом военных действий в Севастополе. Когда ему случается сделать запись о письмах, полученных из дома от родных, он прерывает себя напоминанием: «Однако ж я увлёкся и легко могу исказить значение Дневника – быть зеркалом и эхом слов и дел в Севастополе»[23]. Уже в конце Дневника, подводя итоги уходящему 1855 году, он пишет: «Когда пройдёт несколько времени, когда многое улетит из нашей памяти, когда свидетели Крымской войны перемрут или удалятся в мирные жилища на покой, как не только приятно, но и полезно будет узнать некоторые подробности, которые не печатаются и скоро забываются. Ведь что ни говори, а говоря беспристрастно, в моих тетрадях есть много горькой правды, которая, хотя и кажется сперва пустяком, а впоследствии выходит важной штукой»[24].

Кроме событий, свидетелем которых был он сам, Телятников записывает то, что слышал от других участников, а иногда и просто слухи, распространявшиеся по городу, по его собственному определению, «с Графской пристани». Такие сведения он оценивает критически: «Чёрт знает, чему верить и о чём писать! Каждый день говорят новости, и при том новости положительные, а между тем, на поверку выходит всё вздор и чепуха. Однако ж нужно всё записывать, чтобы потом оценить, как мало люди способны к истине»[25]. Тем не менее, он не пренебрегает такой информацией: «Быть может, я не прав

во многом, но я пишу, как думает и понимает весь Севастополь»[26], и далее: «Если уже записывать всё, что слышишь от чиновных лгунов, то чего же не записать то, что говорят солдаты»[27].

Автор Дневника настроен вполне патриотически, он переживает неудачи и радуется успехам защитников крепости. Вместе с тем он позволяет себе нелицеприятные и резко критические замечания по адресу начальствующих лиц. Понимая, что в случае обнародования его записей у него могут быть неприятности на службе, он предпочитает не хранить при себе весь Дневник. Исписав одну тетрадь, он отправляет её с оказией в своё родовое поместье в Харьковской губернии. Так, 14 декабря 1854 года он записывает: «Завтра уезжает Тихенко, и я пользуюсь этим, чтобы отправить этот дневник, потому что посылок у нас на почтах не принимают, да такую вещь и опасно посылать отсюда, чего доброго, как раз заглянут»[28]. В конце марта 1855 года он пишет: «Апрель начну в другой тетради, а оставшиеся здесь чистые странички займу планами и замечаниями, относящимися до войны; между тем буду искать отъезжающих, чтобы отправить с ними эту тетрадь в Россию, потому что на здешней почте не принимают посылок и читают всё посылаемое»[29], и далее 7 апреля: «Сегодня я отправил со страхом и трепетом II часть дневника домой; боюсь, чтобы её не вздумали где освидетельствовать»[30].

В конце августа 1855 года, подводя итоги Севастопольской эпопее, Телятников пишет не без горечи: «Грустно мне, что в продолжение года не мог записать ничего порядочного, ничего отрадного, что дневник мой более похож на пасквиль, на брань и клевету. Но я ли в этом виноват? Мне скажут: отчего же г. Альбин так прекрасно пишет о Севастополе, отчего все “письма”, печатаемые в наших подлых газетах, постоянно все хвалят и всем восхищаются? На это я отвечу – Альбин и ему подобные пишут свои дневники и письма преимущественно в Петербурге, зная о Крымских делах из “Инвалида”; пишут ради раболепства, пишут для печати, и потому стараются блеснуть только слогом, выказать низкую лесть, забывая истину. Я же пишу для себя, пишу, как вижу, как понимаю, а вижу всё дурное, за неимением и тени порядочного. Следствия показывают, кто из нас правее, а присылка в Крым полчищ шпионов тайной полиции удостоверяет, что армия выходит из терпения и начинает высказывать мнения не совсем вкусные для правительства и главнокомандующего, а известно, что нужно слишком много дурного, чтобы русский солдат осмелился заговорить»[31].

Тему инженерно-сапёрных работ в осаждённом Севастополе продолжают воспоминания штабс-капитана 6-го сапёрного батальона П.В. Преснухина (1833 – после 1900). Павел Васильевич Преснухин происходил из дворян Новгородской губернии, из небогатой семьи: согласно формулярному списку[32], отец его был поручиком, а недвижимого имущества у него не было. В десятилетнем возрасте в 1843 году он поступил в Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус, из которого в 1850 году был переведён в Дворянский полк (впоследствии Константиновское военное училище) «для окончания курса наук». В 1852 году его производят в прапорщики и определяют на службу в 6-й сапёрный батальон в Киев, где он исполнял обязанности батальонного адъютанта.

В феврале 1854 года, в связи с начавшейся войной с Турцией, батальон переводят в Севастополь, куда он прибыл в апреле, когда военные действия происходили ещё на Дунае. В июле 1854 года. Преснухина производят в подпоручики, а в сентябре происходит высадка англо-французских войск в Крыму и начинается оборона Севастополя, свидетелем и участником которой Преснухин оставался до последнего дня. Его боевая служба была описана в известном альбоме П.Ф. Рерберга «Севастопольцы». На момент выхода в свет 1-го выпуска он, очевидно, был ещё жив, так как на 1900 год он назван отставным подполковником, проживающим в селении Ставы Киевского уезда.

«Время первой бомбардировки, а также все зимние месяцы Преснухин провёл на работах на разных пунктах левой половины оборонительной линии, причём два раза был контужен, а именно 8 октября на Малаховом кургане – в правый бок камнями и 18 октяб-

ря, на 3-м бастионе – в правую лопатку осколком бомбы. В марте 1855 года Преснухин был назначен в распоряжение заведующего работами на Камчатском люнете, причём по ночам ему неоднократно была поручаема опасная работа, а именно, заложение ложементов и соединение их в траншеи, а также закладывание самовзрывных фугасов. На этом укреплении он выдержал вторую бомбардировку, начавшуюся 28 марта. С половины апреля Преснухин находился на 3-м отделении оборонительной линии, закладывал фугасы впереди 3-го бастиона, работал в ложементах, а в ночь с 23 на 24 апреля участвовал в вылазке против английских траншей. 9 мая Преснухин поступил на контрминные работы 4-го бастиона и оставался на них безотлучно до 27 августа; при этом с 15 мая, когда заведующий минными работами штабс-капитан Мельников заболел, на Преснухина было возложено заведывание всеми контрминами 4-го бастиона, под ближайшим руководством полковника Гарднера. Под наблюдением Преснухина взорвано 32 камуфлета. В течение минной службы Преснухин был несколько раз контужен и ушиблен во рву 4-го бастиона, а именно: 25 мая – осколком гранаты в правое бедро; 18 июня – в правую сторону груди картечной пулей; 28 июля, при взрыве французского булева колодца – камнями в левую щёку»[33].

Его доблестная боевая работа не осталась незамеченной: за свои подвиги он последовательно получил ордена Св. Анны 3 ст. с бантом, Св. Владимира 4 ст. с мечами и Св. Георгия 4 ст. Только за июль 1855 года он дважды получал очередной чин: 2 июля – поручика, а уже 14 июля – штабс-капитана, с формулировкой в первом случае «за отличную храбрость и мужество», а во втором – «за примерную храбрость и особенную неустрашимость, оказанные во время бомбардирования г. Севастополя»[34].

Сам Преснухин относил своё быстрое повышение в чинах на счёт благоволения к нему Э.И. Тотлебена, но, видимо, у последнего были на то основания – молодой офицер действительно показывал себя храбрецом. Но не прошли для него бесследно и полученные контузии, и время, проведённое в подземных галереях, – здоровье его было подорвано, он был признан «раненым 2 класса». Этим отчасти объясняется то, что после войны Преснухин не сделал военной карьеры. В 1859 году он был прикомандирован к Николаевскому инженерному училищу, в 1860 году получил чин капитана, а через год подал прошение об отставке с производством в следующий чин, мундиром и пенсией. Своим местом жительства после отставки он указывал г. Полтаву. Сведений о его занятиях в дальнейшей, довольно продолжительной мирной жизни документы архива не содержат.

Воспоминания П.В. Преснухина, названные им Записками, хранятся в РГВИА в личном фонде Э.И. Тотлебена и представляют собой машинописную копию, напечатанную по старой орфографии[35]. Судя по описи фонда, копия поступила в архив вместе с другими документами Тотлебена в 1925 году, но своим появлением среди его личных бумаг она обязана его сыну Н.Э. Тотлебену (1874–1945). На форзаце имеется рукописная дарственная надпись: «Дорогому графу Николаю Эдуардовичу Тотлебену от искренне преданного и любящего бывшего товарища и сослуживца В.А. Бартоломея. 20/VII 1912 г.». Полковник В.А. Бартоломей (1867–1938) служил с 1889 по 1911 год в лейб-гвардии Сапёрном батальоне, где с 1894 по 1914 год служил граф Н.Э. Тотлебен. В 1911 году Бартоломей был назначен в Киев командиром 6-го сапёрного батальона, где среди прочих реликвий сохранялась копия Записок Преснухина. На первом листе Записок в правом верхнем углу имеется машинописная помета «КОПИЯ», а внизу листа «Подлинные записки находятся в Севастопольском музее». На последнем листе Записок имеется также машинописная помета: «Напечатано в 6-м сапёрном его императорского высочества великого князя Николая Николаевича Старшего батальоне. Командир батальона полковник Бартоломей. 1912 года 20 марта, г. Киев. Батальонный адъютант штабс-капитан Гайдарев».

Очевидно, что свой подарок бывшему сослуживцу Бартоломей сделал потому, что Преснухин в Записках неоднократно в пре-

восходной степени отзывается о Э.И. Тотлебене, своём начальнике и покровителе в Севастополе. Таким образом, в РГВИА сохранилась копия с копии, а судьба подлинной рукописи Записок неизвестна, как, впрочем, неизвестна судьба многих других рукописей из архива Севастопольского музея. Например, в РГВИА отсутствует какое-либо упоминание о 25 рукописях, опубликованных в «Сборнике рукописей, представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами».

Как пишет Преснухин в своих Записках, ещё в 1856 году он имел некие записи по свежей памяти и даже составил примерный план мемуаров, но отказался от такого намерения. С одной стороны, его смущала собственная недостаточная информированность о делах обороны: «Так как я не состоял во время обороны Севастополя ни при каком большом штабе, при котором можно было бы следить за обороной, как говорится, с высоты птичьего полёта на всем её пространстве и знать на большой территории, что делается по обороне, в каком положении находится и что предпринимается в отношении её, а как всякий субалтерн-офицер, который не посещал ресторанов, где можно было слышать всякие рассказы и сплетни об обороне, то, конечно, и я мог свидетельствовать в моих записках об обороне Севастополя только о том, что сам делал или видел перед собой»[36]. С другой стороны, описывать исключительно собственные действия он считал «самовосхвалением».

В то же время воспоминания о пережитом Преснухина не покидали: «20 лет спустя по отступлении от Севастополя я был в нём и, поклонившись святой земле, обошёл все те места, где принимал участие в обороне»[37]. И ещё через десять лет: «Для своего развлечения начал составлять на память записки об обороне Севастополя»[38]. Точность датировки событий и красочное описание деталей обстановки свидетельствуют, что, кроме памяти, автор использовал свои записи, сохранившиеся у него с военной поры.

Несмотря на 30 лет, отделявших мемуариста от описываемых событий, Записки сохраняют ценность первоисточника. Рассказ о работах по закладке «неразряжаемых самовзрывных фугасов» свидетельствует о первых опытах применения противопехотных мин. Особенно подробно в Записках описана «подземная война», т.е. создание минных и контрминных галерей, производство подземных взрывов (камуфлетов), жизнь и быт минёров на 4-м бастионе, где с мая 1855 года Преснухин сменил прославленного «обер-крота», штабс-капитана А.В. Мельникова и оставался на этом посту до последнего дня обороны Севастополя.

Такова в общих чертах характеристика архивных материалов, которые до настоящего времени остаются малоизвестными, но ценными историческими источниками. При этом их нельзя назвать не известными ранее документами, некоторые из них в той или иной степени использовались и цитировались в исторических трудах, созданных за более чем полтора века, прошедшие с окончания Крымской войны. Помимо общей темы – Крымская война и оборона Севастополя, все материалы имеют общий признак: они ещё ожидают полной публикации и полноценного введения в научный оборот.

Примечания

[1] *Варламов А.Н.* Михаил Булгаков. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2020. С. 558.

[2] *Тарле Е.В.* Крымская война // Сочинения в двенадцати томах. М., 1959. Т. 8. С. 45.

[3] Там же. С. 46.

[4] Правительственный вестник. 1870. № 221. 16 октября. Цит. по: *Шаповалова Н.В.* Источниковедческий анализ мемуаров об обороне Севастополя 1854–1855 гг.: к постановке вопроса // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 3. С. 1-12.

[5] С 31.12.2020 г. Музей Черноморского флота является филиалом Центрального военно-морского музея им. Петра Великого.

[6] *Шаповалова Н.В.* Источниковедческий анализ мемуаров... С. 2.

[7] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 27. Д. 197. Л. 2–10. О дворянстве рода Павловских Херсонской губ. 1843–1846 гг.

[8] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 5157. Л. 9–18об.

[9] Там же. Л. 17об.

[10] «Севастопольцы». Участники 11-ти месячной обороны Севастополя в 1854–1855 годах / Сост. и изд. П.Ф. Рерберг. СПб., 1903. Т. 1. С. 67-1.

[11] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 79. Л. 6.

[12] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 79.

[13] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 92.

[14] РГВИА. Ф. 400. Оп. 14. Д. 11035. Л. 18.

[15] «Севастопольцы». Т. 1. С. 84, 84-1.

[16] http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:761873

[17] *Величко И.* Краткое описание имения графа Павла Сергеевича Строганова Тамбовской губ. и уезда, при с. Знаменское – Кариан. М., 1892.

[18] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 69. Л. 163–171об.

[19] РГВИА. Ф. 395. Оп. 54. 1 отд. 3 ст. 1862 г. Д. 652. Л. 20–28.

[20] Там же. Л. 15–19.

[21] РГВИА. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1.

[22] РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 92.

[23] РГВИА. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1. Л. 107об.

[24] Там же. Л. 234об.

[25] Там же. Л. 75.

[26] Там же. Л. 94.

[27] Там же. Л. 100.

[28] Там же. Л. 47.

[29] Там же. Л. 87.

[30] Там же. Л. 100.

[31] Там же. Л. 186–186об.

[32] РГВИА. Ф. 395. Оп. 53. 1 отд. 1861 г. Д. 957.

[33] «Севастопольцы». Т. 1. С. 52-53.

[34] РГВИА. Ф. 395. Оп. 53. 1 отд. 1861 г. Д. 957. Л. 10об.

[35] РГВИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–53об.

[36] Там же. Л. 1об.

[37] Там же. Л. 16.

[38] Там же. Л. 1об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-32-37

В.Б. Норик

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПОВЫШЕНИЕ ПРЕСТИЖА РУССКИХ ИНСТРУКТОРОВ В ИРАНЕ.

По материалам дневниковых заметок В.А. Косаговского за 1895–1896 гг.

Со времени своего образования в 1879 году Персидская казачья бригада демонстрировала разную степень эффективности и к 1894 году подошла в состоянии кризиса. Это касалось и финансово-хозяйственных вопросов, и строевой подготовки, и агентурной работы. Исполнявший на тот момент обязанности командира Бригады ротмистр В.К. Бельгард (1863–1914)[1] предпринял в целом небезуспешную попытку исправить создавшееся положение, но довести начатое до конца ему не позволили: в мае 1894 года он был вынужден сдать Бригаду её новому командиру – полковнику В.А. Косаговскому (1857–1918)[2]. Последний, отличаясь от Бельгарда более жёстким характером, взялся за дело с присущей ему неуёмной энергией, в немалой степени следуя в русле преобразований, начатых Бельгардом. В первую очередь он справился с интригами внутри самой Бригады, имевшими целью её расформирование, а затем перешёл к налаживанию финансово-хозяйственных дел. Первоочередной задачей в этом направлении стала ликвидация бюджетного дефицита и введение внятной финансовой отчётности. После относительной стабилизации положения Косаговский задумался о качественном улучшении личного состава Бригады. И здесь в числе прочих мер (в частности, исключения негодных и совершенно не способных к службе) он уделял немало внимания повышению престижа русских инструкторов и привлекательности казачьей службы. О некоторых эпизодах данного направления деятельности В.А. Косаговского и пойдёт речь в настоящей статье.

Во-первых, Косаговский всячески старался провоцировать публичное выражение благоволения со стороны шаха и садр-азама к нему лично и к Бригаде, что, по его мнению, было крайне важно в глазах народа и ближайшего окружения монарха, поскольку сигнализировало о том, что Казачья бригада представляет собой элитное подразделение иранской армии, интриги против которого обречены на провал[3].

Во-вторых, он старался избегать участия казаков в арестах и задержаниях, способных вызвать негативную реакцию в обществе и в среде духовенства. Так, например, он употребил все усилия для того, чтобы не участвовать в «изъятии» из беста солдата одного из полков, убившего своего урядника (*вакиля*) за то, что тот сделал ему замечание (солдат находился на посту в пьяном виде). Арест человека, находящегося в бесте, считался святотатством и мог серьёзно понизить престиж казаков и самого Косаговского. Поэтому последний начал довольно искусно, в стиле самих же иранцев, затягивать время, вынудив командующего иранской армией (*сардар-е колль*) отправить за солдатом своих людей, а затем разыграл притворный гнев по этому поводу[4]. Кроме того, Косаговский постоянно требовал от своих подчинённых не брать чаевые, не заниматься грабежом и не совершать иных предосудительных поступков. Этим самым он представлял Казачью бригаду в более выгодном свете, нежели прочие войсковые подразделения иранской армии.

К числу мероприятий по повышению престижа бригады можно отнести работу с иностранными миссиями. Так, например, 6 сентября 1896 года Косаговский ездил проверять посты в Таджрише[5] и по пути навестил турецкого посла Мюниф-пашу[6]. Он

напомнил ему, что в этом году наступила очередь казаков нести патрульную службу в городе, а кроме того, на них возложена внешняя охрана миссий, поэтому в случае необходимости его подчинённые – всегда к его услугам. Мюниф-паша воспользовался ситуацией и сообщил, что минувшей ночью к ним в миссию забирались воры, но солдаты регулярной персидской армии, *сарбазы*, не стали открывать по ним огонь, ссылаясь на отсутствие приказа, что выглядело полным абсурдом. Косаговский отметил, что казаки не имеют права входить на территорию миссий, но если посол сочтёт возможным это разрешить, то он готов прислать своих людей. Тогда Мюниф-паша попросил предоставить в его распоряжение трёх-четырёх человек[7]. В итоге уже через два часа в турецкую миссию прибыли пятеро казаков под командованием урядника (*вакиля*). При этом они получили тайный приказ полковника отказаться от всего, кроме конюшни для их лошадей и стакана чая. Их поведение вызвало расположение Мюниф-паши. В ночь на 7 сентября последний трижды проверял казаков и всякий раз заставал их на месте, бодрствующими. В итоге турецкий посол выгнал *сарбазов* 5-го гвардейского полка, лишившихся суточных (*джире*), а также ежедневных доплат за разные работы по дому. Это стало для них серьёзной потерей, поскольку *сарбазы* при миссиях имели постоянный доход в отличие от своих товарищей, не получавших жалование годами и суточные (*джире*) месяцами[8]. Данный эпизод в очередной раз оттенил превосходство Казачьей бригады над иранской регулярной армией.

Кроме того, В.А. Косаговский старался прилагать все усилия для защиты несправедливо обвиняемых казаков, что повышало престиж Бригады в глазах населения, а также в глазах потенциальных кандидатов в казаки. Так, например, он лично добился того, чтобы военный министр Наиб ас-Салтане взял под свой контроль дело о краже личных вещей у майора (*йавара*) Хосейн-хана Кючюка в июне 1895 года, поскольку ненавидевший казаков генерал-губернатор Тегерана отказался выслушать командира Второго полка Персидской казачьей бригады генерала (*сартипа*) Касем-аку, прибывшего к нему вместе с истцом[9].

Эту же цель Косаговский преследовал, принимая активное участие в избавлении от наказания старшего урядника (*вакиль-е раст*) Али-Акбар-бека, совершившего убийство зеленщика Шокраллы[10]. Так, в своих дневниковых записках он писал: «Если бы мне удалось отстоять своего подчинённого казака, обаяние моей власти и влияние возросли бы в значительной степени»[11].

Суть дела состоит в следующем. 8 февраля 1896 года ночью Косаговский получил письмо от начальника штаба Бригады Мартирос-хана[12], в котором тот сообщал о том, что около 17.30 *вакиль-е раст* Али-Акбар-бек поссорился у Казвинских ворот[13] с зеленщиком Шокраллой и кинжалом нанёс ему смертельную рану в бедро, после чего скрылся. Поразмыслив, Косаговский пришёл к выводу, что сначала родственники станут требовать крови убийцы, однако в конце концов дело разрешится денежной компенсацией. Он замечает, что «здесь, в стране деспотизма и фатализма, жизнь человеческая ценится не особенно дорого, и самые убийцы далеко не испытывают тех угрызений совести, какие испытывают, например, европейцы»[14]. В подтверждение этой сентенции полковник приводит случай примерно 12-летней давности, когда в драке беременной супруге одного из казаков был нанесён удар в живот, в результате которого у неё случился выкидыш. Тогдашний полковник[15] приложил немало усилий, но всё же добился выплаты компенсации в 80 туманов. Когда казак явился к полковнику с благодарностью, тот стал выражать ему соболезнования, однако «потерпевший», напротив, был рад, поскольку сумел расплатиться с долгами: «Пусть хоть каждый год будут у моей жены выкидыши, за которые бы мне платили по 80 туманов»[16].

Рано утром 9 февраля к Косаговскому пришёл *наиб* Аббас-Коли-хан, сын *мирпанджа* Голям-Хосейн-хана, и доложил, что Али-Акбар поначалу скрылся у себя дома, но когда возбуждённая толпа окружила его дом, был вынужден бежать через крышу (после этого земляки убитого зеленщика, па-

шандцы, разграбили его жилище). Он укрылся в доме Аббас-Коли-хана и просил последнего сообщить об инциденте Косаговскому. Тот вызвал своего ближайшего помощника есаула Сушкова и приказал ему в сопровождении конного взвода доставить Али-Акбара к нему[17].

9 февраля в 14.00 Косаговский явился во дворец военного министра Наиба ас-Салтане[18], где доверенным лицом последнего ему был предъявлен, по словам полковника, заметно искажённый рапорт министра полиции, на котором стояла собственноручная резолюция шаха, предписывающая как можно скорее поймать убийцу и заключить его в Отак-е незам[19] до конца рамазана[20]. Косаговский пожелал встретиться с военным министром, но Наиб ас-Салтане заставил полковника прождать до 18.00, а затем, явившись в сопровождении «огромной толпы духовенства», начал жаловаться на усталость из-за строгого поста. В итоге Косаговскому пришлось задержаться до 22.30, когда окончилось вечернее разговение.

Наконец, полковник сумел перейти к изложению сути дела. Он сообщил Наибу ас-Салтане, что утром беседовал с доставленным в казачьи казармы Али-Акбаром и проверил собранную им накануне информацию. На самом деле конфликт начался из-за матери Али-Акбара, которая хотела купить на базаре зелени разных видов. Зеленщик же по имени Шокралла дал ей только шпинат. На просьбу положить ей и другие сорта зелени женщина получила грубый отказ. Тогда она потребовала вернуть деньги. В ответ на это зеленщик дважды ударил старуху под подбородок, в результате чего её нижние резцы в кровь рассекли верхнюю губу. Затем он сбил её с ног и каблуком сломал кисть левой руки. В это время Али-Акбар дежурил дома у Косаговского. Вернувшись, он узнал об инциденте и отправился к зеленщику за объяснениями. Шокралла начал ругаться, обвиняя мать Али-Акбара во лжи. Али-Акбар схватил его за руку и предложил убедиться в правдивости слов своей матери. В ответ зеленщик замахнулся на него палкой. Поскольку Шокраллу поддержали его помощники, другие зеленщики и жители близлежащих домов, пашандцы, Али-Акбар был вынужден достать кинжал. В итоге Шокралла ударил Али-Акбара палкой, а последний, защищаясь, пырнул его ножом, угодив в пах. Зеленщик упал, а Али-Акбар в испуге убежал. Из всего сказанного Косаговский делает вывод: Али-Акбар невиновен и должен быть оправдан[21].

Все присутствовавшие (среди которых был и брат шаха Молькара) согласились с мнением полковника. Однако Наиба ас-Салтане смущала резолюция шаха, выступать против которой было опасно. В ответ на это Косаговский выдвинул следующие аргументы. Во-первых, шах вынес упомянутую резолюцию на основании неверного доклада. Во-вторых, Али-Акбар сам явился к полковнику, а потому ловить его не нужно. В-третьих, если Али-Акбар будет содержаться не в казачьих казармах, Косаговскому будет трудно расследовать дело. В-четвёртых, зеленщик поступил как злодей, ударив женщину, поэтому любой на месте Али-Акбара вступился бы за свою мать или жену[22].

Эти доводы несколько поколебали решимость Наиба ас-Салтане, однако он всё же не отваживался формально нарушить приказ шаха, ссылаясь, в частности, на то, что невероятное количество родственников, собравшихся во дворе дворца, требует крови Али-Акбара. Косаговский же уверенно предположил, что это по большей части земляки убитого, и оказался прав: когда пригласили войти родственников, то пришли только два двоюродных брата и две сестры. Женщины немедленно подняли шум, поэтому Косаговский предложил им выдать Али-Акбара по окончании рамазана, через 20 дней, а пока посоветовал им успокоиться и похоронить умершего.

Родственники согласились и ушли. После их ухода Косаговский заручился обещанием Наиба ас-Салтане сделать всё возможное для того, чтобы Али-Акбар на этот период оставался в казачьих казармах, не скрывая, что за это время надеется свести дело к денежной компенсации. Наиб ас-Салтане уточнил, что в этом случае личному составу Бригады придётся собрать необходимую сумму из собственного кармана, но полковник заявил,

что не хочет накладывать дополнительное бремя на «бедных казаков» и предпочитает заплатить сам. Наиб ас-Салтане со своей стороны отметил противоестественность ситуации, когда христианин выкупает преступника-мусульманина, и выразил готовность внести необходимую сумму из собственных средств. На этом разговор завершился, и Косаговский около полуночи отправился домой[23].

10 февраля Косаговский подал на имя Наиба ас-Салтане рапорт, в котором просил принца доложить шаху его просьбу оставить Али-Акбар-бека под арестом в казарме. На конверте рапорта шах наложил собственноручную резолюцию, в которой хвалил Косаговского и соглашался оставить убийцу в карцере Бригады до конца рамазана. Между тем родственники принесли уже раздувшийся труп зеленщика к воротам шахских покоев: Наиб ас-Салтане с трудом уговорил стражу оттащить труп, а сам сумел ловко отвлечь внимание шаха разговором. Полагая, что дело уже почти решено, Косаговский отправил бригадного адъютанта Искандар-хана ободрить Али-Акбара, разрешив матери и жене ежедневно посещать последнего. Однако родственники зеленщика продолжали добиваться своего: они четыре дня таскали его раздувшийся и смердящий труп по городу в надежде попасться на глаза шаху. В итоге Косаговский был вынужден дать взятку в 25 туманов одному из полицейских приставов, и тот силой заставил родственников похоронить покойника, обещав проследить, чтобы они не выкопали его обратно[24].

13 марта родственники зеленщика согласились с полученной ими от Косаговского суммой в 150 туманов. Деньги были распределены следующим образом: 25 туманов – вице-губернатору, по 48 туманов – двум братьям убитого, 24 тумана – сестре убитого, 2 тумана – зеленщику, выступившему посредником и уговорившему родственников примириться, 2 тумана – *фаррашам* Наиба ас-Салтане. В результате остался один лишний туман, который Косаговский отдал Али-Акбар-беку. Эта мировая совершилась без участия гвардейцев Наиба ас-Салтане, пашандцев, которые требовали свою долю и угрожали своим же землякам-пашандцам грабежом и побоями[25].

В итоге 13 апреля 1896 года шах передал Али-Акбар-бека во власть Косаговского. Последний называет этот день «днём торжества и огромного подъёма значения среди всех персов». Он сообщает, что свою благодарность ему передал главный *муджтахид* (которого он называет «мусульманским митрополитом»), заявивший, что христианин подал им пример того, как начальнику следует заботиться о своих подчинённых[26].

Одним из переломных событий, упрочивших престиж Бригады, стало убийство Насер ад-Дин-шаха 19 апреля 1896 года. Сохранение порядка в столице в этот неспокойный период явилось заслугой Казачьей бригады и лично полковника Косаговского. Так, в начале мая он писал: «В городе тихо. Все приписывают сохранение порядка почти единственно одним только казакам. Тем лучше: теперешнее смутное время должно создать нам в будущем репутацию, быть может, на многие годы»[27]. И он не ошибся. Однако более подробное изложение этого сюжета, широко освещённого как в персоязычных, так и в русскоязычных источниках (в частности, в дневниковых записках самого В.А. Косаговского), – тема отдельной работы.

Примечания

[1] О В.К. Бельгарде и его деятельности в Иране см.: *Гоков О.А*. Персидская казачья бригада в 1878–1895 гг. Очерки истории в контексте внешней политики Российской империи относительно Ирана (по русским источниками). Lambert Academic Publishing, 2017. С. 436-455; *Гоков О.А*. Российские офицеры и Персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // Canadian-American Slavic Studies, 37, No. 4 (Winter, 2003). С. 407-411; *Норик Б.В*. Дневник полковника В.А. Косаговского за 1894–1895 годы. Избранные отрывки. Часть 1 // Восточный архив. 2018, № 2 (38). С. 39-41, 48, примеч. 36.

[2] Биографический очерк о В.А. Косаговском см.: *Норик Б.В*. В.А. Косаговский: штрихи биографии (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН и Российского государственного военно-исторического архива) // Россия и Палестина: научные и куль-

турные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб: БАН, 2018. С. 184-202.

[3] См., например: АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 399.

[4] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 514–520.

[5] Поселение Таджриш в то время находилось примерно в 9 км к северу от стен Тегерана. Впоследствии вошло в состав столичного мегаполиса.

[6] Мюниф-паша (1828–1910) – государственный деятель Османской империи, реформатор. Несколько раз занимал пост министра образования, принимал активное участие в литературной жизни. Выступил переводчиком философских диалогов европейских философов: этот труд, получивший название *Мухаверат-е хикемийе*, нередко считается первым переводом европейского литературного сочинения на османский язык. Автор работы, посвящённой биографиям древних философов (опубликована в созданном им же самим журнале *Меджмуа-йи фюнун*, № 13–45). В 1860 г. основал Османское научное общество (*Джемийет-е ильмийе-йе османийе*). В 1895 г. Мюниф-паша назначен специальным представителем османского султана для участия в торжествах по случаю 50-летия царствования Насер ад-Дин-шаха Каджара (правил 1848–1896). Покинул Тегеран вскоре после убийства последнего. См.: *Uslu G*. Homer, Troy and the Turks. Heritage and Identity in the Late Ottoman Empire. 1870–1915. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2017. P. 84-85, 90-91; *Mango A*. Munif-Pasha // Encyclopaedia of Islam. CD-ROM edition. Leiden, 1999.

[7] Здесь Косаговский отмечает, что посол боится, как бы «чернь» не отплатила туркам за беззакония суннитов в отношении шиитов в Курдистане, а также за то, что близ Урмии сунниты зарезали двух муджтахидов и 12 представителей шиитского духовенства (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 492об.).

[8] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 492–493. После этого Мюниф-паша попросил фотографию Косаговского для отправки в Константинополь. Полковник дал ему две фотографии: он полагал, что они потребовались либо «для помещения в иллюстрацию», либо чтобы выхлопотать награду, и выражал надежду на последнее (АВ ИВР РАН Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 496об.).

[9] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.

[10] Правда, при этом он не забывал и о собственном имидже. Так, он написал о «деле зеленщика» Шариф-Мирзоеву в письме от 20 февраля 1896 г.: «Пусть и в России знают, легко ли мне здесь служить и с честью ли я несу возложенные на меня обязанности!!!» (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 19). См. также: Там же. Л. 24об.–25.

[11] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 11об.

[12] О Мартирос-хане см.: *Норик Б.В*. Дневник полковника В.А. Косаговского за 1894–1895 годы. Избранные отрывки. Часть 2 // Восточный архив. 2019, № 1 (39). С. 22, примеч. 4.

[13] Казвинские ворота, возведённые ещё в сафавидскую эпоху, располагались на западе Тегерана, у входа в небольшой рынок Кавама ад-Доуле, который сейчас находится на площади Вахдат-е эслами (бывшая Шапур / Шахпур). Судя по всему, инцидент случился на упомянутом рынке. См., например: *Шахиди Мазандарани Х*. Саргозашт-е Техран. Тегеран, 1383/2004. С. 26.

[14] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 10об.

[15] В тексте Косаговский называет фамилию «Домонтович», но в одном фрагменте исправляет последнюю на «Кузьмин-Караваев».

[16] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 10об.

[17] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 10об.; Персия в конце XIX в. (Дневник ген. Косоговского) // Новый Восток 3 (1923). С. 451.

[18] В черновике своего письма в Погостиху он пишет, что в парадной форме отправился в шахский дворец, где прождал 6 часов во дворе. Когда его допустили во дворец, он встретил здесь Садр-Азама и Наиба ас-Салтане, с которыми и завёл этот разговор (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 86об.).

[19] Косаговский поясняет, что это – «в здании так называемого Главного штаба: здесь же находятся и государственные тюрьмы, и единственные в Тегеране общественные нужники, если, конечно, не считать нужники при мечетях» (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 11).

[20] Здесь Косаговский поясняет, что решение любых вопросов, как правило, откладывалось на период после окончания рамазана.

[21] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–13; Персия в конце XIX в. С. 451-453.

[22] На последнем обстоятельстве полковник сделал особый акцент, так как, по его словам, согласно мусульманскому законодательству бить женщину нельзя. В качестве примера он приводит случай, когда известный своим тяжёлым характером дядя Наиба ас-Салтане не стал собственноручно расправляться с двумя женщинами, требовавшими выплат, на которые они не имели никакого права, а попросил сделать это двух дюжих женщин из числа просительниц, пообещав им удовлетворить их прошения и ещё

прибавить небольшое вознаграждение. Они мигом спровоцировали ссору и побили незадачливых просительниц, принадлежавших к знатному роду. Последние пожаловались на генерал-губернатора, однако духовный суд оправдал их обидчиц, поскольку это была бытовая женская ссора (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 13об.; Персия в конце XIX в. С. 454).

[23] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14; Персия в конце XIX в. С. 453-455.

[24] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 15, 19, 46, 47об.; Персия в конце XIX в. С. 455-456. Дело Али-Акбар-бека, по словам Косаговского, серьёзно тормозило разрешение спора с начальником афшарской конницы Хосейн-ханом и начальником конницы куртбеглю Мансур аль-Мольком, которые не позволяли полковнику вербовать казаков из их племён (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 47об.).

[25] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 50об.

[26] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 86об.

В связи с приведённой выше историей вспоминается рассказ Жозефа Артюра де Гобино о молодом *фарраше* по имени Камбар, из-за пустячной ссоры убившем своего оппонента, некоего Али. Камбар бежал от возмездия и засел в бест в усыпальнице Шах Абд аль-Азим, где через некоторое время попался на глаза шаху, который обещал ему прощение. Однако Камбар не поверил, полагая, что шах уедет и забудет о своих словах, а между тем отец убитого продолжал караулить его, ожидая, когда тот, наконец, покинет убежище. Поэтому Камбар, невзирая на уговоры, так и не вышел. Тогда шах разозлился и велел ему уплатить 200 туманов, которые требовал отец убитого. К святилищу были приставлены стражники с приказом убить Камбара, если он покинет убежище. Тот же привязал себя к гробнице и ел по два финика в день, в конце концов, оказавшись на грани смерти от истощения. Однако неожиданно ему улыбнулась удача: его пожалела одна знатная паломница. Она уплатила виру (*дийе*) и умилостивила шаха. Камбар стал её слугой, и дела его пошли в гору. В итоге де Гобино выводит мораль: в Иране любой готов вмешаться в дело, которое совершенно его не касается, и поэтому можно надеяться на решение любых проблем (*Gobineau de A*. Trois ans en Asie (de 1855 à 1858). Paris, 1859. P. 434-436).

[27] АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 190об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-38-47

О.А. Гоков

ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ О ПЕРСИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Проблема источников сведений штаба Кавказского военного округа и Военно-учёного комитета Главного штаба о Персии (Иране) во второй половине XIX – начале XX века на сегодня практически не изучена. В данной статье мы постараемся восполнить этот пробел.

В начале XX века командующий войсками Туркестанского военного округа писал в своём докладе о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться штабу, и о способах добывания сведений. «Все практикуемые нами в настоящее время способы добывания сведений в Афганистане, – сообщал командующий, – сводятся к трём источникам: 1) печать, 2) рекогносцировки офицерами и 3) сведения, доставляемые шпионами.

1) Печать. По доступности этого источника использование его не встречает особых затруднений и не требует принятия трудно осуществляемых мер.

2) Производство рекогносцировок офицерами. Этим путём добыты самые ценные сведения. К сожалению, будучи применим в Китае, Персии и отчасти в Индии, по отношению к Афганистану он мало доступен и возможен лишь в приграничной полосе...

3) Собирание сведений через шпионов. Сведения, добываемые этим путём, составляют преобладающую часть всего получающегося разведками. В то же время эти сведения являются и наименее удовлетворительными по недостоверности, по неполноте и по несвоевременности»[1].

Персия находилась рядом с Афганистаном, но методы сбора информации и информаторы здесь были несколько иными. Так, специальных шпионов-агентов для Персии не готовили. Она была открыта для российских военных, поэтому поездки офицеров оказались здесь чуть ли не основным источником сведений. Сбором военной информации по Ирану занимались главным образом офицеры Генерального штаба (ГШ), служившие в округе. Они собирали и обрабатывали необходимые материалы.

Их информацию можно разделить на «первичную», т.е. полученную офицерами в результате личных наблюдений, и «вторичную» – полученную из других источников. Деление это условно, поскольку, например, личными были наблюдения русских путешественников по Ирану, представителей дипломатического корпуса, офицеров Персидской казачьей бригады и пр. Так, поручик К.-О.Г. Баумгартен указывал в самом начале своей работы источники своей информации. «Данные эти, – писал он, – добыты как личными расспросами, так и сопоставлением полученных ранее разными исследователями Персии и коммерческими агентами европейских торговых домов, основавшихся уже давно в стране… частью извлечённые из имевшихся в литературе данных», а также у «туземного купечества и администрации и проверены указанными в тексте источниками»[2].

Но больше всего всё же ценились личные наблюдения офицеров. Капитан Генштаба П.А. Томилов, характеризуя методы своей работы, писал: «Проехав… по западной Персии в двух направлениях, я имел возможность наблюдать природу, население и культуру лишь в узких придорожных районах, попутных городах и селениях, а потому при составлении отчёта я не мог задаться делом представить общий очерк западной Персии. Такая задача завлекла бы меня в компилятивную работу, где по необходимости главную часть составляли бы сведения, взятые из существующих литературных источников и только дополненные моими личными наблюдениями и впечатлениями»[3].

Важной составляющей работы офицеров ГШ была топографическая съёмка. Одновременно производились барометрические определения высот, собирались географические, статистические, этнографические и торговые данные о посещённых и, по возможности, соседних областях.

Далеко не все офицеры составляли описания исключительно по личным наблюдениям. Итоговый отчёт мог быть и простым описанием того, что видел сам, и собранной информацией, а мог дополняться компиляцией из уже изданных трудов, работ предшественников. В последнем случае нередко следовали уточнения и исправления.

Первичная информация собиралась через два канала: русских офицеров Персидской казачьей бригады и офицеров, которых специально командировали в Персию.

Вторичная информация – это сообщения путешественников, дипломатов, местных жителей, сведения прессы, как иранской, так и иностранной.

С 1879 года важнейшим источником первичной информации для военных о Персии стала Персидская казачья бригада[4]. На её командира были возложены функции негласного военного агента. Поэтому он путём личных наблюдений, сведений от «казаков» и офицеров бригады, персидских чиновников (в том числе от самих военного и первого министров), иностранной колонии в Тегеране, из прессы занимался сбором и анализом политической, военной, статистической и топографической информации об Иране. Так, В.А. Косаговский, будучи командиром ПКБ, помимо личных наблюдений пользовался информацией от своих «казаков» (в частности, большую роль играл армянин Мартирос (Мартирос-хан) Давидханян – переводчик бригады и начальник штаба бригады), для чего посылал их в командировки или же пользовался командировками по приказу правительства Ирана для изучения разных районов северного Ирана. «Казачьи» офицеры этих отрядов после возвращения из подобных командировок представляли своему командиру подробные рапорты о положении дел на местах. В.А. Косаговский также получал информацию от персидских сановников (в том числе высших), иностранцев на персидской службе, представителей дипкорпусов России и других европейских держав. Он использовал официальные материалы персидского военного и других министерств и ведомств, иностранные публикации, сборники и материалы, собранные русскими офицерами. Полученные сведения он систематизировал и передавал либо в штаб Кавказского военного округа, либо (по необходимости) в Военно-учёный комитет Главного штаба.

Источниками информации для офицеров-разведчиков, которые открыто или под прикрытием посещали Иран, служили как личные наблюдения, так и сведения от различных категорий информаторов, в том числе и других офицеров, бывавших в Персии, офицеров Казачьей бригады. Так, П.А. Риттих, посетивший Иран в 1900 году, при описании персидских вооружённых сил активно использовал сведения, полученные от заведующего обучением персидской кавалерии В.А. Косаговского. От него же получал информацию и помощь и П.А. Томилов[5]. «Казаки» бригады, сопровождавшие офицеров по Персии, также рассказывали им много интересного о стране[6]. Как правило, офицеры посещали Иран официально, либо в форме, либо без формы. Правда, истинные цели своих поездок они от персидского правительства скрывали. Перед отъездом некоторые из них получали рекомендации от русских торговцев, персидских консулов или от русских властей. Так, А.Г. Туманский ещё перед выездом заручился в Баку рекомендательными письмами от «некоторых необходимых людей» (поскольку у А.Г. Туманского задания были экономического характера, то этими лицами были купцы; соответственно, рекомендательные письма были также к армянским торговцам в Персии). Такие же письма он получил и из Ашхабада от своих персидских друзей[7].

Значительную поддержку в информационном обеспечении офицерам, путешествовавшим по Персии, обеспечивали русские консулы и другие дипломатические работники, которые образовывали своеобразные «русские колонии» в городах, где были дипломатиче-

ские представительства[8]. П.А. Риттих, например, с благодарностью вспоминал русского консула в Реште[9], Л.К. Артамонов – консула в Астрабаде, генерального консула в Мешхеде[10].

«Русские колонии» не всегда состояли лишь из дипломатов. Вот как, например, описывал такую «колонию» в Энзели один из офицеров. «На берегу русская колония устроила нам встречу и шумно приветствовала вновь прибывших, – вспоминал он. – Странно было смотреть на всю эту группу русских, забравшихся в чужие края и устроившихся тут, как дома. Всё это молодые симпатичные люди. Часть из них были техники, остальные студенты, отставленные на год от университета из-за прошлогоднних беспорядков. Вся эта компания прибыла сюда незадолго перед нами для производства изысканий от Решта до Астары и основалась в прекрасном каменном доме армянина Казем-хана, русского подданного, высланного за какие-то художества из Закавказья. Человек он очень развитой, достаточно образованный и прекрасно знающий местные условия. Для русских людей он незаменимый человек и при изысканиях оказывал большие услуги»[11].

Информацию военно-статистического характера предоставляли, например, секретарь консульства в Исфахане (о численности войск в городе и о главных лицах двора), генеральный консул в Азербайджане и др. Причём использовались данные не только чисто военного характера, но, при необходимости, и сведения о торговле, о сановниках и пр.

Иногда по просьбе Военного министерства или другого военного руководства консулы сами выполняли работу по сбору сведений о Персии. Классическим примером могут служить работы П.М. Власова, русского консула в Реште, а затем генерального консула в Мешхеде[12]. Сюда же можно отнести и русских врачей, приезжавших на временную работу в Иран. Например, П.А. Риттих вспоминал, что «все сведения о Кирмане были добыты только благодаря почти исключительному содействию доктора М. Виноградова, который воспользовался своим пребыванием в городе и изучил его во всех отношениях, а главное, обрёл большие связи в городе»[13]. Доктор Н.И. Шеталов – «человек идейный и работящий» – с марта 1898 по июль 1899 года был в Йезде. Он наблюдал за движением чумы из портов Персидского залива в Центральную Персию[14]. Доктор составил план Йезда, детально ознакомился с бытом жителей города и окрестностей, с самим городом, составив лучшее на тот момент русское его описание.

Статистические сведения могли предоставлять и в русских управлениях. Например, о Казвине – от управления Решт–Казвин–Тегеранской дороги[15]. Бывший российский коммерческий агент в Боджнурде и Кочане Яхья-бек Таиров, перс по происхождению, заведывавший складом торговца Н.Н. Коншина в Ашхабаде, снабжал сведениями пограничного офицера[16].

Во время Ахалтекинского похода 1881–1882 гг. начальник штаба отряда Н.И. Гродеков сумел сформировать для сбора в Северной Персии продовольствия, фуража и перевозочных средств целую сеть агентуры как из русскоподданных, так и из местного населения. Интересен случай с Карлом Дефуром – нидерландским подданным, родившимся в России. По его словам, он покинул родину «по причинам, о которых не считает нужным высказывать», затем в 1878 году приехал в Персию, принял мусульманство, некоторое время был учителем русского языка у сына принца Рукн од-Доуле. Из-за женитьбы ученика лишился места, поселился в Кочане, где его и встретил Н.И. Гродеков. «Видя в Дефуре бойкого молодого человека, хорошо владеющего азиатскими языками, – писал он, – Гродеков предложил ему, не пожелает ли он отправиться в Дерегёз, чтобы оттуда следить за тем, что делается у ахалтекинцев и в Мерве. Дефур согласился. Ему было назначено по 50 туманов в месяц содержания. Он отправился в Мухаметабад и оттуда присылал Гродекову свои донесения в Ширван. Чтобы дать Дефуру основание проживать в Дерегёзе, т.е. чтобы избежать подозрений персидских властей, Гродеков поручил ему покупать для наших войск рис»[17].

Большим подспорьем как для военных, так и для русских дипломатов выступали

персидские армяне. Они были главным образом торговцами и часто занимали видное место в общественной жизни персидских городов. Тот же К.-О.Г. Баумгартен использовал их сообщения как источник для описания особенностей торговли Ирана и проверки официальных известий[18]. Например, посетив Себзевар, поручик радушно был встречен представителями фирмы братьев Мкртычевых, а следующие после приезда два дня у него прошли «в обходе базара, беседах с армянами, сборе сведений, записывании и группировке данных». Армянин Казем-хан (старшина русскоподданных армян в Тебризе) и агент торговой фирмы русскоподданных армян Арзумановых в Хамадане помогали П.А. Томилову[19]. В Йезде роль нештатных российских коммерческих агентов выполняли торговец Хаджи Мохаммед Таги Ширази и его сын Хаджи Сейид Махмуд. «Никто из русских, знающих Хаджи-Тагира, не станет отрицать огромных услуг, оказанных русской торговле и промышленности, не говоря уже о том, что для проезжих русских это незаменимый человек по своей обязательности и гостеприимству … Все торговые дела ведёт частью сам отец, частью его сын Хаджи-Сейид-Махмуд. Оба они служат серьёзными и единственными проводниками русской торговли, которые для своих операций в нужде не стесняются ездить из Йезда в Закаспийскую область», – вспоминал П.А. Риттих[20]. Хаджи Мирза Мухаммад Таги Ширази, который за месяц до этого был утверждён русским торговым агентом и имел обширные торговые представительства по всему Среднему Востоку, активно помогал ещё раньше и К.-О.Г. Баумгартену[21]. В частности, в Кирмане агент Хаджи Мирзы Ага Мохсен «доставил» поручику «возможность собрать самые секретные сведения, посетить и познакомиться с лицами, беседы с которыми имели для меня живейший интерес»[22].

По возможности офицеры получали информацию от персидских сановников и их служащих и приближённых лиц. Например, такими были: переводчик Мамед из шахсевен, служивший у ардебильского помощника губернатора, паспортный чиновник на Худоаферинской заставе мирза Ахмет-хан, приближённый зенджанского губернатора, местные чиновники и купцы[23]. А.Г. Туманский по пути в Иран на пароходе познакомился с двумя персами: родственником великого визиря Персии и персидским полковником, который возвращался из поездки по Америке и Европе[24].

Благорасположенные к русским военным местные ханы и губернаторы-вали также могли служить источником информации, как, например, саккызский хан эмир-пендж Ахмед-хан Абуль-Касим, кашанский губернатор, буширский губернатор[25]. Будучи в Кучане, Л.К. Артамонов имел аудиенцию у правителя ханства. «Нынешний правитель Кучанского ханства, – характеризовал его П.М. Власов, – ильхани (начальник племени) Зафаранлу Эмир-Хусейн-хан носит титул Шуджа-уд-доуле и имеет чин эмир тумана, наследовал власть свою от отца Риза-Кули-Хана, правит краем около 40 лет, считается самым могущественным, самым популярным, хотя и самым жестоким среди полунезависимых ильханиев Хорасана»[26].

Однако далеко не всегда местные власти были так любезны, и тому были причины. «Ещё в августе 1889 года Мир Алем-хан (правитель Каина, умерший незадолго до приезда поручика. – *О.Г.*), – писал К.-О.Г. Баумгартен, – принимал очень любезно бывшего там ротмистра Стрельбицкого, послал ему подарки и вообще оказывал всевозможные почести как представителю России. Теперь же о моём прибытии Мир Исмаэль-хану (сын Мир-Алем-хана, новый правитель Бирджанда. – *О.Г.*) известно стало тотчас же по вступлении нашем в город; но даже обычное, неизбежное появление какого бы то ни было административного лица не воспоследовало; это считается нарушением самых элементарных правил персидского этикета и не прошло незамеченным среди многочисленного общества, населяющего караван-сарай, где каждый комментировал это обстоятельство по-своему и, конечно, не в лестном, для престижа русского имени, смысле. Объяснить это можно, казалось бы, единственно полною индифферентностью, с которою отнеслись в Ашхабаде к посланному Мир Алем-хана в январе 1889 года,

что не дано было с нашей стороны ни малейшего денежного подарка и не приняты были меры, чтобы товар, присланный эмиром каинским и составлявший его собственность, был продан возможно выгоднее. Присылка такого товара с просьбою продать его в Ашхабаде была лишь простым предлогом со стороны правителя завязать с русскими властями сношения и пользоваться денежными субсидиями, которые можно было выхлопотать ему от нашего правительства. Потерпев у нас неудачу, эмир с излишком вознаградил себя щедрыми субсидиями англичан, и с того же момента влияние этих последних значительно усилилось в Каине и Сеистане. Всем этим наглядно объясняется невнимание со стороны каинской администрации ко всякому иностранцу, кроме англичан»[27].

Отдельным офицерам удавалось пользоваться официальными документами правителей провинций, которые они посетили. В первую очередь, это касалось статистических сведений, для чего использовались, например, книги податей, писцовые книги губернаторов. П.А. Риттих вспоминал: «Все статистические данные добыты следующим образом. На персидском языке имеется книга Саниуддовле, который побывал в Белуджистане и подробно описал его с географической точки зрения. Все названия племён оказались верными, а численность семейств сильно изменилась, и исправили мы их по секретной книге податей Бампурского губернатора»[28]. К.-О.Г. Баумгартена посещали официальные лица (он ездил по Персии открыто, в форме и с казачьим конвоем), сам он был у муджтехида (так называют высшую категорию мусульманских богословов-правоведов, имеющих право на иджтихад – право высших авторитетов в вопросах мусульманских религиозных, юридических, бытовых правил, основанных на Коране – шариата – выносить самостоятельные религиозные решения; эти люди очень почитались в Персии)[29]. «Все статистические сведения, – писал поручик в отчёте, – касающиеся Себзевара и его провинции, получены мною от лиц, стоящих близко к правителю и администрации. За полную достоверность их ручаться трудно, хотя они и проверены одним из старожилов города»[30].

Информаторы из местного населения, в основном, не работали на русских. Офицеры получали информацию от них в ходе общения во время пребывания в Персии. Это могли быть главы кочевых племён (например, ханы шахсевенов, бахтиар, туркмен, арабские шейхи), рекомендованные Миссией парсы, представители духовенства, обычные крестьяне, червордары (так называли в Иране погонщиков мулов), купцы[31]. В ходе своей поездки К.-О.Г. Баумгартен, например, неоднократно пользовался расспросными сведениями от местного населения. В первую очередь это касалось особенностей местности, для составления маршрутных описаний[32]. Правда, далеко не всегда они были точными и правдивыми. «Я не мог добиться от проводника, – писал поручик в одном месте, – названия хребта, и даже встреченные мною здесь пастухи-курды не сказали ничего определённого»[33].

Использовались также сведения, полученные от иранских военных. Например, А.Г. Туманский по приглашению посетил поместье командира фоуджа Мехди-хана, заодно познакомившись с его батальоном и особенностями службы в этом подразделении[34]. Информаторами были капитан парохода «Персеполис», курсировавшего в Персидском заливе, эмир-пяндж, служивший у губернатора Буруджирда, Луристана и Арабистана, и др.[35].

Источниками сведений для российских военных были также иностранцы, проживавшие в Персии: иностранные «колонии в Тебризе и Тегеране, голландский консул в Бушире, австрийский инструктор К.В. Вагнер, работавший сначала в Тебризе, а затем в Тегеране»[36].

Дополнительными источниками для военных, совершавших поездки по Персии, были русская и иностранная пресса, литература об Иране научного, справочного характера и записки путешественников – их предшественников[37]. Так, М. Алиханов-Аварский отмечал: «При этом считаю не лишним прибавить, что некоторые пробелы этих записок, неизбежные при неудобствах путешест-

вия верхом и по незнакомой стране, по возможности пополнены впоследствии из персидских рассказов и новейших сведений, появлявшихся в европейской печати»[38].

Собранные сведения офицеры систематизировали и передавали либо в штаб Кавказского военного округа, либо в Военно-учёный комитет Главного штаба. В Тифлисе и в Петербурге на основе собранных сведений составлялись общие военно-статистические работы по Ирану.

При их составлении использовались преимущественно вторичные источники[39]. Примером может служить «Военно-статистический сборник» 1868 года, где автор статьи по Персии указал источники, которыми он пользовался. Позволим их кратко перечислить. В первую очередь, это были работы русских офицеров, дипломатов и путешественников, посетивших Иран: И.Ф. Бларамберга, Н.И. Березина. Далее следовали официальные выпуски по динамике внешней торговли России департамента таможенных сборов Министерства финансов «Виды государственной внешней торговли» за 1862–1866 гг., а также материалы по Персии, помещённые в «Записках» и «Известиях» Императорского Русского географического общества. Из иностранной литературы были использованы различные «истории» Ирана, записки путешественников, географические работы, сборник международных трактатов, собранных Ф.Ф. Мартенсом, торговые отчёты английских консулов (Malcolm. Histoire de la Perse. 1821. Dobeux. La Perse. 1841. Ferrier. Voyage en Perse. 1860. Martens. Recueil de traités, conventions etc. 1846. Wagner. Reise nach Persien u. den Lande der Kurdon. 1852. Bruchsch. Reise nach Persien. 1861. Polak. Persien. 1865. Wappaüs. Handbuch der Geographie und Statistik. Beer. Geschihte des Welthandels. 1864. Ungewitter. Neueste Brdbeschreibung und Staatenbunde. 1863. Kellner. Handbuch für Staatkande. 1866. Rotek und Welcker. Das Staats-feexicon. 1864. Commercial Reports by H.M.'s Consuls, presented 1862, 64, 65 and 66: Tabrees – by K.E. Abbat, Recht – by G. Abbat), а также «новейшие альманахи, сборники и журналы». Отдельно были отмечены «рукописные материалы», т.е. сведения, хранившиеся в Военно-учёном архиве Главного штаба.

О методах работы офицеров, посещавших Иран, можно составить представление по их отчётам. Большинство из них вели подневные записи наблюдений, делали съёмки местности, а также (по возможности) общались с местным населением. «Я положил себе правилом, – писал Л.К. Артамонов, – невзирая ни на какую усталость, всякий раз на ночлег освежить и привести в полную ясность съёмку, произведённую в течение дня»[40]. «Участвуя в этой поездке, – вспоминал М. Алиханов-Аварский, – я вёл с полным беспристрастием возможно обстоятельные походные записки. Говорю с беспристрастием потому, что наша литература, касающаяся Персии, грешит обыкновенно или огульным порицанием всего персидского, или же, напротив, совершенно незаслуженными дифирамбами в угоду разным заинтересованным лицам… При этом считаю не лишним прибавить, что некоторые пробелы этих записок, неизбежные при неудобствах путешествия верхом и по незнакомой стране, по возможности пополнены впоследствии из персидских рассказов и новейших сведений, появлявшихся в европейской печати»[41].

Описывая технику работы, Л.К. Артамонов отмечал: «Съёмка велась на английского типа планшетке (6 дюйм. на 8 дюйм.) с двумя роликами, на которых укреплялась бумажная лента; сбоку в уровень с планшетом был вделан компас, а снизу – ремённая широкая петля с пряжкой. При некотором навыке планшет такого типа чрезвычайно удобен для производства съёмки, особенно когда требуется скрытность. На каждом ночлеге бумага переменялась, причём на исполненной части делалась пометка, а ориентировочные предметы переносились на новый лист. Во время днёвок все отдельные листы маршрутной съёмки склеивались сообразно пометкам, расцвечивались красками и, навёрнутые на валёк, укладывались в чемодан. Только съёмка позиций и особенно важных мест производилась пешком и обходом; маршрутная съёмка велась прямо с коня (средний много раз проверенный ход шагом –

6 вёрст в час), в чём мне удалось ещё прежними путешествиями приобрести достаточный навык. Переходы были неодинаковы и в зависимости от разных обстоятельств колебались от 15 до 70 вёр. в сутки»[42].

Ночью капитан почти не передвигался, так как съёмку производить не было возможности. Барометрические наблюдения производились анероидом Нодэ или английским карманным анероидом, взятым у русского консула в Мешхеде. Температуру капитан наблюдал по термометру Цельсия, а после того, как он разбился – по термометру Реомюра.

Для понимания особенностей сбора информации и её анализа мы считаем необходимым привести длинную цитату из отчёта П.А. Томилова. «Совершенно другой целью задался я, – писал он, – а именно, изложить почти исключительно свои собственные наблюдения, прибегая к посторонним источникам лишь в крайне ограниченных размерах, либо для подтверждения своих впечатлений, либо как противоречащих им, причём старался непременно точно указывать в примечаниях источники, откуда взяты эти сведения. Придерживаясь такого положения, я, может быть, действовал в ущерб полноты и систематичности отчёта, но зато меньше рисковал впасть в ошибки, или приводя данные из источников, не заслуживающих почему-либо доверия, или повторяя и тем подтверждая ошибочные впечатления других. Полагаясь лишь на собственные наблюдения, я прилагал старания оградить себя от возможных ошибок, отделяя положительные и непреложные данные от сомнительных и гадательных, а также виденное мною самим от слышанного, причём старался указать, каким путём добыты мною сведения. Опасаясь больше ошибочных выводов, чем недостаточной полноты отчёта, я нередко выбрасывал те сведения, достоверность которых вселяла почему-либо во мне особенные сомнения. Наиболее строго относился я к своим подробным маршрутным описаниям пройденных путей, так как ошибки в них могут принести существенный вред делу, в случае если маршрутными описаниями пришлось бы пользоваться практически при движении войсковых отрядов. Однако если при составлении маршрутных описаний можно было ограничиться более или менее положительными и точными данными, то далеко не в таких благоприятных условиях находилась работа по составлению первой части отчёта, – его общей части. Говоря здесь о племенах описываемых районов, об их деятельности, культуре, торговле и прочее, приходилось поневоле полагаться, главным образом, на впечатления от виденной страны и бесед с населением и властями. Вследствие отсутствия какой-либо статистики, а ещё более вследствие системы государственного управления, основанного на откупах, в Персии нет возможности получить каких-либо точных статистических данных. Сами персидские власти мало знают о своих владениях, но и то, что знают, тщательно скрывают. Всё снизу доверху основано на лжи и старании скрыть правду: владетель земли желает извлечь возможно большую пользу из крестьян, населяющих его землю, а потому последние тщательно скрывают свои достатки; губернатор, купивший провинцию, имеет первою заботой выжать побольше денег из населения городов и деревень и вместе с тем, боясь увеличения ежегодного взноса правительству за провинцию, также скрывает свои доходы; арендатор какой-либо внутренней (городской) таможни по той же причине даёт ложные сведения о размере ввоза и вывоза товаров. Стараясь таким образом умалять населённость, благосостояние и торговлю своей страны в глазах своих соотечественников, перед иностранцем те же лица нередко лгут в другую сторону, с целью показать перед ним своё могущество и богатство. Большой ошибкой было бы принимать на веру рассказы как властей, так и местных жителей; приходится подвергать всё тщательной поверке, чтобы выделить из этого хаоса лжи хотя бы наиболее достоверное. Невозможность пользоваться какими-либо определёнными цифровыми данными поневоле вынуждает при рассмотрении населённости, богатства и торговли страны ограничиваться такими неопределёнными выражениями, как: много, мало, достаточно и проч. Итак, за отсутствием ка-

ких-либо положительных данных и вследствие трудности собирать сведения путём расспросов, во многих вещах приходилось руководствоваться лишь личными впечатлениями, на которые, конечно, нельзя вполне полагаться, так как они во многом зависят от чисто случайных обстоятельств: времени года, погоды и проч. Так, например, равнина Арабистана по берегам Каруна летом производит впечатление голой и совершенно бесплодной пустыни, во время же зимних дождей многие места её покрыты обширными полями, дающими прекрасный урожай. Таким образом, и свои собственные впечатления необходимо было подвергать тщательной поверке»[43].

Как видим из вышеприведённой цитаты, информация, собираемая военными, нуждалась в постоянной проверке и уточнении. Большинство офицеров сведения, полученные от лиц, стоявших близко к правителю и администрации, проверяли либо у городских старожилов, либо у русскоподданных, либо у дипломатов. «Все приведённые цифры, – писал один из офицеров-путешественников, – взяты со слов губернаторов и проверены у местных жителей, которые говорят так: “персы уверяют, что у них в городах должно быть столько-то (число) солдат, но здесь ничего нет, кроме оборванных караульных”»[44].

Обращая внимание на те трудности, с которыми пришлось столкнуться при написании полноценного отчёта, К.-О.Г. Баумгартен указывал:

«1) Моё сравнительно короткое пребывание в стране;

2) трудность сбора всякого рода статистических сведений там, где каждый считает священным долгом преувеличивать или даже вовсе скрывать правду, говоря цифры наобум и давая самые противоречивые показания;

3) отсутствие официальных статистических сведений или отчётов, которые вовсе не ведутся администрацией, не желающей таким образом подвергнуть контролю получаемый ею доход; само правительство имеет о всех статистических данных своей страны самые неопределённые или неточные сведения; часто целые годы проходят раньше, чем до него дойдёт донесение о вновь возникшем селении, о выселении жителей или переселении их с места на место. Становится ясным, что всем собираемым европейцами сведениям можно доверять лишь отчасти, ибо даже и консульства, существующие постоянно в некоторых округах, часто упоминают в своих отчётах о трудностях сбора достоверных сведений и необходимости относиться к ним лишь как к приблизительным данным»[45].

Хотя здесь нами приведены выдержки лишь из некоторых разведмиссий, в целом они отражают общую картину. Источниками для офицеров, находившихся в Персии, были первичные и вторичные материалы. К первым относились результаты личных наблюдений, расчётов, зарисовок и пр. Вторичные материалы были более обширны. Они включали сведения от разных категорий местного населения (сановников, военных, торговцев, простых крестьян и кочевников и т.п.), официальные известия, публиковавшиеся персидским правительством, информацию от русских дипломатических представителей (представителей Миссии, консулов), от иностранцев (как на персидской службе, так и личную от путешественников и пр., либо же из иностранной литературы), сведения, полученные из прессы (персидской и европейской), научной и справочной литературы, от своих предшественников. Однако для составлявших обобщающие работы офицеров штаба Кавказского военного округа и Канцелярии Военно-учёного комитета личное знакомство со страной было необязательным: многие из них (особенно в Петербурге) пользовались вторичными источниками.

Примечания

[1] *Алексеев М.Н.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Т. 1. С. 101-102; *Звонарёв К.К.* Агентурная разведка. Киев, 2005. С. 200.

[2] *Баумгартен К.-О.Г.* Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // Сборник географических, топогра-

фических и статистических материалов по Азии (СМА). 1896. Вып. 63. С. 2-3, 284.

[3] *Томилов П.А*. Отчёт о поездке по Персии Генерального штаба капитана Томилова в 1900 г. Ч. 1-2. Тифлис, 1902. Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 1.

[4] *Гоков О.А.* Русская военная разведка в Персии в 1879–1905 гг. и роль Персидской казачьей бригады // Восток. 2020, № 4. С. 83-93.

[5] *Томилов П.А*. Отчёт о поездке по Персии... Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 92.

[6] Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 3, 19; *Риттих П.А*. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб., 1901. Ч. 1. С. 117, 124; *Туманский А.Г.* От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 65. С. 23.

[7] *Туманский А.Г.* От Каспийского моря… С. 1.

[8] *Баумгартен К.-О.Г.* Поездка по восточной Персии... С. 296; *Максимович-Васильковский П.* Отчёт о поездке по губернаторствам Западной Персии (Азербайджана и Персидского Курдистана) с приложением описания пройденных путей в зимний период 1900–1901 г.: В 2 ч. Тифлис, 1903. Ч. 1. С. 14; *Томилов П.А.* Отчёт о поездке по Персии... Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 65, 69, 72, 124.

[9] *Риттих П.А*. Отчёт о поездке в Персию... Ч. 1. С. 96, 101, 104-105.

[10] *Артамонов Л.К.* Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис, 1894. С. 9-11, 16-17.

[11] *Риттих П.А*. Отчёт о поездке в Персию… Ч. 1. С. 97.

[12] *Власов П.М.* Извлечение из отчёта П.М. Власова о поездке в 1892 г. по северным округам Хорасана: Серахскому, Келатскому, Дерегезскому, Кучанскому и Буджнурдскому // СМА. 1893. Вып. 52. С. 1-46; *Власов П.М.* Приложение к извлечению из отчёта П.М. Власова о поездке в 1892 г. по северным округам Хорасана // СМА. 1893. Вып. 52. С. 229-250; *Власов П.М.* Статистические сведения о Дерегезском, Кучанском, Буджнурском и Келатском округах Хорасана, 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 126-175; *Власов П.М.* Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56. С. 176–190. *Власов П.М.* Краткий очерк Хорасана: 1894 г. // СМА. 1894. Вып. 56.

[13] *Риттих П.А.* Отчёт о поездке в Персию… Ч. 1. С. 197, 200.

[14] Там же. Ч. 1. С. 165.

[15] *Томилов П.А*. Отчёт о поездке по Персии… Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 31.

[16] *Баев М.Г.* Отчёт чиновника Министерства финансов, Генерального штаба генерал-майора Баева по командировке для исследования нашей границы с Персией и Афганистаном в пределах Закаспийской области. СПб., 1888. С. 84-85.

[17] *Гродеков Н.И*. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1884. Т. 4. С. 160.

[18] *Баумгартен К.-О.Г.* Поездка по восточной Персии… // СМА. 1896. Вып. 63. С. 31, 62.

[19] *Томилов П.А*. Отчёт о поездке по Персии… Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 181–182.

[20] *Риттих П.А.* Отчёт о поездке в Персию… Ч. 1. С. 80–81, 170.

[21] *Баумгартен К.-О.Г.* Поездка по восточной Персии… // СМА. 1896. Вып. 63. С. 8.

[22] Там же. С. 13.

[23] *Артамонов Л.К.* Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис, 1890. С. 392, 445, 448; *Максимович-Васильковский П.* Отчёт о поездке по губернаторствам Западной Персии... Ч. 1. С. 24; *Томилов П.А.* Отчёт о поездке по Персии… Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 15.

[24] *Туманский.* От Каспийского моря... // СМА. 1896. Вып. 65. С. 1.

[25] *Томилов П.А.* Отчёт о поездке по Персии… Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 61.

[26] *Власов П.М.* Статистические сведения... // СМА. 1894. Вып. 56. С. 138.

[27] *Баумгартен К.-О.Г.* Поездка по восточной Персии… // СМА. 1896. Вып. 63. С. 17-18.

[28] *Риттих П.А*. Отчёт о поездке в Персию… Ч. 1. С. 274.

[29] *Баумгартен К.-О.Г.* Поездка по восточной Персии… // СМА. 1896. Вып. 63. С. 61, 63.

[30] Там же.

[31] *Артамонов Л.К.* Поездка в Персию... С. 27; *Артамонов Л.К.* Северный Азербайджан. С. 451; *Максимович-Васильковский П.* Отчёт о поездке по губернаторствам Западной Персии... Ч. 1. С. 15, 45, 47; *Риттих П.А*. Отчёт о поездке в Персию… Ч. 1. С. 138, 197; *Томилов П.А*. Отчёт о поездке по Персии… Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 93, 125.

[32] *Баумгартен К.-О.Г.* Поездка по восточной Персии… // СМА. 1896. Вып. 63. С. 92, 109, 162.

[33] Там же. С. 68.

[34] *Туманский А.Г.* От Каспийского моря… С. 34.

[35] *Томилов П.А.* Отчёт о поездке по Персии… Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 140, 167.

[36] *Артамонов Л.К.* Северный Азербайджан. С. 83; *Блюмер.* Описание пути из Тегерана в Бендер-Бушир // СМА. 1889. Вып. 40. С. 183; *Томилов П.А.* Отчёт о поездке по Персии... Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 134.

[37] *Блюмер.* Состояние Тавризского гарнизона в мае 1891 г. // СМА 1891. Вып. 49. С. 38; *Орановский.* Военно-статистическое описание северо-восточной части Хоросана 1894 г. // СМА. 1896. Вып. 68. С. 5; *Риттих П.А.* Отчёт о поездке в Персию… Ч. 1. С. 168 П.А. Томилов, например, свои выкладки сверял с персидскими, немецкими и русскими картами, расспросами местных жителей. См.: *Томилов П.А.* Отчёт о поездке по Персии… Ч. 1. Общие сведения о районах пройденных путей. С. 65.

[38] *Алиханов-Аварский М.* В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис, 1898. С. 4.

[39] [*Вревский А.Б.*] Персия // Военно-статистический сборник. СПб., 1868. Вып. 3. С. 1-32; *Колюбакин.* Введение к очерку вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования Персидской армии // СМА. 1883. Вып. 4. С. 35-49; *Колюбакин.* Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армии. Состав населения Персии по племенам и провинциям // СМА. 1883. Вып. 4. С. 50-110; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб., 1884. 16+551 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб., 1885. 4+12+584 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб., 1887. 4+12+574 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб., 1888. 4+12+570+60 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб., 1890. 4+12+689 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб., 1894. 4+12+821 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб., 1895. 12+776 с.

[40] *Артамонов Л.К.* Поездка в Персию... С. 51.

[41] *Алиханов-Аварский М.* В гостях у шаха. С. 4.

[42] *Артамонов Л.К.* Поездка в Персию… С. 51-52.

[43] *Томилов П.А.* Отчёт о поездке по Персии… С. 2-4.

[44] *Максимович-Васильковский П.* Отчёт о поездке… Ч. 1. С. 84.

[45] *Баумгартен К.-О.Г.* Поездка по восточной Персии… С. 2.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-48-56

А.Г. Грушевой

ШКОЛЫ ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ПАТРИАРХОВ ИЕРУСАЛИМСКИХ

В истории Императорского Православного Палестинского Общества было два эпизода активного вмешательства дипломатов в судьбы русских православных школ в Сирии и Палестине. Оба они относятся к первым годам XX века. В 1909 году Б.Н. Шаховской (консул в Дамаске) и И.А. Зиновьев (посол Российской империи в Константинополе) написали в столицу послания с объяснением значения школ ИППО для престижа Российской империи. Их слова были услышаны, и в результате перспектива закрытия школ в 1909 году была предотвращена[1].

Двумя десятилетиями ранее посольство в Константинополе и консулы Российской империи в Бейруте, Иерусалиме и Дамаске должны были представлять чиновникам Османской империи подробные официальные документы с изложением обстоятельств основания школ и обоснованием легальности их существования на территории Османской империи[2].

Судя по имеющимся свидетельствам источников, сама проблема складывалась постепенно, по мере резкого возрастания в Палестине и Сирии количества русских православных школ после образования в 1882 году Палестинского общества. Высокий уровень зависимости Османской империи от европейских государств (режим капитуляций) способствовал тому, что на рубеже XIX–XX веков все российские представители на Ближнем Востоке ощущали себя в чужой стране на удивление вольготно. Это хорошо видно на материале, имеющем отношение к школам Общества.

Лишь с 1892 года у османской стороны стали возникать вопросы в связи с открытием в регионе новых православных школ[3]. С точки зрения консула в Бейруте К.Д. Петковича, писавшего такую справку, подобная проблема не должна была возникнуть[4]. Дело в том, что русские школы, как и все иностранные школы, действовавшие в Османской империи, существовали вне юрисдикции местной гражданской власти. Именно поэтому у османских должностных лиц не было оснований обращаться с такого рода запросами к российским представителям, так как это не соответствовало правовым нормам. К.Д. Петкович частично готов был признать требования турецкой стороны о предоставлении документов, касавшихся легализации школ, к тем, что были основаны недавно, но не к тем, что работали уже несколько лет.

В тех же случаях, когда решение вопроса о легализации школы оказывалось связано с привлечением существенных денежных средств, свои претензии высказывал вдобавок и Патриарх Иерусалимский, также стремившийся по своим причинам принять участие в основании православной школы. Патриархи Иерусалимские исходили из того, что только у них имелось право открывать в Палестине православные школы[5].

Эти проблемы подробно рассмотрены в письме от 31 августа 1892 года консула в Дамаске А.П. Беляева, адресованном в Константинополь советнику посла В.В. Жадовскому[6]. Консул подробно описал длительную, но неудачную эпопею попытки открыть школу ИППО в Вифлееме. В этой связи он высказал своё мнение о школах Палестинского общества, их задачах и значении, а также о взаимоотношениях Патриархов Иерусалимских с должностными лицами Российской империи[7].

А.П. Беляев предлагал свои варианты решения имевшихся проблем и в том, что касалось судьбы школ, и во взаимоотношениях с Иерусалимской патриархией.

А.П. Беляева, как и других консулов Российской империи, работавших тогда на Ближнем Востоке, не мог не волновать вопрос о задачах деятельности школ Палестинского общества. Он называет школы ИППО «рассадниками духовного просвещения» и «насадительницами православия». Ввиду того, что самого А.П. Беляева более всего волновали преграды развитию школ, чинимые Иерусалимской Патриархией, о смысле деятельности школ и о задачах, стоявших перед школами ИППО, он говорит коротко.

Позиции обоих консулов близки по вопросу о взаимоотношениях Российской империи с Иерусалимской Патриархией.

А.П. Беляев с возмущением пишет о политике Иерусалимской Патриархии, не желавшей знать, насколько духовно изнывает её местная паства. По его словам, к нему и к Н.Г. Михайлову, уполномоченному Палестинского Общества в Иерусалиме, обращались с просьбой о содействии в открытии школы ИППО в Вифлееме.

А.П. Беляев описывает ситуацию, вызвавшую решительный протест со стороны арабов-христиан. Община в Вифлееме обратилась к архимандриту Антонину, главе Русской Духовной миссии. Просьба жителей Вифлеема нашла отклик, ибо русские представители давно были в курсе скрытой войны между греческими иерархами и арабской христианской паствой в рамках Иерусалимской Патриархии. Греки постоянно отказывали арабам в любых просьбах, касавшихся духовной сферы, будучи убеждёнными в их «испорченности».

Н.Г. Михайлов лично доставил прошение от жителей Вифлеема в Санкт-Петербург. Идея создания школы для христианской общины Вифлеема была одобрена. Из Санкт-Петербурга пришло предложение просить местных самим добиваться на месте разрешения на создание школы. Палестинское Общество в этой ситуации брало на себя материальное обеспечение школы, назначение и содержание педагогов.

Депутаты из Вифлеема, получив это известие, отправились к османскому губернатору для решения вопроса. В приёмной просителей переадресовали к Патриарху Иерусалимскому Герасиму, ибо вопрос о школах относился исключительно к его компетенции.

Он принял просителей и высказал готовность помочь с открытием школы при условии, что просители передадут ему имеющиеся у них для решения вопросов средства. Просители сказали, что они не могут передать ему деньги, так как они собраны не ими, а Палестинским обществом. Патриарх Герасим в ответ заявил, что никому не позволит вмешиваться в его права и полномочия ввиду того, что основание школ в Палестине – это исключительная прерогатива Патриарха Иерусалимского. Делегаты из Вифлеема, поняв бесполезность обращения и к османской администрации, и к Патриарху Иерусалимскому, обратились к уполномоченному ИППО в Иерусалиме Н.Г. Михайлову, рассказав о всех перипетиях общения с губернатором. Н.Г. Михайлов решил вмешаться в ситуацию и пошёл на личный приём к Патриарху Иерусалимскому с просьбой уважить просьбу жителей Вифлеема.

Ответ патриарха был точно таким же: если ему, патриарху, будут переданы деньги жителей Вифлеема, он добавит свои и откроет в Вифлееме школу. Патриарх добавил также, что он смотрит на денежные средства, получаемые здесь из России, как на помощь Православной Патриархии, имеющей право распоряжаться ими самостоятельно, а не как на помощь православным в Палестине, имеющим право тратить их по своему усмотрению.

В конце своего письма, адресованного в посольство, А.П. Беляев формулирует несколько принципиальных выводов.

Патриархия и не может, и не хочет заботиться о духовных нуждах своей паствы. Своими практическими действиями она лишь препятствует укреплению православия в Палестине. В результате непонятно, где же должны воспитываться арабские дети?

Такой порядок вещей не отвечает характеру и значению деятельности ИППО, поставившего себе задачей поддержание и укрепление православия в Святой Земле.

А.П. Беляеву выходом из этой ситуации представлялось получение султанского фирмана, который официально признавал бы правовой характер существующих уже в Палестине русских школ и разрешал бы официальное открытие новых школ.

Наконец, с точки зрения А.П. Беляева, без православных российских церквей, построенных в Палестине, и школ Иерусалимская Православная Патриархия не силах была бы беречь права православных в Палестине.

Как известно, желаемый результат был достигнут, но только через десять лет. Основное количество русских школ на территории Османской империи было легализовано султаном Абдул Хамидом 1 мая 1902 года. К проблеме легализации школ на территории Османской империи было привлечено множество людей, даже если судить только по краткому изложению истории, сделанному Н.М. Аничковым[8].

Он пишет, что В.Н. Хитрово добился специального представления от российского правительства с просьбой легализовать школы. В источнике нет информации, как именно он достиг этой цели. Всё же логика подсказывает, что составление такой бумаги было невозможно без согласования с множеством должностных лиц.

С этим документом В.Н. Хитрово поехал в Константинополь, где встречался с послом И.А. Зиновьевым, который передал прошение в канцелярию султана. Ввиду того, что ответа не последовало, И.А. Зиновьев лично подошёл к Абдул Хамиду во время аудиенции после парадного обеда. После беседы посла с султаном фирман о легализации 84 школ последовал максимально быстро.

Вторая часть легализации состоялась три года спустя – в 1905 году, когда были признаны легально существующими в Османской империи все институты Палестинского общества и Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Эта процедура состоялась благодаря активности А.П. Беляева, секретаря совета Палестинского общества в 1903–1906 гг., и посла И.А. Зиновьева.

Письмо консула в Дамаске А.П. Беляева[9]

Его Прев-ву В.В. Жадовскому[10]
Иерусалим, 31 августа 1892 г.

Милостивый Государь
Валериан Всеволодович

Донесениями от 27 июня и 12 июля сего года за №№591 и 620 я имел честь довести до сведения Вашего Превосходительства о возникшем между Иерусалимской Православною Патриархиею и её Арабской Паствой крупном разладе, вынудившим последнюю на обращение за помощью и руководство ко вверенному моему управлению ИМПЕРАТОРСКОМУ Генеральному Консульству, нашей Иерусалимской Духовной Миссии и ИМПЕРАТОРСКОМУ Православному Палестинскому обществу.

Нежелание Иерусалимской Православной Патриархии внять голосу духовно изнывающей в пренебрежении её местной Паствы не представляет чего-либо исключительного, но значителен тот факт, что на сей раз слишком громко оказался протест негодующих Православных Арабов, решившихся чуть ли не in corpore всей общиной на более решительные, чем в прежнее время, меры.

Само собою разумеется, что в данном случае сплочение Арабской Общины во имя достижения намеченной цели имеет свои объяснения.

Разнообразная деятельность ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Палестинского общества на почве Палестины коснулась, между прочим, и школьного вопроса. Печатные отчёты Общества полны основательных порицаний Иерусалимской Православной Патриархии[11] за её нерадение в области духовно-просветительской и справедливых укоров за расходование ею значительных денежных средств на цели, прямо противоположенные имевшимся в виду их жертвователями.

Отсюда недовольство и со стороны благотворителей, и со стороны тех, до коих не доходят благотворительные жертвы. Возрастая crescendo, это недовольство превратилось в ту неприязнь, которая обуяла всецело Православных Палестинских Арабов и гро-

зит делу Православия в Палестине грустными тяжёлыми последствиями.

Положим, нравственный мир Сирийских и Палестинских Арабов потрясён в своих основах борьбою разных религиозных пропаганд в Св. Земле; но ведь нельзя же Иерусалимской Православной Патриархии ссылаться постоянно на испорченность членов своей паствы для мотивирования отказа им в помощи, исправлении[12]. К тому же испрашиваемая ими помощь зиждется чисто на потребностях духовных, от разумного удовлетворения коих неминуемо должен подняться их нравственный уровень.

Школа есть рассадник духовного просвещения – это общепризнанное положение. Между тем Иерусалимская Православная Патриархия сократила до nec plus ultra число оставшихся в её распоряжении названных насадительниц Православия. Подобное нетерпимое положение дела, очень мало гармонизирующее с высокими задачами Православия в Св. Земле, побудило сначала нашего высокочтимого Начальника Иерусалимской Духовной миссии о. Архимандрита Антонина[13] и затем ИМПЕРАТОРСКОЕ Православное Палестинское общество, испытавши бесполезность передачи денежных средств Иерусалимской Православной Патриархии на предмет открытия Православных школ в Св. Земле, лично придти на помощь Палестинской Православной пастве и самостоятельно завести для её гибнущих в духовном небрежении детей свои школы.

Сравнительно за короткий период времени существования этих новых русских Палестинских школ наше школьное дело пустило в почву Палестины хорошие и крепкие корни[14].

Убедившись воочию в целесообразной постановке русского школьного дела, я, под благоприятным впечатлением экзаменов в Русской Бейт-Джальской школе, присутствовать на которых и[сполняющий] д[олжность] уполномоченного ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Палестинского общества пригласил меня и бывшего здесь графа Н.Ф. Гейдена[15], имел счастье представить Августейшему Председателю ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Палестинского общества отчёт и удостоился получить из Ильинского[16] от ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА следующую лестную телеграмму: «Merci beaucoup pour intéressante lettre. Serge»[17].

Секретной телеграммой от 6-го июня сего года Вашему Превосходительству было благоугодно предписать мне представить Вам список наших школ, находящихся в районе вверенного моему управлению ИМПЕРАТОРСКОГО Генерального Консульства, и точно обозначить официальные условия, в кои они поставлены в отношении к местным светским и духовным властям. В моём подробном донесении от 27-го июня за № 590 я представил на благосклонное усмотрение Вашего Превосходительства истинное положение наших школ в Палестине в требуемом смысле.

Чрезвычайно осторожный Блаженнейший Герасим, со вступления своего на Иерусалимский Патриарший Престол, не обмолвился мне ни словом о нашем школьном деле в Палестине[18]. И только на днях совершенно случайно происшедший между ним и Уполномоченным Императорского Православного Палестинского общества г. Михайловым интересный разговор о названном предмете произвёл, по-видимому, такое сильное впечатление на Его Блаженство, что он решился, подкрепляемый несомненно нарочитым присутствием Архимандрита Фотия[19], Секретаря Патриархии, и Архимандрита Стефана, драгомана Патриархии, передать мне слово в слово свою беседу с г. Михайловым. Хотя я уже знал о ней от Н.Г. Михайлова, который, в свою очередь, дословно передал мне её содержание, пройдя от Патриарха ко мне, но, тем не менее, я дал Его Блаженству высказаться, не подавая вида, что я обо всём знаю[20].

Это объяснение предваряли следующие обстоятельства.

Г. Михайлов препроводил в Петербург полученную им от Вифлеемской Арабской Православной общины коллективную петицию, о которой я имел честь упомянуть в моём донесении за №620. Последовало распоряжение предложить просителям исхода-

тайствовать самим разрешение на открытие школы; ИМПЕРАТОРСКОЕ же Православное Палестинское общество всё остальное брало на себя, то есть гарантировало материальное обеспечение школы, назначение в неё обучающего персонала и содержание оного[21].

Депутаты от Вифлеемской общины, принявшие с признательностью предложенную поддержку помянутого Общества, поспешили подать соответствующую петицию Иерусалимскому Губернатору. Но, как и следовало ожидать, Ибрагим-паша, более чем вероятно предупреждённый Патриархом о волнении Вифлеемской общины, отклонил всякие личные переговоры с её делегатами, которых и направил к Патриарху как лицу, единственно-де компетентному в приискании разрешения возбуждённого вопроса. При этом было сказано, чтобы они сообщили об ответе Патриарха для принятия надлежащих мер. Когда же делегаты попробовали было возразить драгоману паши, что они не намерены идти к Патриарху, уже давно и категорически отказавшемуся-де от оказания им какой-либо помощи в данном смысле, то названный уполномоченный паши объявил им, что «за ослушание в сём Начальства они рискуют жестоко поплатиться». Оставалось, следовательно, снова пойти к Патриарху, – что они и сделали. Его Блаженство допустил их к себе, выслушал и согласился исполнить их просьбу, но на непременном условии выдать ему на руки те средства, которыми располагает община на предмет открытия и содержания школы. Делегаты объяснили, что это невозможно, ибо средства собраны не ими, а даются им в помощь ИМПЕРАТОРСКИМ Православным Палестинским обществом. На это Патриарх заявил, что «он ни за что не позволит никому вмешиваться в его права», и действительно отказал челобитчикам принять их просьбу в уважение, грозя законной расправой. Об этом-то ответе Блаженнейшего Герасима делегаты Вифлеемской Православной Арабской общины сообщили драгоману Губернатора, прося его ввести их к паше для личных объяснений. Бешара-эфенди, не отклоняя вполне просьбы делегатов, тем не менее сказал им, что «он очень не советовал бы им настаивать на личном объяснении с мутесарифом, ибо от этого неминуемо их постигнет неприятная участь; ослушание-де Патриарху будет принято пашой за преднамеренное своеволие и бунтовщичество, – что, само собою разумеется, вызовет-де репрессивные меры»[22]. Такой ответ сделал всякие дальнейшие попытки Православных Арабов получить школу излишними, и они поспешили довести обо всем случившемся до сведения уполномоченного ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Палестинского общества.

При недавнем визите г. Михайлова Блаженнейшему Герасиму Его Блаженство заговорил о своей недавней поездке в Вифлеем, куда он ездил по делу. Г. Михайлов воспользовался случаем и сообщил Патриарху, что, ввиду особенно настоятельных воззваний вифлеемцев к ИМПЕРАТОРСКОМУ Православному Палестинскому обществу о помощи в деле открытия школы, Совет Общества решил взять на себя материальное обеспечение школы, и что таким образом горячее желание Вифлеемской Православной Арабской общины может теперь легко осуществиться, если Его Блаженство благословит дело и исходатайствует надлежащее разрешение из Константинополя «открыть Православную школу в Вифлееме».

Блаженнейший Герасим, по внимательном выслушании г. Михайлова, заявил ему приблизительно следующее: «Открывать Православные школы и церкви в Св. Земле есть право одного Православного Патриарха. Так это делалось, так и должно делаться. Даже самую благотворительность в данном направлении я могу признать только при непременном условии применения её к делу чрез моё посредство как Православного Главы Иерусалимской Церкви. Действовать иначе значило бы требовать от меня, чтобы я своими собственными руками умалил престиж Патриарха, чего я сам никогда и ни за что не сделаю. Да… если только пожелает этого ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, то я приму это желание в уважение. А теперь дайте мне деньги, и я обещаюсь прибавить к ним своих сколько надо, – и открою желаемую Вами школу».

Несмотря на дальнейшие объяснения г. Михайлова, что во главе Православного Палестинского общества стоят несколько высокопоставленных и влиятельных лиц, которым было бы в высшей степени приятно увидеть в Патриархе готовность споспешествовать развитию и укреплению общего дела Православия в Святой Земле, Его Блаженство категорически заявил, что он смотрит на денежные средства, получаемые здесь из России, как на помощь Православной Патриархии, имеющей ими распоряжаться самостоятельно, а не как на помощь Православным в Палестине, имеющим ими распоряжаться по своему усмотрению[23].

Таковое заявление Блаженнейшего Герасима не создаёт особенной, из ряда вон выходящей программы деятельности нынешнего Представителя Патриаршей власти в Иерусалиме. И много раньше Иерусалимские Патриархи точно так же исходили из той же точки зрения, как и Блаженнейший Герасим, при возникновении в среде Православных Палестины стремлений к уравнению себя в правах с Православными Греками в Палестине[24]. И точно так же, как и ныне, Иерусалимские Архипастыри парализовали всячески средствами протесты Православных Палестинцев на полнейшее невнимание к их нуждам со стороны их Духовных Пастырей.

Вот поистине печальная картина, изображающая духовные отношения в Сирии и Палестине пасущих к пасомым. В то время как в Св. Земле множатся и украшаются разнохарактерные учреждения иноверных вероисповеданий, Иерусалимская Православная Патриархия стремится ставить трудноодолимые препоны развитию дела Православия на счёт Православных Арабов и Православных Русских, усматривая в каждом нашем шаге на почве Св. Земли страшное покушение на её вековечные права.

Участие ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Палестинского общества в уложении «школьного вопроса» в Палестине рассматривается Иерусалимскою Православною Патриархиею как особенно опасное явление, и нет ничего удивительного в том, что Блаженнейший Герасим и такие советники, как Архимандрит Фотий – с коим нам придётся весьма серьёзно считаться, быть может, в ближайшем будущем, – не сочли долее нужным скрывать своего образа действия по отношению к стремлениям ИМПЕРАТОРСКОГО Палестинского общества поднять дело Православия в Палестине на ту высоту, на которой оно должно обретаться в стране дивных Сокровищ всего христианства.

Не в силу нашего стремления к обособлению от Иерусалимской Патриархии, а в силу подания ей существенной помощи, которую она должна оценить беспристрастно, – помощи, выражающейся в нашем благотворном посредничестве между ею и её Арабской Паствой, – следует нам, по моему крайнему разумению, внушить Блаженнейшему Герасиму и его советникам, что необходимость устройства наших школ в Палестине вытекает из самих интересов Божьим Промыслом вверенной ему Патриархии.

Не умалится престиж Иерусалимского Православного Патриарха, а значительно поднимется его значение с усилением духа Православия в туземном населении Св. Земли. Для этого же необходимы школы. Патриархия не может и не хочет заботиться о духовных нуждах своей Паствы, ограничивая свою просветительную деятельность воспитанием греческих детей в греческом духе в малочисленных и жалко обставленных греческих школах. Поступление в ныне пребывающую закрытой единственную в своём роде и известную в своё время Богословскую Крестную школу в Иерусалиме обусловливалось хорошим знанием греческого языка. Первоначальных же подготовительных школ в Палестине имеется слишком мало, да и те переполнены греческими детьми, которым всегда отдаётся преимущество. Спрашивается, где же должны воспитываться арабские дети? К тому же по историческим причинам Православная Арабская община в Палестине лишена права открывать самостоятельно свои школы.

Такой порядок вещей, нетерпимый сам по себе, слишком не отвечает по своему характеру и значению деятельности ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Палестинского общества, поставившего себе задачей под-

держание и укрепление Православия в Св. Земле. Необходим выход из него ко благу дела Православия и во славу Русского имени. Таким выходом представляется получение султанского фирмана, долженствующего официально признать правовой характер существующих уже в Палестине русских школ и узаконить наше право на открытие новых.

Блаженнейший Герасим смыслом своего заявления, что мы, Русские, не имеем права иметь в Палестине ни церквей, ни школ, отверг наше правовое положение на почве интересов Православия в Св. Земле[25]. Но ведь без наших церквей и школ Иерусалимская Православная Патриархия ограничила бы число православных в Палестине своими монахами, а без могучего влияния ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Правительства и материальных жертв благочестивых Россиян она не в силах была бы сберечь права Православных на драгоценнейшие Палестинские Святыни Христианства.

Во благо нашего Святого Русского дела и упрочения добытого нами положения в Св. Земле исходатайствование султанского фирмана на наши Палестинские школы дало бы нам желаемое правовое положение, которое сделало бы, нет никакого в том сомнения – Иерусалимского Православного Патриарха сговорчивее и уступчивее в тех случаях, когда мы приходили бы ему на помощь столько с целью поднятия личного престижа Патриарха, сколько для осуществления великих задач Православия, святому делу коего Божьим Промыслом призваны служить одинаково и Православные Греки, и Православные Русские[26].

Копия сего донесения сообщается мною АВГУСТЕЙШЕМУ Председателю ИМПЕРАТОРСКОГО Православного Палестинского общества и г. Директору Азиатского департамента.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства Покорнейший слуга

А. Беляев

АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3366. Л. 63–71.

Примечания

[1] См. подробно: *Грушевой А.Г.* Дипломаты и их роль в истории Палестинского общества в начале XX века // Актуальные вопросы изучения христианского Востока. Материалы международной конференции (Сергиев Посад, 12 ноября 2019 г.) / Отв. ред. диак. С. Пантелеев. Сергиев Посад, МДА, 2020. С. 161-177; *Грушевой А.Г.* Две записки князя Б.Н. Шаховского (1908 и 1909 гг.) об Императорском Православном Палестинском обществе и его задачах. Публикация и комментарии А.Г. Грушевого // Православный палестинский сборник. 119. 2021. С. 278-307.

[2] Судя по сохранившимся архивным документам, речь шла о необходимости представления развёрнутых справок о русских школах на подведомственной консульствам территории.

[3] Основной источник информации в данном случае – письмо от 17 июня 1892 г. К.Д. Петковича, консула в Бейруте, адресованное в Константинополь советнику посла В.В. Жадовскому. Консул перечисляет школы, находящиеся на подведомственной ему территории, и высказывает общие соображения о задачах школ и условиях работы православных школ на территории Османской империи.

[4] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3366. Л. 54–54об. Письмо К.Д. Петковича от 17 июня 1892 г. в Константинополь, в посольство, советнику посла В.В. Жадовскому.

[5] Имеющиеся документы показывают, что такова была позиция всех Патриархов Иерусалимских, которым приходилось так или иначе решать вопрос о статусе школ Палестинского общества в Палестине.

[6] Автор письма – Алексей Петрович Беляев (1859–1906), дипломат, по образованию арабист. В последние три года жизни занимал должность секретаря Совета Палестинского общества. В 1899 году он поддержал проарабскую группировку в синоде Антиохийской церкви, что привело к избранию патриархом в 1899 году Мелетия, первого патриарха-араба Антиохийской Православной Церкви. Рассматриваемый документ находится в АВПРИ. Фонд 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3366. Л. 63–71.

[7] Судя по всему, школа в Вифлееме так и не была основана. В нашем распоряжении имеется целая серия отчётов о школах ИППО в 1895–1910 гг. Ни в одном из отчётов нет упоминаний о школе в Вифлееме. Видимо, дело в том, что

Вифлеем находится между Иерусалимом и Бейт Джалой, местами, где существовали православные школы. Иными словами, для жителей Вифлеема существовало несколько вариантов получения православного образования.

[8] *Аничков Н.М.* Алексей Петрович Беляев, некролог. СИППО 17. 1906. Вып. 4. С. 636.

[9] Орфография публикуемого текста частично отражает особенности написания оригинала – это употребление прописной буквы в гораздо большем количестве случаев, чем это принято современными нормами; это употребление окончания творительного падежа «ю» в тех случаях, когда по современным нормам принято употреблять «й» (например – «борьбою» вместо «борьбой»; «Патриархиею» вместо «патриархией»). Сохранено обусловленное идеологическими особенностями того времени написание слов с корнем «император» исключительно прописными буквами (например – ИМПЕРАТОРСКОГО, ИМПЕРАТОРСКОМУ).

[10] Жадовский Валерий Всеволодович (1836–1916) – дипломат. С 1889 по 1897 год был советником посольства Российской империи в Константинополе.

[11] Об Иерусалимской Патриархии и её политике см. подробно: *Якушев М.И.* Антиохийская и Иерусалимская патриархии в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М., 2013.

[12] Имеется в виду появление в Палестине в эти годы большого количества просветительских учреждений, основанных католическими и протестантскими миссионерами. Их появление воспринималось в России как существенная угроза российскому влиянию в регионе. Опасения эти не были беспочвенными, так как известны случаи перехода православных арабов в католичество.

[13] Архимандрит Антонин (Капустин), в миру Андрей Иванович Капустин (1817–1894) – в 1865-1894 гг. начальник Русской духовной миссии в Святой Земле, учёный-византинист, магистр богословия.

[14] А.П. Беляев имеет в виду распространение в эти годы школ Палестинского общества по всем областям Палестины и стабильность их работы. О задачах деятельности школ Палестинского общества подробно писал коллега А.П. Беляева, консул в Бейруте К.Д. Петкович. См. АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3366. Л. 53об.–54. Письмо К.Д. Петковича В.В. Жадовскому от 17 июня 1892 г.: «Наши школы отличаются от католических и протестантских тем, что они содержатся на средства русского православного учреждения, имеющего в виду не религиозную или политическую пропаганду, а возможное сбережение православного арабского юношества от соблазнов и опасностей, какие представляют для него все инославные миссионерские учреждения. Наши школы – сберегательные, консервативные; в них турецкое правительство должно было бы видеть не врагов своих, а искренних пособников, потому что все иноверческие миссионерские школы имеют характер революционный и разрушительный для местного правительства, возбуждая своею пропагандою раздоры и несогласия в семьях и общинах и совращая целые поселения. Всякая православная семья, совращённая в католичество или протестантство, должна быть признана потерянною для турецкого правительства.

Существование русских школ в Сирии и Палестине вызвано и оправдывается единственно заботами о сохранении православия от иноверческих посягательств. Этими школами мы приходим на подмогу местному высшему православному духовенству, которое не может или не желает взяться само за это святое дело и относится к нему с преступным равнодушием, как по отношению к своей Церкви, так и к своему правительству».

[15] Гейден Николай Фёдорович (1856–1919) – генерал-лейтенант, гласный Санкт-Петербургской городской думы, товарищ председателя Русского собрания, гласный Санкт-Петербургского губернского собрания, действительный член Императорского Православного Палестинского общества.

[16] Ильинское – имение в Московской области, принадлежавшее царской фамилии. На рубеже XIX–XX вв. Ильинское принадлежало великому князю Сергею Александровичу, главе Императорского Православного Палестинского общества.

[17] Наиболее подробная информация о Бейт-Джальской семинарии содержится в отчёте Н.М. Аничкова. *Аничков Н.М.* Учебные и врачебные заведения Императорского Православного Палестинского общества в Сирии и Палестине. Ч. 1. Учебные заведения Сирии и Палестины. СПб., 1901. С. 328-338.

[18] Патриарх Герасим (1839–1898), в миру Константинос Протопас. Епископ Иерусалимской и Антиохийской православных церквей. Патриарх града Иерусалима и всей Палестины (1891–1897), патриарх Антиохийский и всего Востока (1885–1891).

[19] Имеется в виду иерарх, более известный, как патриарх Фотий, в миру Георгиос Пероглу (1853–1925). Учился в Богословской школе Св. Креста в Иерусалиме. В 1881 г. возведён в сан архимандрита, в 1882 г. избран Патриархом Иерусалимским, но не был утверждён султаном. В 1897 г. был хиротонисан в должности архиепископа Филадельфийского, в 1899 г. – в должности митрополита Назаретского. В 1899–1925 гг. был патриархом Александрийским и всей Африки.

[20] За годы своей работы Николай Григорьевич Михайлов исполнял в Палестинском обществе несколько должностей. Он был не только уполномоченным Палестинского общества в Иерусалиме, но и управляющим подворьями ИППО в Иерусалиме. Н.Г. Михайлов является основным антигероем отчёта А.А. Дмитриевского о подворьях Общества ввиду того, что одной из важнейших причин комплексной ревизии всех институтов Общества в 1910 году стали злоупотребления Н.Г. Михайлова в хозяйственной жизни подворий Общества в Иерусалиме. См. подробно: Материалы к истории деятельности Императорского Православного Палестинского общества в начале XX в. (отчёт А.А. Дмитриевского и В.И. Белынского о состоянии подворий Общества в 1910 году) / Вступительная статья, публикация и примечания А.Г. Грушевого // Вестник Екатеринбургской Духовной Семинарии. 2(18), 2017. С. 153-331.

[21] Важное свидетельство о принципах подхода Палестинского общества к организации учебной работы в школах ИППО. Возрастание финансовой нагрузки на бюджет Общества воспринималось как естественная плата во имя торжества православия.

[22] Мутесариф (мутасариф) – глава административно-территориального подразделения Османской империи.

[23] Косвенное свидетельство сложности финансового положения Иерусалимского патриархата в рассматриваемый период.

[24] Неприязненные отношения между греками и арабами, скрытые за этой фразой патриарха Герасима, восходят к глубокой древности. См.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. 2-е изд. М., 2017. С. 99, прим. 26.

[25] Формулировка показывает важность для России хороших отношений с Иерусалимской Патриархией.

[26] Легализация школ Палестинского общества на территории Османской империи состоялась через 10 лет, 2 мая 1902 г. Возможно, А.П. Беляев был первым или одним из первых, кто заговорил в практической плоскости о важности такого решения для школ Общества.

DOI: 10.31696/2072-579-2022-2-57-62

З.В. Анайбан

МАТЕРИАЛЫ О ТУВЕ В ФОНДАХ АВПРИ: ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ, СОСТОЯНИЕ И СОХРАННОСТЬ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) является ведомственным архивом Министерства иностранных дел Российской Федерации. На сегодняшний день в данном архиве числится 400 фондов, общий объём которых составляет около 600 тыс. единиц хранения (дел). В них содержатся ценнейшие документальные материалы, относящиеся к разнообразным вопросам внешней политики России с 1720 по 1917 год, в числе которых наряду с различными дипломатическими документами хранятся личные материалы известных дипломатов, государственных и общественных деятелей Российского государства. Исходя из хронологии и состава имеющихся документов, фонды архива разделены на следующие четыре раздела: Коллегия иностранных дел (1720–1832 гг.); Центральные учреждения Министерства иностранных дел Российской империи (XIX – начало XX в.); Заграничные учреждения военно-политической службы России (конец XVIII – начало XX в.); Временные учреждения Министерства иностранных дел Российской империи, различные комиссии и общества, коллекции документальных материалов, личные и другие фонды. Из них самым крупным является раздел Заграничных учреждений военно-политической службы России, в котором содержится 162 фонда.

В свете исследуемой нами тематики особый интерес для нас, несомненно, представляют материалы, касающиеся непосредственно Тувы, разных аспектов её истории, наиболее важных и значимых этапов развития. В этом ряду отдельную значимость имеют документальные сведения, свидетельствующие о предыстории и особенностях образования и становления тувинской государственности как таковой, о международных связях Тувы в начале XX века, в целом о социально-экономической ситуации и об особенностях хозяйственного уклада жителей данной территории, а также о специфике формирования этнической общности – тувинцев, которые являются сегодня титульным этносом Республики Тыва, субъекта Российской Федерации.

Итак, в Архиве внешней политики Российской империи материалы, относящиеся к Туве, хронологически касаются периода 20-х годов XVIII – начала XX века. Документы рассредоточены по нескольким архивным фондам, в числе которых «Санкт-Петербургский Главный архив» (ф. 161), «Сношения России с Китаем» (ф. 62), «Миссия в Пекине» (ф. 188). Большая часть из них хранится в фонде «Китайский стол» (1644–1917 гг.) (ф. 143). Следует также отметить, что значительная часть из них, особенно относящиеся к истории Тувы первых двух десятилетий прошлого столетия, опубликованы в виде отдельных сборников или собраний архивных документов, о чём более конкретно скажем позже.

К наиболее ранним архивным материалам (20-е годы XVIII в.) по указанной тематике и названному региону относятся сообщения С.В. Рагузинского, с 1725 года возглавлявшего русское посольство в Китае, российским монархам о торговых отношениях и пограничных вопросах между Россией и Китаем, заключении Буринского и Кяхтинского договоров 1727 года. Названные материалы, хранящиеся в основном в описи 1 фонда 62 «Сношения России с Китаем», хронологически относятся к периоду 1720–1803 гг. Так, в докладах чрезвычайного посланника и полномочного министра С.В. Рагузинского, содержащих разнообразную информацию о текущей ситуации, касавшейся российско-китайских отно-

шений, когда речь идёт о пограничных зонах, упоминается в том числе и территория современной Тувы[1]. В целом же надо признать, что встречающиеся в документах данного архива отдельные сведения по Туве, относящиеся к этому хронологическому периоду, как правило, незначительны как по содержанию, так и по объёму.

Материалы XIX – начала XX века представлены источниками русских посольств и экспедиций в Китай и Монголию, внутриведомственной перепиской Министерства иностранных дел (МИД), в том числе с российскими дипломатическими и консульскими представителями в Китае; перепиской руководства МИДа с российскими ведомствами, например, Министерством внутренних дел; с региональными властями – Иркутским генерал-губернаторством, руководством Уссурийского и Усинского пограничных округов. Так, например, в своём отчёте о поездке в Южную Монголию профессор Санкт-Петербургского университета А. Позднев, побывавший в этих краях по поручению Министерства иностранных дел России в 1892–1893 гг., описывает трудности и сложности транспортировки чая из Китая в Россию. Главным образом он сетует на то, что «как китайское правительство, так и монгольские князья не только не заботятся об облегчении для русских вывоза чая, но даже тормозят им это дело, создавая разного рода препятствия и закрывая более удобные и выгодные пути». По этому поводу он замечает, что ещё «в 1889 году минусинский купец Сафьянов предложил кяхтинскому торговому дому “Коковинъ и Басовъ” произвести опыт доставки китайского чая через Монголию по Верхнему Енисею, где завязаны торговые сношения с китайскими подданными – урянхайцами (тувинцами. – А*вт.*) и разбросано немало русских заимок. Коковин и Басов приняли предложение Сафьянова, и в настоящую пору возможность доставки чая в сказанном направлении представляется уже доказанным опытом фактом»[2]. Исходя из этого, логично предположить, что коль скоро торговый путь в данном случае пролегал через территорию Тувы, соответственно, у жителей этой территории появились или, если таковые были, расширились возможности ведения торговли, что в определённой степени должно было позитивно отразиться на общем экономическом развитии края в целом.

Из переписки иркутского генерал-губернатора с руководством МИДа, например, кроме всего прочего, можно узнать о его ходатайстве о награждении урянхайских чиновников, что лишний раз подтверждает намерение и заинтересованность имперских властей, с одной стороны, в полном подчинении этой территории России, с другой, – в налаживании позитивных соседских отношений с местным населением. В этом документе говорится о представлении к награждению медалями различных степеней 32 урянхайцев, которые «своим доброжелательным отношением к русским властям и нашим начинаниям содействуют успешному проведению в крае русского контроля и управления»[3].

Говоря об архивных материалах этого, впрочем, как и предыдущего периода, следует сказать о сложностях и трудностях из-за неразборчивости чтения самого текста, представленного в рукописном виде. Кроме того, немалая часть из них, по крайней мере, просмотренных нами, составлена на французском и немецком языках. К примеру, из этого довольно обширного дела (286 листов) на русском языке числилось лишь три документа общим объёмом семь листов. В частности, по этой причине нам не удалось полностью ознакомиться с делом «Военные и политические заметки о Сибири на русском, французском и немецком языках. 1803–1808 гг.» того же фонда (ф. 152), хотя и было предположение, что здесь должны быть некоторые сведения о Туве и тувинцах[4].

Необходимо отдельно сказать, что в ходе работы над архивными материалами были и такие ситуации, когда после получения заказа мы не находили в нём интересующие нас сведения, хотя при предварительном запросе

мы руководствовались, прежде всего, указанием на его присутствие. Так, например, в деле под названием «Барга» (ф. 143, оп. 491, д. 760) каких-либо документов, касающихся Тувы, мы не обнаружили[5]. Между тем, в списке этого дела, наряду с документами по Барге, было чётко сказано о наличии материала под названием «Урянхайский край (1726–1911 гг.)».

Понятно, что в этом перечне особое внимание нами было отведено архивным источникам, совпадающим по времени с периодом подготовки и принятия российского протектората над Тувой, которые в основном сосредоточены в фонде «Китайский стол», где практически все материалы, относящиеся к этому региону, выделены в отдельный тематический раздел «Урянхайский край (1726–1911 гг.)». Эти документы затрагивают различные аспекты названной темы – о принятии Урянхайского края под покровительство Российской империи. Первоначально пограничные вопросы русско-китайских отношений в этом районе, затем условия протектората России, устройство управления и судебной части в крае, учреждение должности комиссара по делам Урянхайского края и др.

Не имея возможности в данном случае остановиться на каждом из дел, выборочно назовём из этого фонда лишь некоторые из них – «Об учреждении должности пограничного комиссара в Урянхайском крае. 1904–1912 гг.» (д. 3108), «Урянхайский вопрос. 1912–1913 гг.» (д. 3111), «Отношение Урянхайского края к Халхе. 1912 г.» (д. 3112), «Урянхайский край. 1914 г.» (д. 3113).

Отдельно стоит сказать о материалах, где выражается обеспокоенность российских властей состоянием дел на восточных границах в тот период. К примеру, в секретной телеграмме управляющего генеральным консульством в Урге от 26 августа 1916 года, информирующей о желании монгольского правительства, ссылающегося на 7 статью Кяхтинского договора, «командировать монгольского чиновника в Урянхайский край для разбора смешанных китайско-монгольских дел», выражается полное несогласие с этим назначением, что объяснялось нецелесообразностью допуска монгольских и китайских чиновников на эту территорию[6].

О серьёзной озабоченности России, связанной со складывающейся ситуацией на одном из восточных её рубежей, красноречиво свидетельствует отдельный параграф этого же документа, озаглавленный «Ближайшие задачи России в Монголии». Он начинается со слов: «Не забывайте, что будущая война разразится на центральноазиатском фронте, и перед масштабом её померкнет европейская война»[7].

Далее в неопубликованных секретных телеграммах управляющего консульством в Кобдо, датированных 22 января 1917 года, читаем: «Опасения относительно завладения весной Урянхайским краем считаю преувеличенным, так как в Кобдокском округе ни монгольских, ни китайских войск, кроме конвоя, нет»[8]. В другой телеграмме от 17 сентября того же года на эту тему сказано: «Слухи об отправлении китайских и монгольских солдат на Урянхай не подтверждаются»[9]. К слову сказать, эти документы – одни из немногих, которые находятся в хорошем состоянии, некоторые из них даже имеются в нескольких экземплярах.

Несомненно, особое место в этом ряду занимают архивные источники, содержащие информацию о действиях и мерах по укреплению российской власти в Урянхайском крае. Среди этих материалов – соответствующие прошения местных правителей о принятии под покровительство России, всеподданнейшие доклады министра иностранных дел России С.Д. Сазонова, инструкции должностным лицам на местах, отчёты региональных властей о процессе перехода края под российский контроль с соответствующими резолюциями. Так, 4 апреля 1914 года император Николай II на докладной записке министра иностранных дел России С.Д. Сазонова по вопросу принятия Тувы под протекторат России резюмировал: «Согласен». Осенью того же года, 14 ноября на полях доклада иркутского генерал-губернатора он начертал: «Успешно»[10]. Эти и другие отметки есть в материалах, хранящихся в данном архиве.

Весьма интересно подлинное письмо председателя Совета министров Л.М. Горемыкина на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова от 9 апреля 1914 г., содержащееся в деле «Урянхайский край. 1914 г.» того же фонда – «Китайский стол» (ф. 143, оп. 491, д. 3113, л. 75–77; ф. 143, оп. 491, д. 3113, л. 276–278).

Как можно проследить по архивным документам, в связи с выполнением указания императора Государственной думой был подготовлен и 29 июня 1914 года издан законопроект о российских должностных лицах и их функциях в Туве. Так, согласно приказу царя, это предписание пошло по цепочке: от императора к правительству и Государственной думе, от них по ведомствам и учреждениям общеимперского уровня, далее до канцелярии Иркутского генерал-губернаторства, затем к заведующему пограничными делами Усинского округа, примыкающего к Туве, а оттуда уже к тувинским правителям, амбын-нойону и нойонам. Всё это в той или иной степени также получило отражение в разных документах, содержащихся в фонде «Китайский стол».

Исходя из знакомства с материалами этого архива и их изучения, можно констатировать, что отношения протектората между Тувой и Россией были основаны на обоюдном согласии с учётом интересов обеих сторон. По условиям протектората Тува, освободившись от жёсткой зависимости от Китая, обрела полную независимость в налаживании своей социально-экономической жизнедеятельности и судопроизводства. В новых условиях не было препятствий и запретов для развития традиционной тувинской культуры, родного тувинского языка, религии – буддизма и шаманизма. В последнем издании «Истории Тувы», где анализируется факт провозглашения протектората России над Урянхайским краем, особо подчёркнуто, что «образование протектората имело большое значение для тувинского народа. Этот акт обеспечил возможность сохранения тувинского этноса, так как в противном случае тувинцы вошли бы в состав Внешней Монголии и утратили свою этническую специфику, и прежде всего родной язык»[11].

Помимо этого, с учётом изучаемой проблематики и непосредственно региона исследования, кроме основных вышеназванных, мы ознакомились с отдельными документами ф. 103 – «Азиатские дела», ф. 126 – «Мунгальские (монгольские) дела», ф. 130 – «Сибирские дела», ф. 292 – «Консульство в Урге» (Улан-Батор, Монголия), ф. 294 – «Консульство в Урумчи (1896–1920 гг.)», ф. 299 – «Вице-Консульство в Хайларе» (Китай). Работа с документами этих фондов позволила получить, хотя во многом фрагментарный, но всё же необходимый материал по данной теме.

В целом содержание и сохранность этих источников, учитывая их «возраст», можно оценить, по нашему мнению, с натяжкой как удовлетворительное. Не случайно, по признанию начальника архива Ю.В. Басенко, с которой нам довелось встретиться и побеседовать в период подготовки данной статьи, значительное количество документов, касающихся Тувы, отнесены к ветхим и требуют реставрации. Относительно вопроса об общем их объёме она ответила, что «в силу особенностей информационно-справочного аппарата Архива внешней политики Российской империи определить точный объём архивных сведений по указанной теме не представляется возможным».

При этом, говоря о материалах, касающихся непосредственно Тувы, следует особо отметить, что на сегодняшний день в подавляющем большинстве они недоступны. Отдельные документы (дела) на протяжении длительного времени находятся под грифом «В работе» (например, ф. 143, оп. 491, д. 743 – «Переговоры между Россией и Англией о Монголии. 1907 г.»; ф. 143, оп. 491, д. 3115 – «Урянхайский край. 1916–1917 гг.»; ф. 188, оп. 761, д. 319 – «О заключении соглашения между Монголией и Тибетским правительством об их отделении от Китая, о враждебном отношении китайского населения к России в связи с заключением русско-монгольского соглашения (1912–1913 гг.)» и др.). Кроме того, в процессе знакомства с материалами этого архива наше внимание привлекли такие дела, как «Исправление границы в Урянхайском крае.

Экспедиция полковника Попова. 1726–1911 гг.» (ф. 143, оп. 491, д. 761), а также «Описание границ по линии Танну-Тува и договор между Китаем и Россией, составленный комиссиями, назначенными Улясутайским генерал-губернатором Китая и генерал-консулом России в Улясутае. 1869 г.» (ф. 143, оп. 491, д. 3457). Но, к сожалению, как выяснилось, ни одно из них по той же причине – «из-за ветхого состояния временно не выдаётся».

Таким образом, если из описи 491 фонда 143 (где, как было упомянуто, в основном и сосредоточены тувинские материалы) из 3488 единиц хранения из-за ветхости в настоящее время не доступны всего 16 дел, то 9 из них, т.е. больше половины – документы по Туве. Правда, из всего этого большого перечня около десяти дел имеют пометку «Дело расформировано и помещено в другие дела» или «Разобрано по папкам». Однако, как видим, в целом общей картины это не меняет. Несмотря на то, что нам, исследователям, эти документы не выдаются, полагаем, что со стороны архивных работников ведётся всё же регулярный надлежащий контроль за их состоянием.

К слову сказать, многие из этих источников были недоступны читателю ещё в начале 2000-х, т.е. вот уже два десятилетия. Мы знаем это не понаслышке, поскольку столкнулись с этим фактом лично при посещении архива в 2003 году. Согласитесь, это достаточно длительный срок. Как пояснила нам Ю.В. Басенко, причина столь долгой реставрации объясняется тем, что «отдельные дела разных фондов у нас закрыты по двум основным причинам: 1) это их состояние, так как из-за длительного, а порою ненадлежащего хранения они пришли в весьма плачевное состояние, 2) кроме того, отдельные из них могут быть по запросу МИД на некоторое время отданы туда для работы».

Добавим также, что в «Путеводителе», который находится в читальном зале архива, в отличие от его опубликованного варианта[12], полностью отсутствует фонд «Трактаты», где, как нам доподлинно известно, наряду с другими имеются и материалы по Туве. В своё время часть из них была опубликована в книге «За три века. Тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616–1915). Архивные документы. К 380-летию начала русско-тувинских связей», подготовленной известным региональным историком-архивистом В.А. Дубровским[13]. Как сказали работники этого учреждения, с недавних пор документы этого фонда закрыты по причине того, что это «особо ценный материал». В этой связи, конечно же, огромная благодарность всем тем исследователям, в первую очередь, тувинским коллегам, кому в своё время довелось поработать с этими материалами, систематизировать и классифицировать их и в конечном счёте довести до широкой научной общественности, опубликовав их.

В то же время относительно материалов, касающихся Тувы, руководитель архива уточнила, что эти документы действительно находятся в «ненадлежащем» состоянии, поэтому исследователям на руки, судя по всему, не будут выдаваться ещё долгое время. В то же время их реставрация в ближайшие годы не предполагается, так как на это существует определённая очерёдность. Она также добавила, что такое состояние тувинских документов объясняется в том числе и тем, что ранее, особенно в 90-е годы прошлого столетия, они достаточно активно выдавались и использовались исследователями.

Кстати, одно из свидетельств тому – подготовленные тувинским научным сообществом и опубликованные в разные годы труды, основанные на архивных источниках, в числе которых не так давно изданный сборник «Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события)»[14], который в ракурсе исследуемых нами проблем представляет особую значимость. Отметим также, что названная работа содержит ценные сведения, относящиеся непосредственно к вопросам подготовки и провозглашения протектората России над Тувой, что даёт возможность более детально проследить и изучить один из важнейших этапов в жизни тувинского народа первой четверти XX века. В этой связи следует заметить, что в основе своей данный сборник, несмотря на наличие

материалов других архивов, главным образом построен и состоит из документов АВПРИ. Понятно, что само по себе издание архивных материалов, кроме всего прочего, предоставляет нам несравнимо большую возможность для наиболее глубокого научного их анализа и осмысления.

Будем надеяться, что сегодня, в отличие от прошлых лет, когда реставрационные работы по разным причинам затягивались на длительное время, этот процесс заметно ускорится. Как сказали в руководстве архива, у них буквально два года назад появился штатный работник – реставратор. В предыдущие годы приходилось нанимать этого специалиста со стороны, что, ко всему прочему, предусматривало транспортировку необходимых для восстановления материалов в другие организации. Понятно, что выявление отдельных дел и документов в целом, а по тувинской тематике в частности, требует углублённого изучения ряда архивных фондов, включая те, которые на данном этапе закрыты. В этой связи полагаем, что в ближайшей перспективе доступ к ним станет объективно возможным и реальным.

Примечания

[1] Подлинная инструкция с приложениями, данная отправленному в Китай чрезвычайному посланнику и полномочному министру С.В. Рагузинскому. 1725 г. // АВПРИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 6.

[2] Предварительный отчёт о поездке по Южной Монголии, исполненной по поручению Министерства иностранных дел в 1892–1893 гг. ординарным профессором Санкт-Петербургского университета, действительным статским советником А. Поздневым. Ч. II. (29.IV.1895 г.) // АВПРИ. Ф. 152. Библиотека Азиатского департамента. 1589–1915 гг. Оп. 505. Д. 115. Л. 103–104.

[3] О передаче дел по награждению урянхайских чиновников в Министерство иностранных дел. 1914-1915 гг. // АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3116. Л. 3.

[4] Военные и политические заметки о Сибири на русском, французском и немецком языках. 1803–1808 гг. // АВПРИ. Ф. 152. Библиотека Азиатского департамента. 1589–1915 гг. Оп. 505. Д. 29. 286 л.

[5] Барга. 1913–1914 гг. // АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 760. 280 л.

[6] Автономная Монголия после подписания тройного договора. 1915–1917 гг. // АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3081. Л. 214.

[7] Там же. Л. 281–282.

[8] Кобдо. Телеграммы. 1917 г. // АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3075. Л. 1.

[9] Там же. Л. 16.

[10] Докладная записка министра иностранных дел России С.Д. Сазонова императору Николаю II от 29 марта 1914 г. о принятии населения Урянхайского края под покровительство России с резолюцией царя «Согласен» от 4 апреля 1914 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3113. Л. 69–70. Копия // Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события). Абакан: Типография «Журналист», 2014. С. 84.

[11] История Тувы. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2001. С. 327.

[12] Архив внешней политики Российской империи. Путеводитель. Миннесота: East View Publications, 1996. 452 с.

[13] За три века. Тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616–1915 гг.). Архивные документы. К 380-летию начала русско-тувинских связей. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1995. 87 с.

[14] Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события). Абакан: Типография «Журналист», 2014. 479 с.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-63-73

Л.В. Божинская (Арандаренко), С.Л. Борошко

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ГЕОРГИЙ АРАНДАРЕНКО: ВОЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ БУХАРСКОГО ХАНСТВА И АФГАНСКОГО ТУРКЕСТАНА*

Часть 2**

Г.А. Арандаренко практиковал длительное проживание в среде туземного населения[44]. Будучи главой законодательной и исполнительной власти, он изучал законы шариата и местные обычаи. Его судебные решения были основаны на соединении законов Российской империи и местных законов. Это обеспечивало его личный авторитет среди населения и политическую стабильность на управляемой им территории. Археолог и востоковед В.Л. Вяткин отмечал, что именно таким учёным-востоковедам, как Арандаренко, Петровский, Андреев, Половцов, Громбчевский и Снесарев, а совсем не сановным служакам, народы Туркестана обязаны были тем, что всегда, за очень редкими исключениями, улаживали мирным путём непростые отношения друг с другом.

В 1886 году Г.А. Арандаренко оказал помощь французской экспедиции путешественника Г. Бонвало. Его советы по выбору маршрута экспедиции, выделение двух проводников-джигитов, помощь в покупке лошадей, рекомендации по способу преодоления заснеженных высокогорных перевалов позволили участникам экспедиции преодолеть самые труднопроходимые отрезки горных перевалов Памира[45].

Аналогичную помощь получил и британский путешественник Г. Ланселл, который замечал в этой связи: «Я решил воспользоваться случаем и заехать к уездному начальнику, господину Арандаренко, который очень любезно предложил предоставить в моё распоряжение двух джигитов, сопровождавших нас до Оксуса. Господин Арандаренко дал ценные советы по поводу нашей работы и по некоторым вопросам восточного этикета, которые необходимо соблюдать в Бухаре»[46].

Пристальное внимание к географическим исследованиям Г.А. Арандаренко уделялось в Европе. Ведущие географы в бюллетенях и монографиях, посвящённых Средней Азии, так характеризовали Георгия Алексеевича: «Исследователь горцев Каратегина и Дарваза г-н Арандаренко – учёный столь же скромный, сколь и добросовестный»[47], «Господин Арандаренко был первым исследователем главных притоков реки Пяндж – труднопроходимых горных рек Дарваза»[48], «Господин Арандаренко впервые представил географическое и экономическое обоснование ирригации в Средней Азии»[49], «Капитан Арандаренко уже несколько лет является главой района в Туркестане и имеет возможность путешествовать по стране в любом направлении»[50], «Полковник Арандаренко хорошо знает таджикский язык и может получать редкие образцы во время своего пребывания в Дарвазе»[51], «Начальник Самаркандского уезда майор Арандаренко – один из лучших знатоков Туркестана»[52].

Г.А. Арандаренко поддерживал российские археологические экспедиции, в том числе экспедицию востоковеда Н.И. Весе-

* Выражаем благодарность востоковеду Михаилу Казбековичу Басханову, доктору исторических наук, профессору, действительному члену Королевского общества по изучению Востока (The Royal Society for Asian Affairs) (г. Глазго, Соединённое королевство) за замечания и помощь в написании этой работы.

** Окончание. Часть 1 см.: «Восточный архив», 2022, № 1 (45). С. 17-27.

ловского, проводившего раскопки древнего городища Афрасиаба. Вести такую деятельность без поддержки Арандаренко, начальника Самаркандского уезда, Веселовский не мог, что отражено в документах его личного фонда[53]. Помимо археологических раскопок, Веселовский занимался изучением северо-восточной подгруппы восточной группы иранских языков, с одним из которых (языком жителей долины реки Ягноб) познакомил его Г.А. Арандаренко[54]. Известно, что Арандаренко подарил Веселовскому отдельные предметы древностей из личной коллекции, познакомил его с самаркандским купцом и коллекционером восточных древностей Мирзо Бухари. Н.И. Веселовский купил у последнего 1202 предмета – монеты, перстни-печатки, женские украшения и керамические изделия. Веселовский также организовал путешествие Мирзо Бухари в Петербург для переговоров о приобретении части его коллекции столичными музеями. Итогом этих переговоров была передача в Петербург из Самарканда в октябре 1888 года более 6300 предметов древности, большая часть которых в настоящий момент демонстрируется в Отделе Востока Эрмитажа[55].

Для помощи Н.И. Веселовскому в его археологических поездках по Сырдарьинской области, Фергане и Бухарскому ханству полковник Арандаренко пригласил Акрам-Павлана Аскарова, уроженца Ташкента и коллекционера восточных древностей.

Учёный-историограф Б.В. Лунин упоминает, что в письме к исследователю Туркестана Н.П. Остроумову Н.И. Веселовский сообщал, что в Самарканде у Г.А. Арандаренко видел уникальную рукопись «Бабур-Намэ». По словам академика К.Г. Залемана, таким списком, возможно, владел брат Бухарского эмира, но достоверно в Туркестане известно о «всего одной рукописи записок Бабура, принадлежащей Г.А. Арандаренко»[56].

Г.А. Арандаренко настаивал на использовании каменного угля, более эффективного по сравнению с древесным[57]. Он запрещал сплошную рубку деревьев, проводил работы по ирригации и лесоразведению, создавая степные питомники, в которых выращивал строевой лес. По его инициативе было начато исследование лесной растительности Зеравшана, положено начало можжевеловому лесоустройству в Северном Таджикистане, организованы лесные хозяйства[58].

В трудах Г.А. Арандаренко обстоятельно изложена история политической, социально-экономической и культурной жизни независимых и полузависимых владений Восточной Бухары. Он описывает быт ремесленников, земледельцев и скотоводов Кулябского бекства и бекства Бальджуан, элементы их материальной и духовной культуры. Г.А. Арандаренко уделял внимание вопросам, которые составляли важнейшие элементы жизненного уклада и традиций местного населения. Побывав в Сурханском оазисе, он опубликовал сообщение, посвящённое коневодству и его экономическому значению для жителей оазиса[59].

Российская империя объединяла народы Средней Азии в единую сельскохозяйственную область. Важными являлись пути, связывавшие Закаспийскую область, оазисы Мургаба и верхнего Зеравшана с Ферганской долиной, а древний Хорезм с Мургабским, Зеравшанским и Сурханским оазисами. Первые администраторы из числа военных, такие, как Арандаренко, были первопроходцами и проводниками этой политики[60]. Экспедиции Г.А. Арандаренко пролегали по различным районам Туркестанского края.

В этот период Георгий Арандаренко публикует во французском «Бюллетене историко-описательной географии» (Bulletin de géographie historique et descriptive) результаты своих многолетних исследований Дарваза и Каратегина[61]. Результаты его исследований цитировались и обсуждались европейскими географами и многие годы спустя[62]. Журнал «Обозрение мусульманского мира» (Révue du monde Musulman), освещавший проблемы исламского мира, публиковал сравнительные обзорные данные по экономическому состоянию Бухары на основе сведений признанных в Европе востоковедов – Г.А. Арендаренко, А.Ф. Губаревич-Радобыльского и Д.Н. Логофета[63].

После введённого в действие с 1 января 1887 года «Положения об управлении Турке-

станского края» система самоуправления местных народов оказалась гораздо более демократичной, чем это желали русские чиновники, принимавшие участие в создании Русского Туркестана. Они считали, что Положение насаждает в Средней Азии демократичные правила, тогда как местная жизнь требует более сильной авторитарной власти[64]. Подполковник Арандаренко не мог примириться с новыми правилами и в декабре 1889 года вышел в отставку «с зачислением в запас армейской пехоты». Академик Н.И. Веселовский высказал своё мнение об этой отставке в столичной прессе: «Г.А. Арандаренко занимал в Туркестанском крае весьма ответственную должность по военно-народному управлению: сперва помощника, а потом начальника нагорных тюменей и Самаркандского уезда, должность первостепенной важности для русского влияния на туземцев и для водворения у них русской гражданственности. В плодотворной административной деятельности господина Арандаренко мог убедиться всякий, кому привелось посетить Самарканд в его управление… Книга господина Арандаренко раскрывает нам внутренний смысл его деятельности, показывает, сколько труда и энергии положено этим человеком для изучения своего уезда и его населения. И нельзя не пожалеть, что господин Арандаренко вслед за другими лучшими людьми покидает край. Это удаление мы готовы объяснять тем, что с водворявшимися в крае новыми порядками, крайне сложными и для туземцев несвоевременными, тяжело теперь оставаться в управлении и служить делу, которому не сочувствуешь»[65].

После отставки Арендаренко был зачислен в запас по Петербургскому уезду, но его пребывание вне службы продолжалось лишь полгода.

К 1885 году границы как таковой между Российской империей и Афганистаном в районе реки Кушка ещё не существовало, она только обозначилась, ещё шли работы смешанной англо-русской комиссии по делимитации афганской границы. Генерал А.В. Комаров, начальник Закаспийской области, считал город Мерв «гнездом разбоя и разрушения, тормозившим развитие всей Средней Азии»[66].

В 1890 году начальником и командующим войсками Закаспийской области был назначен генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин. Хорошо зная Арандаренко по прежней службе в Туркестане, он пригласил его на службу и поручил управление Мервским уездом. В июне 1890 года подполковник Арандаренко вернулся из запаса и был назначен первым уездным начальником Мервского уезда.

В 1892 году за отличие по службе Георгий Арандаренко получил чин полковника. В Мервском уезде он выступал инициатором ряда нововведений, направленных на улучшение жизни местного населения. За время его управления уезд превратился в благоустроенный край с развитым земледелием, торговлей и промышленностью. Он непосредственно участвовал в обустройстве русских селений на р. Кушка вблизи афганской границы. К 1898 году к Кушке была проведена железная дорога, и самая южная точка Российской империи стала важным пунктом обороны Русского Туркестана.

Об авторитете полковника Арандаренко в Туркестане красноречиво свидетельствует дневник Бухарского эмира, составленный им во время поездки в Петербург в 1892 году. В продолжение всего пути эмиром приводятся описания маршрута следования, но нигде он не опускается до пофамильного упоминания встречавших его чиновников, тем самым подчёркивая глубокую пропасть, отделявшую личность эмира от обычных людей. Исключение им сделано при упоминании Мервского уезда: «8-го числа в половине девятого ночи прибыли на станцию Мерв, которая была иллюминована и горела как солнце. Здесь на вокзале приветствовали нас с пожеланиями доброго пути один генерал и начальник Мервского округа, полковник Арандаренко... Полковник Арандаренко, служивший ранее долгое время на должности Самаркандского уездного начальника и часто посещавший Бухару, считается старинным другом нашего дома, и потому свидание с ним нам было очень приятно и доставило нам большое удовольствие»[67].

Традиции восточного этикета в полной мере соблюдались эмиром. При торжественном выезде эмира рядом с его экипажем бежали высшие сановники и даже наследник престола. Во время приёма эмиром беков они ползком приближались к эмиру, сидевшему на высокой тахте. Эмир клал беку на голову руку, которую тот целовал, прикладывая её к своему лбу и водя ею по лицу[68]. Поведение эмира при встрече с полковником Арандаренко было демонстративным проявлением отношения к нему правящей бухарской династии.

После назначения в Мервский уезд полковник Арандаренко часть книг из своей личной библиотеки подарил в библиотеки Туркестана, часть продал учёным-востоковедам. Одним из них был востоковед А.А. Семёнов, который в 1894 году приобрёл у Г.А. Арандаренко несколько древних рукописей, в том числе 200-листовый трактат «Зидж-и гургани Улугбек» (Астрономические таблицы Улугбека, 1443 г.). Эта рукопись была приобретена Арендаренко в 1873 году, в бытность его начальником уезда в Самарканде. Через некоторое время Семёнов решил продать рукопись. Британский музей предложил за неё 1000 руб. Семёнов отказался её продавать, назначив большую цену. Рукопись приобрёл старший чиновник особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе М.И. Шанявский и представил её в 1900 году на Всемирной выставке в Париже[69]. Как верно заметила профессор Л.Н. Додхудоева, в истории этой рукописи переплелись судьбы различных выдающихся российских чиновников, знавших толк в библиографических редкостях[70].

В 1900 году на международной выставке в Париже экспонировалась коллекция среднеазиатских ковров, представленная по поручению начальника Закаспийской области[71]. Прямого указания фамилии владельца коллекции в каталоге русской части выставки не оказалось, но есть основания предполагать, что это была коллекция Г.А. Арандаренко. Коллекционированием ковров как произведений художественной культуры народов Средней Азии занимались и другие военные администраторы. Так, губернатор Закаспийской области генерал-лейтенант А.А. Боголюбов, известный коллекционер среднеазиатских ковров, издал роскошный каталог своей коллекции[72].

Генерал от инфантерии С.М. Духовский 23 августа 1899 года послал шифрованную телеграмму военному министру генералу А.Н. Куропаткину: «Прошу назначить Мервского уездного начальника полковника Арандаренко исправляющим должность вновь учреждённого при мне генерала для поручений… Генерал Духовской»[73]. 10 сентября 1899 года за военного министра начальник Главного штаба генерал-лейтенант Сахаров испрашивал высочайшее соизволение[74]. На данном документе собственной его величества рукой написано: «Согласен».

Прослужив начальником Мервского уезда 9 лет, в 1899 году полковник Арандаренко был переведён в Ташкент, на должность генерала для особых поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа. 6 декабря 1900 года он был произведён в чин генерал-майора. Спустя полгода, 4 июня 1901 года был назначен военным губернатором и командующим войсками Ферганской области.

Последний период службы Арандаренко пришёлся на непростое время. В рапорте генерал-губернатору Н.А. Иванову от 18 ноября 1902 года он сообщал о том, что на российско-китайской границе, неподалёку от Ташкургана, обнаружилась болезнь, от которой «через два-три часа наступает смерть»[75]. Врачи признали в ней «бубонную или лёгочную чуму». 18 января 1903 года в Горном Бадахшане вспыхнула эпидемия кори[76]. 1 сентября 1903 года начальник Памирского отряда докладывал о том, что близ Памира появилась холера[77]. В результате предупредительных мер была учреждена карантинная охрана на Алае. Благодаря усилиям военных медиков и администрации края удалось избежать проникновения инфекционных заболеваний со стороны Средней Азии вглубь территории Российской империи[78].

Г.А. Арандаренко руководил ликвидацией последствий Андижанского землетрясения, произошедшего в декабре 1902 года. Из общей суммы пожертвований в 10 169 рублей

им лично было внесено 3 750 рублей[79]. Большое внимание он уделил последующему гражданскому строительству Андижана[80].

В поле зрения Г.А. Арандаренко находилась сфера культуры, центром которой был Новый Маргелан (современный г. Фергана). Он стремился прежде всего повысить уровень образования туземного населения, утверждая, что туркестанскому туземцу нужны не английский плуг, не русская изба, а сила мысли, сила духа, с которыми он и сам познает Америку. Ядром регулярной городской застройки Нового Маргелана был дворец военного губернатора (ныне Областной драматический театр). Для поднятия уровня образования и науки во вверенной им области он основал «Ежегодник Ферганской области» (1902 г.).

В отчётах академика В.В. Бартольда о его командировке в 1902 году в Туркестан он сообщает, что его целью был поиск древних рукописей Средней Азии. Из шести древних персидских рукописей, имевшихся в публичной библиотеке Ашхабада, пять были подарены генерал-майором Арандаренко[81]. Среди них были рукописи Фирдауси, персидская рукопись о завоевательных походах Александра Македонского и др. Во время поездки в Туркестан Бартольд встречал рукописи, ранее найденные Арандаренко, в различных публичных и частных собраниях. Так, в Ташкентском музее он нашёл рукописи Амни-Ахмеда Рази, прежде находившиеся в личной библиотеке Арандаренко.

Одной из граней личности Г.А. Арандаренко была его благотворительная деятельность. В 1902 году он выделил капитал на учреждение «Стипендии Арандаренко» ученикам земской школы села Малая Кошелевка[82], которые хотели бы продолжить обучение в сельскохозяйственных и технических учебных заведениях Черниговской губернии. Устав предусматривал пособия ученикам земской школы, помощь школе на приобретение книг и раздачу денег ученикам[83].

Большую роль в судьбе Г.А. Арандаренко играла его дружба с генерал-адьютантом А.Н. Куропаткиным. Их знакомство состоялось в 1-м военном Павловском училище. В 1866 году они начали службу в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне. По оценкам некоторых исследователей, своим продвижением по службе в конце 1890-х годов Арандаренко был обязан генералу Куропаткину, назначенному военным министром Российской империи 1 июля 1898 года и состоявшему в этой должности до 7 февраля 1904 года. На этот период выпал пик карьеры Арандаренко, её закат произошёл одновременно с уходом Куропаткина с поста военного министра. Достаточно продолжительный период, с 1882 по 1907 год, во взаимоотношениях Г.А. Арандаренко и А.Н. Куропаткина покрывает их обширная переписка, сохранившаяся в фондах РГВИА[84].

В 1904 году в Санкт-Петербурге был выпущен альбом «Современная Россия в портретах и биографиях»[85], посвящённый жизнеописанию отечественных деятелей во всех областях государственной и общественной жизни. Он являлся до некоторой степени отражением русской действительности в переживаемую историческую эпоху, которой эти деятели придавали своеобразный характер и известное направление. Удостоен этой чести был и Георгий Алексеевич Арандаренко.

На посту военного губернатора Ферганской области генерал-майору Арандаренко пришлось столкнуться с рядом крупных политических вопросов: революционное брожение в Фергане, подготовка к вторжению в Кашгарию, дискуссии относительно оккупации Сарыкола. Он предлагал своё решение непростых вопросов колонизации Русского Туркестана. Несмотря на то, что Средняя Азия официально считалась закрытой для переселения, поток самовольных переселенцев к концу 1890-х годов достиг нескольких десятков тысяч человек[86]. Волна русской колонизации обострила земельные вопросы и привела к обострению межнациональных отношений.

К началу XX века интересы государства требовали развития в Средней Азии культуры хлопка до таких пределов, чтобы Российские бумагопрядильни были обеспечены хлопком внутреннего производства. Царская администрация приняла решение начать официальный процесс колонизации этого края. В 1904 году на отчёте генерал-майора

Арандаренко о состоянии Ферганской области за 1903 год против того места, где говорилось о крайне важном значении в интересах колонизации оросительных работ в долине реки Кугарты и в Наманганском и Андижанском уездах, Николай II сделал пометку: «Несмотря на войну, обратить на это внимание»[87].

Доклад губернатора Арандаренко послужил инициативой разработки в 1904 году программы правительственных мероприятий. Вице-директор департамента земледелия К.Н. Масальский сформулировал порученные к незамедлительному исполнению задачи, фактически повторявшие тезисы, выдвинутые в первоначальном отчёте генерал-майором Арандаренко: «Предпринять поощрительные и некоторые другие меры для развития в некоторых районах широкого орошения новых земель и организовать переселение из внутренних губерний на вновь орошённые земли Туркестана, причём должны быть согласованы интересы хлопководства с интересами политическими, требующими образования на окраинах районов с русским населением»[88].

Арандаренко как администратор придерживался несколько авторитарных методов управления, тех, что в своей природе ещё восходили к начальному, «кауфмановскому» периоду русской административной политики в крае и основывались на административном диктате и безусловной силе приказа, мало сообразуясь с изменением местных условий и степенью развития гражданского общества в Туркестане. Такой подход и взгляд на административное управление вызывали недовольство как в среде либеральной части туркестанского чиновничества, так и у местного населения края. Это послужило поводом для кампании критики, которую развернул В.П. Наливкин, ближайший помощник Арандаренко.

Докладные Наливкина с жалобами на самоуправство военного губернатора поступили в Главный штаб и на имя Туркестанского генерал-губернатора Н.А. Иванова, а затем и сменившего его Н.Н. Тевяшова. Знаток местных языков и традиций, этнограф Наливкин был либералом и оппонентом авторитарного стиля Арандаренко. Корни конфликта генерал-губернатора Арандаренко с В.П. Наливкиным лежали в конфликте между военным и гражданским руководством Туркестана.

Прошедшая в начале 1900-х гг. реформа военного управления в Туркестане ограничивала роль военного губернатора, сводя её к выполнению обязанностей гражданского администратора. Как и в случае своей отставки в 1890 году, Арандаренко не был согласен с демократизацией Туркестанского края. В этом, собственно, и были причины конфликта с Наливкиным, а говоря шире, – с либеральным туркестанским чиновничеством.

Начальник канцелярии Туркестанского генерал-губернатора Г.П. Фёдоров в своих воспоминаниях отмечал: «Г.А. Арандаренко по природе очень неглупый человек, энергичный, опытный, прекрасно знакомый со Средней Азией, великолепно знал местный язык, законы и обычаи. Обладая литературными талантами, он издал десятки статей и книг, с его мнением считались и его опасались всё население и все подчинённые ему руководители Туркестана. Обладая редкими качествами и талантами, он не признавал ничьего мнения, он считал свой авторитет непогрешимым… Он желал видеть в своём помощнике слепого исполнителя своих распоряжений. Будучи сам безупречно честным человеком, он считал, что всякий чиновник прежде всего взяточник, и сообразно этому вёл всю свою внутреннюю политику. Он был нетерпим в своих отношениях к подчинённым, и вся область, за исключением двух-трёх любимчиков, его ненавидела»[89]. Фёдоров также замечал: «Генерал Иванов послал меня в Новый Маргилан лично удостовериться, нельзя ли найти какую-нибудь почву для примирения. В течение трёх дней я зорко следил за отношениями между врагами и пришёл к убеждению, что никакие компромиссы невозможны. Арендаренко старался поставить на своём, а Наливкин в своих отношениях к губернатору был очень несдержан и иногда даже груб, чего нельзя было допустить в отношениях подчинённого к начальнику вообще, а в военном ведомстве тем более»[90].

Генерал Н.Н. Тевяшов, назначенный 22 июня 1904 года Туркестанским генерал-губернатором, «не желая на первых же порах входить в личное разбирательство этих дрязг, но не признавая возможным терпеть такой ненормальный порядок, просил военного министра командировать кого-нибудь из Главного штаба для расследования всех столкновений между Арандаренко и Наливкиным»[91]. Дело передали на рассмотрение Азиатского отдела Главного штаба. Командирован был начальник Азиатского отдела главного штаба генерал Ф.Н. Васильев, бывший раньше помощником военного губернатора Ферганской области. По результатам расследования военный министр В.В. Сахаров подал представление об увольнении со службы генерал-майора Г.А. Арандаренко, высочайшим приказом утверждённое государем императором. Генерал-майор Арандаренко, кавалер ордена Св. Станислава 1-й и 2-й ст., кавалер ордена Св. Анны 2-й и 3-й ст., кавалер ордена Св. Владимира 3-й ст. и 4-й ст. с мечами и бантом, кавалер бухарского ордена Золотой звезды 1-й ст., 40 лет прослуживший в Туркестанском генерал-губернаторстве, в 58 лет был уволен со службы «с мундиром и пенсией», без повышения в чине. Уволен от должности был и Наливкин. Подробности конфликта генерал-майора Арендаренко и В.П. Наливкина представлены в документах, отложившихся в РГВИА[92, 93].

После отставки Г.А. Арандаренко, не имевший семьи и детей, отправился в Тифлис, где проживала семья его племянницы, и пробыл там несколько месяцев. События, предшествовавшие армяно-азербайджанскому межнациональному конфликту 1905 года, прокатившемуся от Баку до Тифлиса, общая дестабилизация политического строя убедили его покинуть Российскую империю. В середине 1905 года отставной генерал-майор Арандаренко написал письмо начальнику Ошского уезда, полковнику В.Н. Зайцеву о том, что он благополучно прибыл в Берлин и обустроил там свою жизнь в отставке.

Последней публикацией генерал-майора Арандаренко была статья в журнале «Русская старина» в 1905 году, посвящённая памяти генерала Д.И. Романовского. Причиной появления этой работы стала публикация воспоминаний генерала от инфантерии Н.Г. Залесова, в которых генерал Романовский был представлен негативно[94]. Арандаренко ответил на «Записки» Залесова своими воспоминаниями, в которых дал превосходную характеристику своему первому боевому командиру. Он отметил вклад Романовского в завоевание Туркестана, указав, что генерал Романовский покинул Среднюю Азию с повышением, будучи в 1866 году представленным к ордену Св. Георгия 3 класса с формулировкой: «В воздаяние отличной распорядительности, оказанной в деле 8 мая при урочище Ирджар при поражении главной армии Бухарского Эмира»[95].

В 1906 году Собственная Его Императорского Величества канцелярия приняла прошение на Высочайшее имя от отставного генерал-майора Арандаренко о восстановлении служебного положения. Ожидая решения, будучи состоятельным человеком, имея счета в банках России и Европы, он много путешествует, подолгу живёт в Риме и Флоренции, задумывает фундаментальный труд о связи Европы и Азии. По этому поводу он пишет в Самарканд археологу и востоковеду В.Л. Вяткину: «Я намерен, вернувшись в Россию, изложить в книге некоторые свои соображения и взгляды на соотношение Европа – Азия. Уже в Италии мне бросились в глаза явно восточные черты жизни местного населения и характера всей страны. Ещё более поразительна аналогия в Греции. Здесь-то уже подлинный Восток. С его египетскими, финикийскими, турецкими и прочими чертами. Они сквозят не только во внешнем облике греков, но и в их характере, в колорите всей страны, в эмоциональной и интеллектуальной сферах. Нет отдельной культуры Запада и отдельной культуры Востока, есть одна общечеловеческая культура, и на стыке Европы и Азии стоит Россия с её великой объединяющей миссией. Роль русских во взаимопроникновении культур будет по достоинству оценена в будущем, и наша задача помочь в верной оценке этой роли».

Для написания этой работы он в 1907 году приезжает в Швейцарию и поселяется на берегу Женевского озера в отеле Д'Англетер

(Hotel d'Angleterre, quai du Mont-Blanc 17, Женева, Швейцария). Ещё с 1872 года этот роскошный отель, из окон которого открывался панорамный вид на Женевское озеро и гору Монблан, стал любимым местом выдающихся гостей Женевы.

В одном из последних писем, которые генерал-майор Арандаренко прислал в Самарканд В.Л. Вяткину, было распоряжение относительно его личной библиотеки: «Многоуважаемый Василий Лаврентьевич! Имею к Вам просьбу. Не сочтите за труд взять из моего самаркандского дома библиотеку. Книг там немного, но они хорошо пополнят неширокий фонд вашей городской Публичной библиотеки. Во всяком случае, я уверен, что вы распорядитесь книгами наилучшим образом. Видимо, я в Туркестан больше не вернусь, и, стало быть, книги эти нечего держать под спудом. Мой земной поклон вашей супруге. Засим с совершеннейшим к Вам почтением, Арандаренко».

В августе 1906 года Г.А. Арандаренко составил духовное завещание[96], оставив личный капитал на различные благотворительные цели и родственникам. Он завещал Петровскому Полтавскому кадетскому корпусу (ППКК) 100 тыс. руб. на создание стипендии «Имени генерал-майора Г.А. Арандаренко». Это была символическая благодарность военному учебному заведению за всех мужчин рода Арандаренко, которые учились в нём с 40-х годов XIX века. Он поручил душеприказчику, директору ППКК, продать движимое и недвижимое имущество, вырученный капитал присоединить к наличному капиталу и из него выдать различные суммы, в том числе на учреждение именной стипендии в Мужской гимназии г. Нежин. Он завещал деньги Земской управе Нежинского уезда на учреждение койки в Земской больнице для бесплатного лечения больных простолюдинов села Малая Кошелевка. Предусматривалась раздача денег десяти беднейшим семействам села Малая Кошелевка; причту церкви и на нужды церкви села Малая Кошелевка; выделение денег на постройку двух православных храмов в Германии, в городах Берлин и Наугейм; четырём семьям джигитов, которые служили при нём в Самарканде. Не были им забыты многочисленные братья, сёстры, племянники и племянницы, внучатые племянники и племянницы, крестники и крестницы, причём суммы завещались от нескольких тысяч до 35 тыс. руб. каждому.

При средней зарплате учителя 30 руб. в месяц, а чиновника 40-60 руб. в месяц, общая сумма завещания была огромной – порядка 300 тыс. руб. Оставшиеся после раздачи деньги завещались для учреждения стипендиальных программ различным учебным заведениям Черниговской и Полтавской губерний, в том числе Полтавскому институту благородных девиц, в котором воспитывались девицы рода Арандаренко. Отдельным распоряжением он завещал, чтобы его похороны не были торжественными, могильный памятник был скромный, установлен за его счёт, а общая сумма затрат на похороны и памятник не превышала одной тысячи рублей.

В начале 1908 года в связи с ухудшением здоровья Г.А. Арандаренко в сопровождении врача выехал из Женевы в Варшаву. В начале апреля 1908 года он был госпитализирован в Варшавскую больницу Красного Креста (Варшавский комитет Красного Креста для оказания помощи отставным воинским чинам и их семействам), где скончался 19 апреля 1908 года от порока сердца. Похоронен в Варшаве. Таким образом, Польша навсегда призвала к себе своего сына, потомка польского рыцаря, героя Грюнвальдской битвы, шляхтича Jarand z Grabi i Brudzewa h. Pomian.

После смерти Г.А. Арандаренко его завещание в полной мере выполнено не было. Директор ППКК генерал-майор Попов отказался быть душеприказчиком Г.А. Арандаренко, дабы не утруждать себя заботами, но позаботился истребовать 100 тыс. руб. в стипендиальный фонд училища.

За неимением душеприказчика, по инициативе его брата Алексея в июне 1909 года в ведении Петербургской Дворянской опеки с целью сосредоточения капиталов покойного и распределения их среди наследников было учреждено опекунство над имуществом отставного генерал-майора Арандаренко. Опекунами были назначены присяжные поверенные М.Н. Назарьев и Н.Н. Вельд-

брехт. Работа по обнаружению и объединению банковских вкладов Г.А. Арандаренко комитетом Дворянской опеки длилась несколько лет. Частичные переводы средств начались в 1911 году.

В сентябре 1912 года опекуны истребовали в Санкт-Петербург личные вещи Г.А. Арандаренко. Они четыре года находились в доме его сестры, Евпраксии Алексеевны Арандаренко (Компанец) в селе Малая Кошелевка, вывезенные туда ею в опечатанном виде из Варшавы. Все личные вещи покойного (два пальто, восемь гражданских костюмов, ботинки, галоши, сорочки, постельное бельё, генеральский китель, генеральские погоны, серебряные подсвечники, фату, фуражку, шляпы, панамы, серебряные запонки, перчатки, кальсоны и прочее) опекуны продали всего за 50 рублей, которые поступили в кассу Опекунского Управления. Эти же опекуны получили из Малой Кошелевки опечатанный в Варшаве личный архив Г.А. Арандаренко – семь альбомов с зарисовками (видами) Русского Туркестана, две папки с фотографиями, упаковку писем, два портфеля с бумагами, одну папку с бумагами, один бювар с бумагами и одиннадцать записных книжек с черновиками и рукописями. В документах дворянской опеки значится, что все эти вещи «как не имеющие ценности» были ими уничтожены. При этом опекуны обнаружили среди писем банковский билет в 100 немецких марок, разменяли его на 40 российских рублей и передали в кассу.

В материалах Дворянской опеки, включающей более 400 листов документов, нет ни одного документа, в котором бы предлагалось вернуть родственникам личные вещи Г.А. Арандаренко или рукописи, фотографии и альбомы, составляющие его научное наследие. В деле нет ни одного упоминания о его книгах, которых не могло не быть среди личных вещей покойного, наличных деньгах, часах или личных драгоценностях. Один из пунктов завещания (№22) не был выполнен: Г.А. Арандаренко просил сохранить его золотые перстни, золотую печать-брелок и икону в серебряной ризе и завещал их брату. Варшавский судебный пристав, описывавший в апреле 1908 года личные вещи покойного, ничего из перечисленного не обнаружил. Данных о недвижимом имуществе Арандаренко в документах Дворянской опеки не значится.

Среди самых дорогих вещей, принадлежащих Г.А. Арандаренко, были его туркестанские коллекции. За годы службы в Туркестане Г.А. Арандаренко собрал обширные коллекции восточных древностей, в том числе подарки местной знати, которые он получал в течение 40 лет службы. Судьба его коллекций неизвестна.

Значительную часть капитала Г.А. Арандаренко составляли российские процентные бумаги и государственная рента. Было установлено, что если все бумаги государственного займа обратить в наличные деньги, то их сумма будет значительно превышать весь объём завещанного капитала. В связи с этим наследники обратились в Дворянскую опеку с требованием продать все имеющиеся ценные бумаги и распределить все деньги между наследниками, пропорционально доли каждого по духовному завещанию. Дело было осложнено тем обстоятельством, что Георгий Алексеевич подписывался двояко – АрАндаренко и АрЕндаренко. Составляя духовное завещание, подписался Арандаренко, а капиталы в банках Российской империи и Европы хранились на имя Арендаренко. Направляемые в Европу копии документов часто содержали ошибочно написанную фамилию, например АрЕндОренко, или АрОндаренко, что вело к многолетней переписке и долгому доказыванию идентичности вкладчика и завещателя.

Беспрепятственно были выданы наличные деньги банками Варшавы, Москвы и Санкт-Петербурга, покрывшие (с большим остатком) завещанные суммы. Выдача ценных бумаг затягивалась. В Варшавском казначействе хранилась недополученная им за 2 года пенсия. Переписки с банками Европы длились долгие годы, дополнительно выявляя принадлежащие Г.А. Арандаренко значительные вклады в валюте и иностранные ценные бумаги. Европейские банки выдвигали дополнительные требования и затягивали выдачу капитала. Опекунское управление

констатировало, что «способов понуждения к выдаче капитала покойного генерала Арандаренко не имеется».

Разразившаяся Первая мировая война сделала эти вопросы второстепенными. В связи с Февральской революцией 1917 года в Российской империи длившееся почти восемь лет «Дело об опеке над имуществом умершего отставного генерал-майора Г.А. Арандаренко» в марте 1917 года было официально прекращено.

Генерал-майор Арандаренко был многогранной, целостной и в значительной степени уникальной личностью, внёсшей значительный вклад в науку, в изучение Туркестана, Бухарского ханства и Афганистана. Он был опытным администратором, храбрым офицером, авторитетным учёным – человеком, который всего себя отдавал делу и этого же требовал от окружающих. Его жизнь может быть примером честного и достойного служения отечеству, его талант учёного и писателя – образцом для последующих поколений, а его военно-востоковедное наследие ещё предстоит более полно изучить и осмыслить.

Примечания

[44] *А-р-о Г.* Между туземцами степного уезда // Туркестанские ведомости. 1880. № 42. С. 8-31.

[45] *Capus G.* Le toit du monde (Pamir). Paris, 1890. P. 289.

[46] *Lansdell H.* Through Central Asia. London, 1887. P. 246.

[47] *Ujfalvy K.J.* Les aryens au Nord et au sud de L'Hindou-kouch. Paris, 1896. C. 168.

[48] Bulletin de la Société de géographie d'Anvers. Anvers, 1877. P. 20.

[49] *Moser H.* L'irrigation en Asie centrale: étude géographique et économique. Société d'éditions scientifiques. Paris, 1862. P. 42.

[50] Bulletin de la Société de géographie. Paris, 1878. P. 487.

[51] Bulletin de la Société de géographie. Paris 1878. P. 21.

[52] *Capus G.* A travers le Royaume de Tamerlan (Asie centrale). Paris, 1892. P. 87.

[53] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 118. Оп. 1. 1832–1917.

[54] *Соколова В.С., Грюнберг А.Л.* История изучения бесписьменных иранских языков // Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962. С. 129-130.

[55] *Хамидов Д.* Плеяда первых Таджикских краеведов // Вестник ТГУПБП. 2010. № 4. С. 117-128.

[56] *Благова Г.Ф.* К истории изучения «Бабурнаме» в России // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 174.

[57] *Арифов Х.О.* Обеспечение эффективного и безопасного использования угольных ресурсов в энергетике Таджикистана // Экономика Таджикистана. 2017. № 1. С. 29-37.

[58] *Арандаренко Г.А.* Зеравшанские заметки. Лесной вопрос // Туркестанские ведомости. 1886. № 14. С. 3-44.

[59] *Арандаренко Г.А.* Коневодство // Туркестанские ведомости. 1881. № 9. С. 12-18.

[60] *Бегалиева М. О.* История торговых отношений Сурханского оазиса в периодической печати // Бюллетень науки и практики. 2020. №3. Т. 6. С. 561-566.

[61] Bulletin de géographie historique et descriptive. Comité des travaux historiques et scientifiques (France). Section des sciences géographiques et de l'environnement. Paris, 1891. P. 53-82

[62] Bulletin de géographie historique et descriptive. Comité des travaux historiques et scientifiques (France). Paris, 1905. P. 475.

[63] Revue du monde Musulman / Publiée par La vision scientifique du Maroc. T. 4. Paris, 1911. P. 354.

[64] *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 203-204.

[65] Записки Восточного отдела Русского Археологического общества. Т. IV. СПб., 1890. С. 408.

[66] Военная энциклопедия / Под ред. К. Величко, В. Новицкого, А. Фон-Шварца и др. СПб., 1911–1914. Т. XIII. С. 64.

[67] *Сеид Абдул-Ахат Бухадур-хан.* Точный перевод дневника его светлости эмира Бухарского. Казань, 1894. С. 18.

[68] *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 98-99.

[69] *Додхудоева Л.Н.* Письма Александра Семёнова к Михаилу Андрееву (1899 г., 1912 г.) // Вклад академика А.А. Семёнова в изучение истории и культуры таджикского народа. Душанбе, 2014. С. 185-186.

[70] *Додхудоева Л.Н.* Научное наследие А.А. Семёнова и М.С. Андреева. Душанбе, 2013. С. 13-14.

[71] *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М., 2005. С. 18-20.

[72] Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А.А. Боголюбовым. Петербург. Изд. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1908. Ч. I. Л. 1-24; Ч. II. XXIV. Л. 25-43.

[73] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 29668. Л. 1.

[74] Там же. Л. 3.

[75] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1617. Л. 9.

[76] Там же. Л. 34.

[77] Там же. Л. 120.

[78] *Некрасов О.В.* Русские пограничники на «Крыше мира». М., 2017. С. 248.

[79] *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906. С. 102.

[80] *Шамсутдинов Р.Т.* История Андижана в документах и материалах (1876–1917 гг). Т. 1. Андижан, 2009. С. 65.

[81] *Бартольд В.В.* Работы по источниковедению. М., 1973. С. 119.

[82] Государственный архив Черниговской области. Ф. 342. Оп. 1. Д. 1705. Л. 5.

[83] *Потапенко М.В.* Благотворительность семьи Арандаренко. Поляки в Нежине. Нежин, 2007. С. 33-35.

[84] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 2295.

[85] Современная Россия в портретах и биографиях. СПб., 1904. С. 111.

[86] Азиатская Россия. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1914. Т. I. С. 460.

[87] *Шарова П.* Переселенческая политика царизма в Средней Азии в 1906-1919 годах // Историк-марксист. 1940. № 6. С. 90-102.

[88] Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой сенатором К.К. Паленом. Переселенческое дело. СПб., 1910. С. 177.

[89] *Фёдоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 гг.) // Исторический вестник. 1913. № 12. С. 882.

[90] Там же. С. 883.

[91] Там же. С. 884.

[92] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3271. Л. 178.

[93] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3272. Л. 253.

[94] *Залесов Н.Г.* Записки // Русская Старина. 1903. № 4. С. 10.

[95] *Арандаренко Г.А.* Памяти Дмитрия Ильича Романовского // Русская старина, 1905. Т. 122. № 5. С. 464-468.

[96] Центральный государственный исторический архив. Ф. 268. Оп. 1. Д. 588. Л. 488.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-74-76

А.Ш. Кадырбаев

РОЛЬ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В КАВКАЗСКОЙ И РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ. 1833–1879 гг.

Материалы российских государственных архивов наглядно иллюстрируют политику Российской империи на Кавказе и в Крыму. Уже в ходе Кавказской войны, начавшейся в 1818 году, её власти приступили к реализации плана по укреплению своих позиций на Западном Кавказе и его Черноморском побережье. Важная роль отводилась, в частности, не только Черноморскому флоту, но и донскому и кубанскому казачеству, вначале носившему название Черноморского казачьего войска. Первыми представителями его были выходцы с Украины – лояльные Российской империи запорожские казаки и донские казаки с Хопра – притока Дона. Они появились на Кубани по приказу российской императрицы Екатерины Великой после разгрома русскими властями Запорожской Сечи[1].

Важной составляющей этого плана являлось создание в этих благодатных краях военной опоры Российской империи, на роль которой прочили казаков – российское военное сословие. Об этом свидетельствуют следующие документы Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ): проект «Положения о прибрежных казаках за 1834 г.»; «Проект положения о “прибрежных казаках”», составленный начальником главного действующего отряда российских сухопутных войск на восточном берегу Чёрного моря генерал-лейтенантом Раевским; «О разработке положения о казачьих поселениях на побережье Абхазии», «О рассмотрении проекта генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского о поселении казаков на восточном берегу Чёрного моря»[2].

Заметна была роль Черноморского флота России в Кавказской войне у побережья Западного Кавказа. В 1833 году корабли Черноморского флота обеспечили успех Абхазской военной экспедиции, перебросив десант российских войск к берегам Абхазии. Личный состав Морского (военно-морского. – *Авт*.) министерства, принимавший участие в экспедиции, был в том же году награждён «за мужество, проявленное в борьбе с горцами у берегов Абхазии».

Боевые действия, в которых активно участвовали корабли Черноморского флота, продолжались в 1834–1835 гг. Не принесли спокойствия и мира в Абхазию и следующие годы. 1836 год отмечен крупным боестолкновением российского сухопутного отряда и команды тендера «Быстрый» с горцами у укрепления Дранды, а 1837 – боем люгера «Глубокий» под командованием лейтенанта Шпаковского с «черкесами» (адыгами. – *Авт.)* у берегов Абхазии. Об этом сообщает в своём письме участник Кавказской войны, русский поэт поручик М.Ю. Лермонтов. Есть в материалах РГА ВМФ документ «Сведения о действиях “чеченского” отряда под командованием подполковника Мищенко от 6 июня 1842 г.».

В 1837 году фрегат «Азов» Черноморского флота перебрасывал российские войска с Константиновского мыса в Сухум-кале – Сухумскую крепость и вывозил оттуда раненных в Редут-кале. Наглядно иллюстрирует в 1838 году боевые действия в Абхазии документ РГА ВМФ «О высадке десанта в Шапсухо», где был ранен пулей в ногу Е.В. Путятин, будущий адмирал и известный государственный деятель Российской империи. За участие в боевых действиях в Абхазии, где он командовал флотским десантным батальоном и кораблями Черноморского флота фрегатом «Агатополь» и «Силистрия», поддерживавшими огнём корабельных орудий десанты русских войск у мыса Адлер, в местностях Субаши, Шахо и Шапсухо, Путятин был повышен в чинах – сначала до капитана 2-го, а затем и 1-го ранга[3].

Бои происходили не только на суше, но и на море. В 1834 году корвет «Мессемврия» и бригантина «Нарцисс» задержали у берегов Абхазии три турецких судна, подозреваемых

в контрабанде оружия для воюющих с Россией горцев. 21 августа 1836 года российские военные корабли потопили две черкесские галеры. Ситуация у берегов Абхазии тогда также осложнялась происками британских спецслужб. Согласно донесениям из посольства России в Стамбуле от 1 октября – 23 декабря 1837 года, стало известно о враждебных замыслах мятежных абхазцев против российских властей и проникновении на восточное побережье Чёрного моря двух британских офицеров. В одном из донесений, составленных подполковником Манагари, давалось описание мест на восточном побережье Чёрного моря, удобных для производства запрещённой российскими властями контрабандной торговли, в том числе и оружием. И после Кавказской войны ситуация на Западном Кавказе для российских властей продолжала оставаться сложной, о чем сообщает документ от 18–23 ноября 1863 года «О принятии мер по предотвращению предполагаемого захвата одного из судов Русского общества пароходства и торговли горцами»[4].

Боевые действия происходили у берегов и на берегах Абхазии и во время очередной русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Там вспыхнуло восстание против Российской империи абхазцев, поддержавших высадку в Абхазии османского десанта, большую часть которого составляли мухаджиры, абхазцы, ранее изгнанные российскими властями в Османскую империю. В 1877 году в Абхазии получил боевое крещение молодой лейтенант российского Военно-Морского флота С.О. Макаров, будущий адмирал и знаменитый российский флотоводец. 22 августа 1877 года Макаров был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость» за содействие отряду полковника Шелковникова при взятии высот у Гагринских проходов. 7 октября того же года Макаров был произведён в очередное звание капитан-лейтенанта досрочно и награждён орденом Святого Георгия 4 степени «за отличие при атаке (российскими. – *Авт.*) минными катерами турецкого броненосца в ночь на 12 августа 1877 г. у Сухума»[5].

Одной из страниц истории Черноморского флота является его участие в выселении российскими властями мятежных по отношению к Российской империи коренных народов Западного Кавказа, Крыма и Причерноморья – адыгов, абхазцев, абазинов, убыхов, крымских татар, ногайцев в Османскую империю во время и после Крымской и Кавказской войн. Об этом свидетельствуют документы РГА ВМФ. «30 июня 1865 г. О переселении горцев с восточного берега Чёрного моря в Турцию, принятии мер к усилению наблюдения за побережьем для предотвращения попыток многих из них вернуться в Россию»; «О перевозке горцев в Турцию с Кавказа на судах Черноморского флота»; «О рассмотрении вопроса перевозки на судах Черноморского флота войск из Одессы в Таврическую губернию в связи с переселением из Крыма татар. 28 июля – 2 сентября 1860 г.»; «Журнал комитета министров. Рапорты, переписка по вопросу о переселении крымских татар за границу и желании части переселившихся вернуться в Крым. 8 января – 1 июля 1861 г.»; «Журнал Кавказского комитета и переписка о плане переселения и перевозки славян в Крым и на восточный берег Чёрного моря. 7 июня 1860 – 25 февраля 1861 г.»; «О предполагаемом поселении в Крыму на землях, оставленными татарами, отставных и бессрочно-отпускных рядовых Морского ведомства. 1 июля 1857–1859 г.»[6].

К этому можно добавить, что гонения на «инородцев» и их принудительное выселение как силовыми ведомствами, так и в самих силовых ведомствах, в том числе в Морском (Военно-Морском) ведомстве и Министерстве внутренних дел Российской империи, не ограничивались депортацией горских народов Северо-Западного Кавказа, ногайцев и крымских татар, среди которых (за исключением абхазцев) преобладал ислам, а имели место и по отношению к другим неславянским народам Кавказа и Крыма, даже христианским, в том числе и православным.

Ещё в 1778 году по инициативе российского правительства Екатерины Великой из Крыма в Приазовье было выселено старожильческое христианское население. По сведениям руководившего этой акцией знаменитого русского полководца А.В. Суворова, Крым были вынуждены покинуть 31 098 че-

ловек, из которых 18 394 были православными греками, которые являлись паствой не Русской Православной церкви, а Вселенского Константинопольского православного патриархата в Стамбуле, что, вероятно, и стало причиной их выселения из Крыма. Это была первая волна переселенцев, за которой последовали другие. Переселённым было запрещено возвращаться в Крым[7].

Когда они приехали на новое место, выяснилось, что денег на строительство жилья не хватает, а земли, которые им выделили, непригодны для садоводства и выращивания винограда – людей выселили в голую степь. В результате неурожая и плохих погодных условий зимой 1778–1779 годов люди погибали от голода и морозов. Точное число погибших неизвестно, правдоподобная цифра – около пяти тысяч человек. Эта операция подорвала численность крымских христиан. Что же касается *крымлы*, или крымских татар, то если в середине XVIII века в Крыму их жило более 700 тыс. человек, то к 1785 году их количество сократилось до 92 тыс., так как сотни тысяч *крымлы* эмигрировали в Турцию.

В документе, датируемом 17 февраля 1844 года, содержатся сведения о назначении государственной комиссии по делу о высылке из Севастополя греков[8]. Известны официальные письма министра внутренних дел Д.А. Толстого от 7–11 ноября 1883 года и управляющего Морским министерством адмирала И.А. Шестакова «Об устранении армян от государственных должностей на Кавказе»[9]. Хотя не всё было так однозначно. Известно, что знаменитый российский художник-маринист XIX века, армянин И. Айвазовский, служил на Чёрном море в Морском ведомстве и стал адмиралом.

Роль Черноморского флота и казачества на Западном Кавказе, в Крыму и у восточного побережья Чёрного моря в 1833–1879 гг. весьма значима. Вне сомнения, эти военные структуры были надёжным оплотом и защитой государственных интересов Российской империи на её кавказских и черноморских рубежах. Это наглядно проявилось во время Кавказской, Крымской и русско-турецкой 1877–1879 гг. войн, когда приток русских и украинских переселенцев позволил изменить демографическую структуру Северо-Западного Кавказа и Крыма, а также Причерноморья в пользу последних.

Примечания

[1] *Кочергин А.А.* Казачья идентичность, историческая память, этнический дискурс: случай кубанского казачества // Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе. М.: ИВ РАН, 2017. С. 92.

[2] Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Фонд Меншикова А.С. Структурная часть, Кавказский Отдел. Ф. 19. Оп. 4. Ед. хр. 383. Л. 38–58; Фонд управления главного командования Черноморского флота и портов Чёрного моря. Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 3918. Л. 24–44, 201; Фонд Меншикова А.С. Ф.19. Оп. 4. Ед. хр. 383. Л. 7–16.

[3] Там же. Фонд Инспекторский департамент. Ф. 283. Оп. 1. Ед. хр. 2957. Л. 1–145; Фонд Меншикова А.С. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 48–49; Ед. хр. 4149. Л. 1–7; Фонд Управления главного командования Черноморского флота и портов Чёрного моря. Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 3170. Л. 710; Фонд «Всеподданнейшие отчёты по флоту и Морскому ведомству». Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 47–48б.

[4] Там же. Канцелярия Главного Морского штаба. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 1631. Л. 1–13; Фонд Высочайшее повеление. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 67–67б; Л. 68–68б; Фонд Меншикова А.С. (письмо М.Ю. Лермонтова). Ф. 19. Оп. 2. Ед. хр. 125; Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 3751. Л. 3–8, 23; Ф. 410. Оп. 2. Т. 2. Ед. хр. 2666. Канцелярия Морского министерства. 1836–1918 гг.

[5] Там же. Фонд Макарова С.О., вице-адмирала. Ф. 17. Оп. 1. 27 декабря 1848 г. – 31 марта 1904 г.

[6] Там же. Фонд канцелярии Морского министерства. Распорядительная часть. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 2405. Л. 8; Ед. хр. 2450. Л. 28; Ед. хр. 2396. Л. 27; Ед. хр. 2712. Л. 41, А105.; Ф. 1079. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1–13; Ед. хр. 1465. Л. 34.

[7] *Ефимов А.В.* Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. Краткий библиографический справочник. Симферополь, 2000. С. 32; *Араджиони М.А., Вьюницкая Л.Н., Ефимов А.В.* Формирование новой общины греков Крыма в конце XVIII – начале XIX века // Греки в истории Крыма… С. 35-37.

[8] РГА ВМФ. Ф. 920. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 96–97.

[9] Там же. Письма министра внутренних дел Д.А. Толстого и Управляющего Морским министерством И.А. Шестакова по вопросу об устранении армян от государственных должностей на Кавказе. Ед. хр. 3853. Л. 3.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-77-84

Вальдемар Шмидт

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕМЕЦКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КАЗАХСТАНЕ

Вопросы, связанные с переселенческим движением немцев бывшей Российской империи на территорию Казахстана, имеют весьма большое значение для исследования проблем переселенческой политики царизма. Рассмотрение этих вопросов в значительной мере расширяет наше представление о проблемах и трудностях, возникавших в процессе заселения, и, в частности, об отношении местной колониальной администрации к переселенцам-немцам.

Надо отметить, что одной из территорий дореволюционного Казахстана, куда шло массовое переселение немецкого крестьянства, являлась Акмолинская область, где первые немецкие поселения появились в конце XIX века[1]. Ещё до развития массового переселения, в 1868 году, в Казахстане была введена новая административная система управления на основе «Временного положения об управлении в степных областях». Согласно ему территория дореволюционного Казахстана была разделена на четыре области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую. В 1882 году для более успешного проведения колониальной и переселенческой политики, а также для определения территориальных границ Казахстана было создано Степное генерал-губернаторство, в которое вошли Акмолинская и Семипалатинская области. Для административного управления каждая область была разделена на пять уездов. В частности, Акмолинская область делилась на следующие уезды: Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Атбасарский, Акмолинский[2].

Первые крестьянские поселения в пределах Акмолинской области стали возникать ещё во второй половине 1870-х годов, хотя в этот исторический период Казахстан не относился к регионам, куда было направлено массовое переселение малоимущего крестьянства. В 1880-е годы царское правительство было вынуждено обеспечить условия переселения из центральных и малоземельных губерний на окраины. В связи с этим 10 июня 1881 года были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные казённые земли».

Заселение Акмолинской области в конце XIX века шло по двум направлениям. Наряду с официальным переселенческим движением, существовало неофициальное переселение крестьянства. Первые самовольные переселенческие селения на территории Акмолинской области возникли в 1884 году. В основном они были образованы выходцами из Тобольского и Пермского уездов. Для урегулирования самовольного переселения в Акмолинскую область был принят специальный закон от 13 июня 1889 года. Территорию области включили в число мест, куда было разрешено добровольное переселение крестьянства[3]. В 1889 году в Кокчетавском и Атбасарском уездах было образовано 24 переселенческих деревни[4]. Эти законы стимулировали рост переселенческих настроений в среде немцев.

В 1890 году Министерство внутренних дел Российской империи в законодательном порядке попыталось легализовать переселение в Казахстан. В результате роста переселенческой волны к осени 1890 года на территории Акмолинской области скопилось более 15 000 крестьян из 32 губерний Европейской России. Администрация области приняла меры для расселения крестьян и выделила 12 земельных участков из свободных киргизских земель: два участка в Петропавловском уезде, девять участков в Кокчетавском уезде и один участок в Атбасарском уезде[5]. Причины переселения немцев на территорию Казахстана и организации дочерних колоний были различны, но основным фактором было их малоземелье в «материнских колониях».

Начало заселения немцами-переселенцами территории Акмолинской области было связано с всё более нарастающим потоком крестьянской колонизации, которая в 1890-е годы приняла образ оформившегося переселенческого движения. В течение 1890 года на территорию Акмолинской области прибыло 353 семьи. На долю немцев-переселенцев приходилось 2 238 человек, которые в основном переехали из Самарской и Саратовской губерний. Основная масса немцев-переселенцев в этот период осела в Петропавловском и Кокчетавском уездах[6].

Для переселения в районы восточных окраин России, в частности в Казахстан, железнодорожное управление делало скидки на проезд. После переселения административные органы в местах водворения выделяли переселенцам для организации и постройки жилья 115 рублей. Однако в большинстве случаев для переселения в столь отдалённые районы правительство приветствовало людей с денежными средствами и наличием определённой рабочей силы в семье. Естественно, выдававшиеся от правительства деньги были недостаточны для беднейших слоёв крестьянства[7].

Степной край. Крестьяне-арендаторы и немцы-колонисты из внутренних губерний. Акмолинская область, конец XIX века.

Немцы-переселенцы, осевшие в Акмолинской области, создавали замкнутые переселенческие поселения, которые не вступали в контакт ни с русским, ни с коренным населением края[8]. В начале 1891 года в связи с ростом переселенческого движения в Акмолинскую область по распоряжению Степного генерал-губернатора расселение крестьян-переселенцев в пределах области было временно прекращено. Однако, несмотря на принятие особых мер, самовольное переселение крестьян в Акмолинскую область продолжа-

лось, причиной чего стал неурожай хлеба, охвативший большую часть Европейской России и Приуралья.

Окончательная легализация переселенческого движения в Казахстан произошла 22 июня 1894 года после издания циркуляра Министерства внутренних дел[9].

Несмотря на отсутствие в законодательстве Российской империи прямых ограничений по переселению немцев в Казахстан, реальные условия их расселения с конца XIX века вплоть до начала Первой мировой войны жёстко регламентировались местными административными и управленческими органами[10]. Особенно эти ограничения возможности переселения немцев проявились в Степном крае. В результате тем, кто переселялся на государственные земли, выделялись участки, которые не пользовались спросом у других переселенцев, и в конечном итоге они получали практически не пригодные для ведения сельского хозяйства земли.

Переселение немцев на территорию Степного края, к которому принадлежала территория современного Казахстана, со стороны местной администрации находило всяческие препятствия. Обоснованием такой негативной позиции в отношении немецкого переселения являлось то, что якобы немцы-переселенцы при заселении имеют больше привилегий, чем русские крестьяне. Хотя руководитель Акмолинского Переселенческого управления отмечал, что немцы-переселенцы заселяются в крае на тех же условиях, что и русские крестьяне. Сугубо негативное отношение чиновников в отношении немцев-переселенцев в Степном крае во многом определяло переселенческую политику царской России, что впоследствии отразилось в различных циркулярах и распоряжениях центральных и местных управленческих органов по этим вопросам в отношении немцев.

В январе 1895 года, после начавшегося переселения немцев в Степной край[11], в циркуляре Министерства внутренних дел, направленном Степному генерал-губернатору, было дано указание прекратить заселение немецкими переселенцами территории Акмолинской области. Обоснованием запрета объявлялось то, что немецкие колонии в Европейской России имеют лучшие земли, чем большинство русских крестьянских хозяйств, поэтому переселенческие участки, образованные на казённых землях, не должны служить фондом для расширения немецкого землевладения в крае[12]. Однако ещё до получения циркуляра МВД Степной генерал-губернатор М.А. Таубе предупредил немцев, поселившихся в Акмолинской области, что в «случае прибытия в эту область новых колонистов таковые будут выдворены из неё этапным порядком»[13].

В этом плане также интересны материалы из доклада министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова «О переселении в Степной край немцев из Самарской губернии в 1895 году». Ермолов отмечал, что «в последнее время замечается наплыв немцев-переселенцев из Самарской губернии без разрешения Министерства внутренних дел, и в Степных областях немцев поселять нельзя. Немцы постоянно стремятся селиться вместе. Степной генерал-губернатор думает образовать из них отдельную волость, но это крайне нежелательно»[14].

Осенью 1895 года генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе обратился в МВД за разъяснением вопроса о переселении в Степной край немцев. В ответе МВД оговаривался момент, что прибывшие в 1895 году в Степной край немцы-колонисты должны быть устроены наравне с другими самовольными переселенцами. Результатом этого явилось то, что на территории Степного края возник ряд новых переселенческих посёлков. Для урегулирования вопросов переселения, а также ограничения самовольного переселения администрация Степного генерал-губернаторства была вынуждена пойти на создание в январе 1896 года специального органа – «Переселенческого управления» для регулирования вопросов переселенческой политики.

В конце XIX – начале XX века в Акмолинской области, несмотря на ограничение переселенческого потока немецкого крестьянства, стали возникать чисто немецкие переселенче-

ские деревни, к числу которых принадлежали Баронское, Павловское, Долинское, Самаркандское и многие другие. Позднее также появились немецкие сёла в Кокчетавском уезде. Материалы первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года сообщают, что на территории Казахстана проживало 2496 человек немецкой национальности. Причём из общей численности осевших немцев-переселенцев около 30% проживало в городах, а 70% – в сельской местности[15].

Таблица 1

Численность немецкого населения по областям Казахстана по материалам первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года

Название области	Количество немецкого населения, чел.
Акмолинская область	1476
Сыр-Дарьинская область	649
Уральская область	161
Семипалатинская область	160
Семиреченская область	32
Букеевская Орда и Мангышлак	18

Вопрос о занятости немецкого населения дореволюционного Казахстана очень хорошо прослеживается на примере Акмолинской области, которая в то время относилась к значительным губерниям Казахстана не только по территориальным размерам, но и по своему экономическому значению. Большинство немцев-переселенцев в дореволюционном Казахстане были заняты в сельском хозяйстве (83,6%). Из материалов переписи 1897 года следует:

Таблица 2

Сфера занятости немецкого населения Казахстана по материалам переписи 1897 года[16]

Сфера занятости	Проценты
В непроизводственной сфере	6,1
В индустрии	7,8
В торговле	2,4
В других сферах	0, 1

Переселенческое движение немцев в Казахстан более чётко оформилось к 1906 году. В этот период сформировались три крупных потока немецкого переселенческого движения в Казахстан. Самым значительным из них было переселение немцев-колонистов из Поволжья; вторым – из причерноморских колоний и позже с территории Волыни и соседних губерний.

В период с 1898 по 1905 год немцы-переселенцы интенсивно заселяли территорию Акмолинской области. Заселение области происходило главным образом за счёт переселения из Самарской и Саратовской губерний. В результате этого на территории Акмолинской области немцы-переселенцы основали семь поселений, затем появились шесть немецких переселенческих деревень в Кокчетавском уезде[17].

Наряду с крестьянским переселением из числа немцев на территорию Казахстана также происходило переселение германских подданных и городских немцев Российской империи. В основном этот контингент переселенцев селился в областных и уездных городских центрах края. Интересны в этом плане статистические данные периода с 1896 по 1916 год по Акмолинской области о численности переселенцев из иностранных подданных, принявших российское подданство, общим количеством 87 немцев: 8 бывших австрийских и 79 германских подданных[18].

Особо негативное влияние на ограничение свободы немецким переселенцам в выборе мест заселения оказал Степной губернатор Е.О. Шмит. В приказе заведующему Акмолинским переселенческим районом Е.О. Шмит указывал, что немцев-переселенцев следует направлять лишь в Акмолинский и Атбасарский уезды[19]. В 1910 году в письме в МВД он писал: «В настоящее время водворение немцев производится преимущественно в южные районы Акмолинской области. Эти уезды поставлены в более тяжёлые условия, и поэтому высокая сельскохозяйственная культура немцев может справиться с такой ситуацией»[20].

Другой территорией дореволюционного Казахстана, куда переселялись немцы в общем потоке русского крестьянства, была Тургайская область. В январе 1869 года было образовано Тургайское областное правление. В основном колонизация и переселенческое движение в Тургайскую область русского крестьянства, а также немецких крестьян с юга России и поволжских колоний осуществлялось в двух северных уездах – Актюбинском и Кустанайском. По условиям климата и почвы они были более благоприятны для развития сельского хозяйства[21]. Первоначально процесс переселения крестьянства, как русского, так и немецкого, происходил самовольно. Многочисленные попытки сдержать переселение крестьян путём его запрещения не давали нужных результатов. Самовольное переселение и занятие переселенцами казахских земель продолжалось. К причинам самовольного переселения следовало бы отнести малоземелье и наличие больших налогов, которые вынуждали крестьян переселяться на новые земли. Поэтому большой поток переселенческого движения крестьянства был направлен в регионы Азиатской России, в том числе и в Казахстан[22].

Для рассмотрения вопросов переселенческого движения немцев в пределы Тургайской области особое значение приобретают материалы архивного фонда №25 Центрального Государственного архива Республики Казахстан «Тургайское областное правление», в котором отложились материалы о взаимоотношениях, мероприятиях колониальной и царской администрации по вопросам колонизации и организации переселенческого дела в Тургайскую область. Именно материалы фонда «Тургайского областного правления» раскрывают яркие примеры взаимоотношений между различными национальными группами крестьян, самовольно переселившихся в Тургайскую область. Документы и материалы фонда свидетельствуют, что в процессе переселения происходили различные столкновения из-за заселяемых земель. В частности, это касается переселенческого участка Надеждинский, где в 1902 году произошли столкновения между русскими и немецкими переселенцами.

Село Надеждинское стало одним из первых немецких переселенческих сел в Кустанайском уезде Тургайской области[23]. Первые упоминания о переселенческом посёлке Надеждинка связаны с историей переселенческого движения. В архивных источниках имеются сведения, что немецкие переселенцы из южно-русских губерний обосновались в Кустанайском уезде до поземельного устройства русского населения[24].

Первые 14 семей немецких переселенцев из Херсонской, Бессарабской и Полтавской губерний прибыли сюда в 1899 году и остались у своих земляков на Ивановском земельном участке. Уже в 1900 году в район Кустанайского уезда Тургайской области прибыла новая партия немецких переселенцев – 189 семейств. Из них 14 семейств поселились непосредственно на Надеждинском земельном участке. Датой образования немецкого поселения Надеждинка Кустанайского уезда Тургайской области считается 1901 год.

Характеризуя появление немцев-переселенцев в Кустанайском уезде, в рапорте от 13 июля 1902 года на имя военного губернатора Тургайской области кустанайский уездный начальник писал: «Надеждинский посёлок образовался в прошлом году путём самовольного заселения запроектированного переселенческого участка немцами-лютеранами. Как и всем прочим самовольным переселенцам, им было объявлено, что разрешения на переселение в Тургайскую область до сих пор нет и что относительно их, т.е. немцев, наоборот, есть распоряжение Земского отдела Министерства внутренних дел, что разрешение переселения в Тургайскую область переселенцев из числа немцев особенно нежелательно»[25].

Мнение кустанайского уездного начальника совпадало с мнением делопроизводителя Переселенческого управления Яхонтова, который по вопросу переселения немцев в Кустанайский уезд высказывал мнение, что предоставление земельных участков лицам нерусского происхождения нежелательно. Яхонтов предлагал отложить решение вопроса о разделе земельных участков среди немцев-переселенцев в Кустанайском уезде на неопределённое время, а с другой стороны – вообще ограничить возможность переселения немцам в Тургайскую область.

Немцы-переселенцы, организовавшие поселения на земельном участке Надеждинском, неоднократно ходатайствовали о возможности наделения их землёй перед губернатором Тургайской области и МВД. 25 апреля 1902 года генерал-губернатор Тургайской области лично посетил Кустанайский уезд и проезжал через этот посёлок. Немцы-переселенцы обратились к нему с просьбой их водворения на этом земельном участке и разрешения на посевные работы. Однако генерал–губернатор ответил, что от него решение вопроса об их водворении не зависит, но на 1902 год, как и прочим самовольным переселенцам, разрешил остаться на этом земельном участке и распахать под посев 3 десятины на семью[26]. Губернатор на этой встрече высказал просьбу, чтобы немецкие переселенцы не требовали к себе переселенцев из числа их соотечественников.

Несмотря на устное разрешение генерал-губернатора Тургайской области, немцам-переселенцам было очень трудно остаться на этом земельном участке, так как у них возникли осложнения с русскими переселенцами, которые тоже желали заселиться на этом земельном участке. Возникновению инцидента между немцами и русскими переселенцами способствовало местное начальство, которое отказывалось давать официальное разрешение русским переселенцам обосноваться на этом земельном участке.

Из архивных документов следует, что русские переселенцы из различных районов Кустанайского уезда и города Кустаная собрались в течение недели на земельном участке Надеждинском в количестве 150 человек. Они обратились к кустанайскому уездному начальнику за разрешением на создание их поселения на земельном участке Надеждинском. Однако они имели разговор не с уездным начальником, а с чиновником уездного управления Мясищевым, который им ответил, что поселение на земельном участке Надеждинском или же каком-либо другом земельном участке не разрешено[27].

23 мая 1902 года переселенцы обратились к священнику Борисовско-Романовского посёлка с просьбой отслужить молебен на переселенческом участке Надеждинском, так как якобы русским переселенцам было разрешено там строиться[28]. В связи с этим и возникли столкновения между немцами и русскими переселенцами. После произошедшего инцидента кустанайский уездный начальник в рапорте от 31 мая 1902 года излагал свою просьбу губернатору Тургайской области в отношении немцев-переселенцев: «Я имею честь просить указаний Вашего Превосходительства о порядке выдворения указанных переселенцев-немцев, так как добровольно покинуть земельные участки Надеждинский и Тиминский они не соглашаются и продолжают самовольно возводить постройки»[29].

В процессе дознания было установлено, что «немцы устроили свои землянки на берегу р. Тобола ещё в 1901 году, а с весны 1902 года стали их переносить на новое место, признанное по проекту под посёлок, примерно в версту от старого. Русские переселенцы грозили немцам, что они здесь в скором времени будут строиться, а затем выгонят немцев»[30]. Слухи об инциденте между русскими и немецкими переселенцами дошли до епископа Оренбургского и Уральского, который в письме от 15 июля 1902 года писал генерал-губернатору Тургайской области: «Как известно, что немцы очень держатся за этот весьма хороший и удобный пункт, который лежит на живом и бойком трактовом пути, пользуясь всяким случаем прохожим и проезжающим навязывать свою протестантскую веру и внедряют вредное учение против русской православной веры»[31]. Епископ просил генерал-губернатора Тургайской области принять чрезвычайные меры по отношению к немцам-переселенцам. В письме он

писал: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдворить из киргизских степей вверенной Вам области крайне неблагонадёжных, вредных, дерзких, нахальных самовольно водворившихся немцев-протестантов и не оставить их проступок ненаказанным»[32].

После завершения расследования этого инцидента 21 декабря 1902 года Тургайский губернатор писал, что «немцы Надеждинского земельного участка ввиду прочного устройства на основании предложения Министерства внутренних дел от 5 октября 1902 года за № 9289 получат водворение на запланированном месте отдельно от русских»[33].

Главная трудность при проведении переселенческой политики для местной администрации заключалась в том, что при разделе земельных участков возникало много вопросов о разрешении поземельных споров[34].

На основании архивных документов можно сделать вывод, что политика местных и центральных властей в отношении немецкого переселенческого движения в Казахстан характеризовалась стремлением не допустить колонистов на лучшие земли. Их расселение в Казахстане рассматривалось местной администрацией как возможность влияния своей высокой сельскохозяйственной культурой на местное, а также и переселенческое население. Немецкие переселенческие деревни возникали в Казахстане обособленно. Однако имели место отдельные случаи враждебных столкновений с русскими переселенцами, возникавших на почве поземельных споров или религиозных вопросов.

Завершая статью, нужно отметить, что общая численность немецких переселенцев в Казахстане перед Первой мировой войной составила 64 000 человек.

Примечания

[1] Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. И 369. Оп. 1. Д. 9487. Л. 12.

[2] *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. СПб., 1898. С. 329-330.

[3] ЦГА РК. Ф. И 64. Оп. 1. Д. 596. Л. 122об.

[4] Там же. Л. 12.

[5] Там же. Л. 123об.

[6] Там же. Л. 123.

[7] *Schlesinger, Martin Ludwig.* Russland im XX Jahrhundert. Berlin, 1908. S. 201.

[8] *Лавров М.В.* Туркестан. География и история края. Москва, 1914. С. 36.

[9] *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. Москва, 1998. С. 131.

[10] *Вибе П.П.* Основные районы немецкой крестьянской организации в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект / Материалы Междунар. науч. конф. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. М.: Готика, 1998. С. 134-144.

[11] Степной край был организован в 1882 году. В его состав вошли Акмолинская, Семиреченская и Семипалатинская области. С 1889 г. находился под управлением генерал-губернатора Туркестанского края с управленческим центром в г. Омске. В 1917 г. был ликвидирован.

[12] *Вибе П.П.* Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX в. Омск, 2011. С. 30.

[13] ЦГА РК. Ф. И 64. Оп. 2. Д. 587. Л. 134.

[14] Немцы Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев Сибири (1895–1917) / Под ред. П.П. Вибе. Омск, 2000. С. 25-26.

[15] См.: *Лайгер М.П., Кригер В.Э.* География расселения и социально-экономические характеристики немецкого населения Казахстана в конце XIX века // Вестник АН Каз.ССР. № 11(1988). С. 79-81; *Кригер В.Э.* Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1991. С. 14.

[16] *Schmidt, Waldemar*. Die Ansiedlung der deutschen Bevölkerung in Kasachstan und ihr sozialökonomische und politische Entwicklung // „Jahrbuch für deutsche und osteuropäische Volkskunde“. Bd. 43 (2000). S. 253.

[17] *Ерофеева В.И.* Столыпинская аграрная реформа и массовое переселение славянского и немецкого крестьянства (1900–1917 гг.) // История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001. С. 253-255.

[18] ЦГА РК. Ф. И 369. Оп. 1. Д. 3270. Л. 15.

[19] См.: *Вибе П.П.* Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 9.

[20] ЦГА РК. Ф. И 64. Оп. 1. Д. 5959. Л. 12об.

[21] *Палферов Я.Я.* Земледелие в Тургайской области. Оренбург, 1896. С. 9.

[22] *Шмидт В.* Из истории переселенческого движения немцев в дореволюционном Казахстане. На примере с. Надеждинка Кустанайского уезда Тургайской области // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев. Материалы 14-й Междунар. науч. конф. Кисловодск, 25–29 сентября 2013 г. Москва, 2014. С. 333.

[23] *Буданова Ю.П.* Первые немецкие поселки в Кустанайском уезде. Село Надеждинка. История по материалам архивных документов и воспоминаниям коренной жительницы села М.Я. Гофман (Белоусько) // Немцы Сибири. История и культура. Материалы VI Международной научно-практ. конф. 2-4 июня 2010 г. Омск, 2010. С. 185.

[24] ЦГА РК. Ф. И 25. Оп. 1. Д. 1518. Л. 31–42.

[25] Там же. Л. 8.

[26] Там же. Л. 8об.

[27] Там же.

[28] Там же. Л. 1.

[29] Там же. Л. 1об.

[30] Там же. Л. 9.

[31] Там же. Л. 6об.–7.

[32] Там же.

[33] Там же. Л. 50.

[34] ЦГА РК. Ф. И 25. Оп. 1. Д. 2790. Л. 14об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-85-91

Н.А. Мышов

ЛИКВИДАЦИЯ ЛИДЕРА БАСМАЧЕСТВА ЭНВЕРА-ПАШИ

В начале 1920-х годов Гражданская война в Европейской части России сходила на нет. Разгром Врангеля в Крыму и заключение перемирия, а затем Рижского мирного договора с белопанской Польшей были тому наглядным свидетельством. Последним аккордом её стало подавление антибольшевистских выступлений в Кронштадте, в Белоруссии, на Украине и Тамбовщине. Однако контрреволюция не собиралась складывать оружие.

Очаги сопротивления Советской власти смещались на окраины бывшей Российской империи. Одним из них стала Средняя Азия, и прежде всего Туркестанский край, Бухарский эмират и Хивинское ханство. Здесь противоборство двух непримиримых сил старого и нового мира вылилось в одну из кровавых форм – басмачество, являвшееся военно-политическим и религиозным антисоветским движением. Под знамёнами басмачей сплотились наиболее реакционные силы в Средней Азии, опиравшиеся на самые отсталые слои общества, находившиеся под сильным влиянием мусульманского духовенства и феодальной знати[1].

Басмачи были очень серьёзным и коварным противником. Их методы ведения войны отличались от боевой тактики белогвардейцев, с которыми большевики успешно воевали на фронтах Гражданской войны. Их тактика была типична для партизанской войны в горных и пустынных районах. Они избегали столкновений с крупными регулярными воинскими частями Красной Армии, предпочитая нападения на мелкие вооружённые формирования противника. Объектами их атак чаще всего являлись небольшие населённые места, отрезанные от мест дислокации основных сил противника, отдельные промышленные предприятия, коммуникации – в частности, железные дороги и их инфраструктура. Басмачей отличала особая жестокость по отношению к представителям Советской власти. При захвате населённых пунктов они зверски убивали коммунистов и комсомольцев, советских работников, пленных красноармейцев, представителей местного пролетариата и сторонников Советской власти. В случае неудачи они отходили в труднодоступные горные места, где, как правило, находились их пункты базирования. Разведывательной информацией их обеспечивало местное население[2].

Однако, несмотря на все трудности борьбы с басмачеством, к началу 1920-х годов Красной Армии удалось нанести по нему ряд ощутимых ударов, которые в сочетании с мирными инициативами и изменениями в национальной политике способствовали укреплению Советской власти в Средней Азии и поднятию её авторитета. Начался массовый процесс разложения басмачества. Тысячи бывших басмачей стали складывали оружие и возвращаться к мирной жизни[3].

Но местная контрреволюция не собиралась разоружаться. Бывшие феодалы, имамы и националистически настроенные элементы, опиравшиеся на поддержку империалистических кругов Запада, не хотели мириться с возможным поражением. Они предприняли ряд мер по оживлению деятельности басмачей.

Прежде всего, была усилена политика террора и запугивания местного населения. Зверские расправы над недовольными стали для басмачей обычным явлением. По словам очевидцев, они уничтожали всех. Так, один из них свидетельствовал: «Беременным женщинам вспарывали животы, выбрасывали плод и набивали животы соломой. Детям разбивали головы о колеса арб или устраивали из них козлодрание, и они разрывались на части. Красноармейцев сжигали на костре…»[4].

При этом в отношении рядовых басмачей руководство басмаческих формирований

стало применять систему заложничества. Заложниками теперь становились все родственники бандита. В случае его бегства их уничтожали[5].

Для большей эффективности и лучшей координации действий разрозненных басмаческих отрядов в начале 1920-х годов с подачи их зарубежных руководителей была предпринята попытка объединить все антисоветские антироссийские силы и создать единый фронт. На роль лидера предполагалось поставить бывшего военного министра, заместителя главнокомандующего вооружёнными силами Османской империи Энвера-пашу. В его задачи, по словам английского генерального консула в Кашгаре, входило объединение всех антисоветских сил с последующим созданием «великого мусульманского государства в качестве буфера против России». Помимо Туркестана, Бухары и Хивы в него предполагалось включить и сопредельные государства[6].

Исмаил Энвер, больше известный как Энвер-паша, являлся одним из идеологов и вдохновителей геноцида армян в Турции в годы Первой мировой войны. Обвинённый в военных преступлениях, после подписания Мудросского перемирия в 1918 году он бежал в Германию. С её помощью он рассчитывал реализовать свои захватнические планы по созданию «Великого Туркестанского султаната из пяти ханств: Ташкентского, Кокандского, Бухарского, Хивинского, Туркменского», но, убедившись в полном бессилии Германии, разгромленной в Первой мировой войне, предложил свои услуги Советской власти[7].

В начале сентября 1920 года Энвер-паша прибыл в Москву, где активно включился в работу по организации противодействия британскому влиянию на Кавказе и в Средней Азии. По приглашению советского правительства принял участие в Первом съезде народов Востока в Баку, на котором выступил с предложениями объединения большевизма с исламом. Данные взгляды не получили поддержки ни у российских коммунистов, ни у турецких военных, привлекавшихся в качестве советников и консультантов по вопросам Востока[8]. При этом у Энвера-паши осложнились отношения с Мустафой Кемалем – лидером турецкой революции, поддержанного Советами[9].

Сам Мустафа Кемаль во время одной из своих встреч с М.В. Фрунзе[10] так характеризовал своего бывшего соратника: «Этот человек является искателем приключений, властолюбив и обманывает как нас, так и вас»[11]. А когда он узнал о его привлечении на советскую службу, то поспешил предупредить командование РККА о возможном предательстве Энвера-паши[12].

Поскольку в Турцию Энвер-паша теперь не имел возможности вернуться, то без колебаний согласился на предложение советского военного командования в ноябре 1921 года направиться в Среднюю Азию для участия в переговорах с правительством вновь образованной Бухарской народной советской республики в качестве советника РККА по формированию национальных частей для борьбы с басмачеством. Однако, прибыв на место, он с группой турецких военнослужащих перешёл на сторону антисоветских сил[13].

Появление Энвера-паши в рядах басмачей и его претензии на руководство движением вызвало среди них неоднозначную реакцию. Были среди курбаши (полевых командиров) те, кто с большим недоверием отнёсся к бывшему советскому советнику. Одним из них был курбаши Ибрагим-бек, в своё время также претендовавший на лидерство в басмаческом движении. Однако и он в конце концов под давлением бывшего эмира Бухары Сейид Алим-хана, бежавшего в Афганистан, и его английских кураторов согласился сотрудничать с «Верховным главнокомандующим всеми войсками ислама, зятем халифа и наместником Мухаммеда», как себя позиционировал теперь Энвер-паша[14].

В течение короткого времени новому лидеру басмачества удалось собрать под свои знамёна 16 тысяч человек, а затем довести численность своих войск до 50 тысяч[15].

Военные действия он начал с захвата Душанбе, который обороняли всего 600 бойцов и командиров. Затем, окрылённый успехом, он развернул наступление на Западную Бу-

хару. Немногочисленные гарнизоны Красной Армии и отряды местной самообороны были не в состоянии остановить продвижение хорошо вооружённых басмачей.

В начале марта 1922 года военная обстановка ещё больше обострилась. Армия Энвер-паши вышла непосредственно к Бухаре и осадила город. В этих условиях правительство Бухарской народной советской республики (БНСР) обратилось за помощью в Реввоенсовет (РВС) Туркестанского фронта, который выделил дополнительные силы для борьбы с басмачеством. Это не позволило басмачам сходу взять Бухару. Но опасность сохранялась, поэтому решением Реввоенсовета Республики был учреждён РВС Бухарского фронта, на который была возложена «организация единства действий против басмачества в Восточной Бухаре»[16].

Для непосредственного руководства боевыми действиями в Бухару был направлен главком РККА С.С. Каменев[17]. С ним прибыл опытный чекист Я.Х. Петерс, который помог «вычистить» партийные структуры, советский аппарат, военное руководство и органы милиции БНСР от пантюркских, панисламистских контрреволюционных элементов[18]. В апреле 1922 года был создан штаб Бухарской группы войск, в состав которой вошли части, прибывшие из Московского военного округа и Белоруссии. Численность группы была доведена до 4 500 штыков и 3 030 сабель при 20 орудиях[19].

Энвер-паша также усиленно готовился к предстоящим боевым действиям. Его отряды пополнялись новыми бойцами, в том числе военнослужащими Афганистана. Из-за рубежа поступали большие партии обмундирования, оружие, боеприпасы. Иностранные разведки, в первую очередь британские спецслужбы, под крыло которых он переметнулся сразу же после прибытия в Туркестан, снабжали его информацией о состоянии войск противника и готовящемся наступлении Красной Армии. Поэтому Энвер-паша решил действовать на опережение и атаковать первым.

Надеясь на быстрый успех, он пошёл на приступ города Байсуна, но взять его сходу не смог. На защиту города вместе с красноармейцами встало всё его население. Это позволило Бухарской группе войск с Бухарской Красной Армией завершить подготовительные мероприятия и в первых числах июня 1922 года начать наступательную операцию, в ходе которой было разгромлено несколько крупных банд, деблокирован Байсун и занят кишлак Кофрюн, в котором располагался штаб Энвера-паши.

Развивая наступление, части РККА и Бухарской Красной Армии в течение короткого времени освободили многие населённые пункты Восточной Бухары, ранее занятые басмачами. 14 июля 1922 года от басмачей был освобождён Душанбе. Начался развал армии Энвера-паши. Первым бежал Ибрагим-бек, за ним последовали другие полевые командиры, уходя в труднодоступные горные кишлаки. Сам Энвер-паша с остатками своего войска устремился к афгано-советской границе, чтобы уйти за рубеж, но это ему не удалось[20].

О последних днях «верховного главнокомандующего всеми войсками ислама» в советской историографии сказано: «Энвер-паша… сколотив остатки разрозненных отрядов общей численностью в 5 тыс. человек, сумел окружить 16-й кавалерийский полк в районе кишлака Сангтуда. Однако первая же атака, предпринятая конниками Давлиятманбия, была отбита метким огнём. Полк перешёл в контратаку. Басмачи, не выдержав натиска красноармейцев, обратились в бегство. Обгоняя друг друга, басмачи доскакали до Бальджуана. Лишь там с большим трудом Энвер остановил бегущих и организовал оборону. Трое суток шли упорные бои в Бальджуане. 500 басмачей Энвер-паши остались на поле боя. С остальными он отступил в кишлак Обдара. 4 августа в этом кишлаке произошёл последний для Энвер-паши бой. Здесь его банда попала в окружение. Давлиятман-бий и Энвер-паша бесславно погибли в бою»[21].

Долгое время широкой общественности не были известны подробности гибели Энвера-паши, пока в начале 1930-х годов не были опубликованы мемуары бывшего сотрудника ЧК, советского перебежчика Г.С. Агабекова. В этой книге Агабеков, армянин по на-

циональности (настоящая фамилия Арутюнов), подробно описывает операцию по уничтожению Энвера-паши, приписывая себе основную роль в этом деле. Подводя итоги боя, он отмечает: «В результате боя штаб противника уничтожен. Успели спастись только трое. 28 трупов остались на поле боя. Среди них опознан и Энвер-паша. Ударом шашки у него снесена голова и часть туловища. Рядом с ним был найден Коран»[22].

С этой трактовкой событий не были согласны апологеты Энвер-паши. Этому свидетельством является нижеследующий документ, сохранившейся в Российском государственном военном архиве. Неизвестный автор в статье «Убийство Энвер-паши», опубликованной в белоэмигрантском издании «Новый Туркестан»[23] за январь-февраль 1931 года, приводит иную версию.

Документ выявлен в Российском государственном военном архиве в фонде Экспозитуры № 2 II-го отдела Генерального штаба Польши, занимавшегося разведывательной и диверсионной работой, в том числе и против Советского Союза. Создана она была в 1929 году и просуществовала до сентября 1939 года. Одним из направлений её деятельности было восточное – Советская Средняя Азия, Турция, Иран, Афганистан и т.п. Польская разведка тесно сотрудничала с антисоветским подпольем на территории бывшего Туркестанского края и эмигрантскими националистическими панисламистскими организациями. Одной из сторон её деятельности был сбор разведывательной информации о происходивших в СССР политических процессах, о ходе социально-экономических преобразований и отношении к ним местного населения, о состоянии советских вооружённых сил, о складывавшейся на приграничных территориях ситуации.

Убийство Энвер-паши

Мы бы не хотели тревожить память этого народного героя. Но воспоминания чекиста Агабекова, исказившего факты, заставляют нас вернуться к этому вопросу.

Чекист Агабеков (настоящая фамилия его Арютюнов) много рассказывает о работе ГПУ на востоке. И главную роль в ней приписывает себе. Воспоминания Агабекова, вышедшие на русском языке, были переведены на многие другие языки. В Турции они были напечатаны в газетах «Son poşta»[24] и «Bildiris»[25]. Нас интересует в его воспоминаниях относящееся к Туркестану. Об этом мы уже писали в журнале «Yaş Turkistan»[26]**.** Настоящим мы хотели ознакомить наших турецких читателей с обстоятельствами смерти Энвера-паши, приводя факты не в искажённом виде.

Националисты Туркестана в начале революции вступили в борьбу с эмиром Бухарским[27]. После его бегства борьба продолжалась с его сторонниками.

В то же время новая Бухарская республика, укрепляя свою власть, неусыпно следила за русскими, готовясь ежеминутно защитить страну от русских завоевателей.

В это время Энвер-паша после закрытия конгресса народов востока в Баку приехал в Бухару. 10/XII 1921 г. в гор. Дюшенбе (центр Таджикистана) с помощью своих сторонников с неким Каджи оглу Осман беем[28] поднял вооружённое восстание против русского засилья. Прибывшие со всех частей Туркестана делегаты сгруппировались вокруг Энвера-паши. В это время усилились вооружённые выступления в бывш. республиках Ховарзема и Туркменистана. Соседние страны не остались безучастными к освободительному движению туркестанцев.

Несмотря на пропаганду большевиков, движение разрасталось. Мусульмане Индии, чтобы прийти на помощь повстанцам, отправили специальную миссию в Туркестан со всевозможными медикаментами.

Города: Дарваз, Каратигин, Фейзабот, Келап, Бельджаван, Кургантепе, Душенбе, Гисар, Серасья, Дехвен и пр. под командой Энвер-паши были заняты повстанцами. Среди русских началась паника. Она усилилась после перехода русского офицера Раева[29] с частью казаков на сторону повстанцев. Положение русских становилось критическим. Москва отправила в Туркестан конные части под начальством Будённого[30].

В июне 1922 г. Энвер-паша в Восточной Бухаре в окрестностях гор. Байсун перешёл

в наступление и осадил город. Сдача города ожидалась с часу на час, но подоспевшие 2 дивизии Будённого оттеснили партизан, которым пришлось отступить к Пурчу.

Здесь мы не можем не отметить, что сторонники реакционера Эмира Бухарского под командой Ибрагима Лакай[31] напали на партизан, грабили обозы и всячески препятствовали их движению.

Под натиском русских Энвер-паша в полном порядке без потери людей отошёл к Гисару. Части реакционеров Ибрагим Лакая понесли жестокие потери.

Под натиском русских партизаны продолжали отступать и к концу июля отошли к Бельдживан.

Все национальные элементы в окрестностях городов Кафирнехенк, Душенбе, Туткавул были перебиты сторонниками Эмира Бухарского. Среди этих погибших были оказавшие большие услуги своему народу, как то: председатель национального совета в Хоканде Мир Адиль[32] и туркмен Худапазар[33] и др.

Русское командование, желая заручиться поддержкой реакционеров, объяснило им, что борьба ведётся против Энвера-паши, и невежественные реакционеры помогали русским, предоставляя им лошадей, верблюдов, съестные припасы и пр.

К этому времени министр иностр. дел Афганистана Махмуд Тарзи-хан[34] вышел в отставку, и на его место был назначен Мехмет Вели-хан[35]. К концу июля Энвер-паша был приглашён в Афганистан, но он категорически отказался от этого. Вокруг Энвера-паши уже сгруппировались от таджиков: Девлетмен-бей[36], начальник семиз-узбеков[37] – Ашир-бей[38], предводитель моголовкатаганов[39] – Ишан Султан[40], командир шехрисебизских частей[41] Даниял-бей[42] и др.

Население Бухары разделилось на три лагеря, часть перешли границу Афганистана и укрылись там, другая часть сгруппировалась вокруг Энвера-паши и вела борьбу с русскими, третья часть, сторонники реакционеров, осталась на своих местах и вела борьбу с националистами. Никогда бы Агабекову под личиной купца Фесумева и его спутнику Осипову не удалось бы передвигаться в Бухаре с места на место, да ещё сноситься с народом. Между Дихвеном и Бельдживаном расстояние в 150 километров, по словам Агабекова, там не больше 50-60 вёрст.

В начале августа 1922 г. Энвер-паша с целью провести праздники курбан-байрама отправился в деревню Чеген в 7-8 километрах к востоку от Вельджива, где находился штаб Девлетмен-бея. Утром 4 августа Энвер-паша начал обход войсковых частей, поздравляя их с праздниками. Паша в этот день был очень печален. В 8 ч. утра поступило донесение, что недалеко от деревни «Абдерс» появились русские части в количестве около 300 сабель. Паша, не ожидая сбора частей, сел на коня и во главе 25-30 челов. своей постоянной охраны поехал в указанном направлении.

Русские разделились на три колонны и наступали в таком порядке. В кровавой стычке паша разбил на голову русских и обезоружил оставшихся в живых. Из 25-30 челов. уцелели только пять, среди пяти бойцов находился и русский офицер Раев. К этому времени подоспел со своей частью и Девлетмен-бей; при наступлении других колонн с боковой стороны, где работал пулемёт, был убит наповал Энвер-паша. Скоро пал и Девлетмен-бей. Партизаны остались без командиров и отступили. Русские не знали, что дрались с Энвер-пашой. Крестьяне унесли тела паши и Девлетмен-бея и спрятали их тела.

На другой день прах бойцов был перевезён в деревню Чеген, где они были торжественно преданы земле.

Место паши занял в армии Даниял-бей, а место Девлетмен-бея сын его Абдул Кадир-бей[43], которые продолжали начатую борьбу.

Агабеков утверждает совершенно ложно, что в руки к русским попал Коран паши. Ничего подобного не было. Не было никакого Корана. Русские долго не знали о смерти паши. Часть вещей Энвер-паши была привезена в Стамбул и передана его семье, а другая часть находится в руках туркестанских патриотов, и хранятся как священные реликвии.

РГВА. Ф. 461 к. Оп. 2. Д. 137. Л. 162–166. Подлинник. Рукопись. Чёрные чернила.

Примечания

[1] Военно-энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986. С. 68.

[2] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 55.

[3] *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И.* Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981. С. 96.

[4] Там же. С.103.

[5] Там же. С. 99.

[6] Там же. С.112.

[7] Большая советская энциклопедия. Т. 49. 2-е изд. М., 1957. С. 41; *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В.* Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов. М., 1986. С. 159-160.

[8] *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В.* Басмачество: правда истории... С. 178.

[9] См.: *Ушаков А.Г.* Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М., 2002. С. 212.

[10] М.В. Фрунзе – в 1920 г. командующий войсками Туркестанского фронта, в 1921–1922 гг. глава специальной миссии в Турции по установлению отношений, в том числе в области военного сотрудничества. См.: Большая советская энциклопедия. Т. 45. С. 615-616.

[11] *Надеин-Раевский В.А*. Пантюркизм: миф или реальность (Исследование идеологии и политики современного пантюркизма). [М., 1995]. С. 55.

[12] Там же.

[13] *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И*. Басмачество: возникновение... С. 222-223.

[14] Там же. С. 113.

[15] Там же. С. 114.

[16] Там же. С. 119.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 120.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 121-122.

[21] *Поляков Ю.А., Чугунов А.И*. Конец басмачества. М., 1976. С. 100.

[22] *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. Приложение к журналу «Отечественные архивы». Вып. 1. М., 1992. С. 65.

[23] «Новый Туркестан» (Yeni Turkistan) – антисоветский националистический орган печати, выходил нерегулярно с 1927 по 1931 г. Вышло 39 номеров. См.: *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В.* Басмачество: правда истории... С. 48.

[24] «Son poşta» (Последний пост) – одна из старейших периодических газет Турции. Выходила с середины июля 1930 г. до 1960 г. Придерживалась левой ориентации, независимой от правительства позиции. Являлась самой продаваемой в Анатолии газетой.

[25] «Bildiris» (Уведомление) – турецкое периодическое издание.

[26] «Yaş Turkistan» (Молодой Туркестан) – антисоветское ежемесячное издание пантюркистской направленности, выходившее в Берлине с декабря 1931 г. по июль 1939 г. См.: *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В.* Басмачество: правда истории... С. 48.

[27] Речь идёт о последнем эмире Бухарского эмирата Сейиде Алим-хане (1880–1944). Правил с 1911 по 1920 г. Эмигрировал в Афганистан, поддерживал басмачество, сотрудничал с британскими колониальными властями.

[28] Каджи оглы Осман-бей – один из басмачей.

[29] Русский офицер Раев – один из бывших белогвардейцев, перешедший на сторону басмачей.

[30] Автор ошибается. С.М. Будённый принял участие в боевых действиях по ликвидации басмаческих формирований только весной 1926 г. Награждён орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР. См.: *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И.* Басмачество: возникновение... С. 146.

[31] Речь идет об Ибрагим-беке (1889–1931), наиболее крупном лидере басмачества (курбаши) в Туркестане (Узбекистане и Таджикистане) и Афганистане.

[32] Мир Адиль – председатель Национального совета в Коканде.

[33] Худапазар – один из туркменских басмачей.

[34] Махмуд Тарзи-хан (1865–1933) – афганский писатель, поэт. В 1919–1921 гг. занимал пост министра иностранных дел Афганистана. В феврале 1921 г. подписал Договор о дружбе между Советской Россией и Афганистаном. В 1929 г. эмигрировал в Турцию.

[35] Мехмет Вели-хан. Речь идет о Мухаммаде Вали-хане Дервази (1888–1933) – афганском генерале, политике и дипломате, представителе таджикской знати. В июне 1922 – апреле 1924, ноябре 1927–1928, октябре – ноябре 1929 г. был министром иностранных дел Королевства Афганистан.

[36] Девлетмен-бей – один из басмаческих курбаши.

[37] Семиз-узбеки (буквальный перевод: «толстые узбеки») – один из многочисленных узбекских родов, населявших Туркестан.

[38] Ашир-бей – один из басмаческих курбаши.

[39] Моголы-катаганы – потомки одного из средневековых племён, сыгравших свою роль в

этногенезе современных казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков.

[40] Ишан Султан – один из крупных басмаческих курбаши Восточной Бухары.

[41] Шехрисебизские части – басмаческие отряды, сформированные из уроженцев города Шахрисабза (Узбекистан) и его окрестностей.

[42] Даниял-бей – один из басмаческих курбаши, бывший командующий национальными отрядами армии Бухарского советского правительства, изменивший Советской власти.

[43] Абдул Кадир-бей – один из басмаческих курбаши.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-92-94

В.Г. Бухерт

КАК ЗОВУТ КИТАЙСКОГО ЛИДЕРА

Во время первого визита Мао Цзэдуна в СССР, на его встрече 8 февраля 1950 года с руководителем советского государства, И.В. Сталин предложил Мао Цзэдуну издать в СССР его работы[1]. Для издания четырёхтомника «Избранных произведений» Мао Цзэдуна была образована «Комиссия Центрального Комитета Коммунистической партии Китая по изданию избранных произведений Мао Цзэдуна» во главе с Чэнь Бода[2]. Наряду с китайским четырёхтомником[3], готовился к изданию аналогичный четырёхтомник на русском языке[4]. Над переводом произведений Мао Цзэдуна трудились Р.В. Вяткин[5], В.И. Горелов[6], Г.Д. Гришин, Б.С. Исаенко[7], Ки Чжи, В.С. Колоколов[8], Н.Н. Коротков[9], И.М. Ошанин[10], И.И. Советов[11], В.Ф. Сорокин[12], Н.Т. Федоренко[13], Цзен Сюфу[14], Чжоу Сунюань[15], Ши Чжэ[16], Л.З. Эйдлин[17]. Редактированием занимался член-корреспондент Академии наук СССР П.Ф. Юдин[18], прибывший в Пекин по просьбе Мао Цзэдуна в июле 1950 года[19].

12 сентября 1951 года Ши Чжэ выслал П.Ф. Юдину перевод на русский язык китайского «Предисловия к изданию»[20]. Издание китайских томов шло с опережением: первые два тома «Избранных произведений» Мао Цзэдуна вышли в издательстве «Жэньминь чубаньшэ» 12 октября 1951 года и 10 апреля 1952 года, а аналогичные два тома советского издания были выпущены Издательством иностранной литературы соответственно 22 апреля 1952 года и 28 марта 1953 года.

20 февраля 1953 года Ши Чжэ сообщал П.Ф. Юдину о готовящемся выходе третьего тома «Избранных произведений» Мао Цзэдуна на китайском языке[21] (ставшего 3-м и 4-м томами советского издания) и писал: «По решению ЦК КПК у нас создан специальный отдел по переводу произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Но в настоящее время мы переводим главным образом сочинения И.В. Сталина. В этом году намечаем закончить перевод первых четырёх томов И.В. Сталина. Работа большая и ответственная, но мы должны её выполнить на отлично»[22]. Как отмечал Ю.М. Галенович[23]: «Ни труды Сталина не оказали особого воздействия на китайцев, ни труды Мао Цзэдуна не произвели сенсации в Советском Союзе. Такого рода “обмен любезностями” остался одним из жестов в сложной игре, во взаимоотношениях Сталина и Мао Цзэдуна»[24].

Один из вопросов, которых пришлось решать переводчикам произведений Мао Цзэдуна на русский язык, состоял в том, как, собственно, правильно называть вождя китайской революции и основателя КНР. Своё мнение по этому поводу они изложили в письме от 7 сентября 1952 года на имя секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, написанном уже после того, как первый том советского издания «Избранных произведений» Мао Цзэдуна вышел в свет. Машинописная копия письма обнаружена в Архиве Российской академии наук (АРАН) в личном фонде академика П.Ф. Юдина (Ф. 1636).

М.А. Суслову

Уважаемый Михаил Андреевич!

Мы, группа китаистов, работающих над переводом на русский язык произведений вождя китайского народа Мао Цзэдуна, считаем необходимым обратиться к Вам по вопросу о транскрипции имени товарища Мао Цзэдуна, так как в этом отношении в нашей прессе существует известная путаница, и имя Мао Цзэдуна искажается, что может привести к нежелательным и даже вредным последствиям.

История вопроса с транскрипцией имени товарища Мао Цзэдуна такова. До 1952 года в нашей печати и литературе преобладала неправильная транскрипция – «Мао Цзедун». Появление подобной транскрипции объясняется влиянием английской транс-

крипции, в которой звуки «Е» и «Э» не различались чётко, а также многочисленными переводами не с китайского, а с английского языка. Поэтому материалы ТАСС, а затем и все остальные печатные издания стали придерживаться такой неправильной транскрипции. Между тем слово «Цзэ», входящее в имя Мао Цзэдун, во всех русско-китайских словарях (Палладия[25], Иннокентия[26], Колоколова и др.) передаётся только через «Цзэ», а не «Цзе», ибо это совершенно различные слова и имена.

Отдельные попытки китаистов исправить эту ошибку (в трудах Ефимова[27], Никифорова[28], Эренбурга[29], Юрьева[30]) не могли привести к положительным результатам, так как периодическая печать и издательства продолжали придерживаться неправильной транскрипции, а кроме того, эта транскрипция проникла и в официальные документы.

В ходе работы нашей группы над переводом первого тома избранных произведений товарища Мао Цзэдуна нам удалось получить санкцию вышестоящих органов на введение единственно правильной транскрипции – Мао Цзэдун. После выхода в свет первого тома вся наша печать постепенно перешла на эту транскрипцию.

Однако в сентябре этого года в связи с обменом телеграммами между товарищем Сталиным и товарищем Мао Цзэдуном в печати вновь появилась старая транскрипция, и вслед за тем газеты вернулись к прежнему написанию.

Теперь создалось двойственное положение. Выходят произведения товарища Мао Цзэдуна (первый том уже вышел, второй готовится к печати), выходят журналы на русском языке в Китае «Народный Китай», «Китай» и другие издания, где введена правильная транскрипция, а с другой стороны, выходят газеты и некоторые книги, где применяется искажённая транскрипция.

Вопрос этот имеет между тем не просто техническое значение, а в нём заключён известный политический смысл. Дело в том, что китайские двусложные имена всегда имеют определённый, чаще всего хороший смысл: так, Цзэдун означает «облагодетельствовать Восток». С другой стороны, на искажении имён и названий в Китае основаны многие каламбуры: например, партию гоминьдан часто называют гуаминьдан, то есть «партия, обирающая народ». Чан Кайши[31] называли Цзян Гайсы, то есть «Цзян, который должен подохнуть» и т.д.

Произношение и написание имени товарища Мао Цзэдуна через Цзе искажает его имя, может служить поводом для врагов истолковать его по-иному и, наконец, в речи наших товарищей, посещающих Китай, будет звучать, по меньшей мере, неуважительно к имени вождя китайского народа.

Следовательно, мы считаем, что двух написаний имени Мао Цзэдуна не должно быть, и этот разнобой совершенно необходимо устранить путём принятия точной и правильной транскрипции Цзэ.

Предстоящий праздник китайского народа – трёхлетие Китайской Народной Республики – и публикация различных материалов в связи с этой датой могли бы быть использованы для исправления данной ошибки при наличии соответствующего указания газетам.

Мы глубоко убеждены, что Центральный Комитет партии внесёт ясность в этот небольшой, но важный вопрос.

7 сентября 1952 г.

[Г.Д.] Гришин
[Б.С.] Исаенко
Н.Н.] Коротков
Цзен Сю-фу
[И.И.] Советов
[Р.В.] Вяткин
Чжоу Сун-юань
[И.М.] Ошанин

АРАН. Ф. 1636 (П.Ф. Юдин). Оп. 1. Д. 193. Л. 29–31. Машинописная копия.

Примечания

[1] *Галенович Ю.М.* Великий Мао. «Гений и злодейство». М., 2012, С. 658.

[2] Чэнь Бода (1904–1989) – китайский политический деятель, идеолог КПК и «Культурной революции».

[3] Четвёртый том «Избранных произведений» Мао Цзэдуна вышел в Пекине 30 сентября 1960 г., а пятый, включающий его речи и статьи с сентября 1949 г. по ноябрь 1957 г. – 15 апреля 1977 г. (См.: *Медведев М.* Саморазоблачение маоистов (О пятом томе «Избранных произведений» Мао Цзэдуна) // Опасный курс. М., 1979. Вып. 9. Китай после Мао Цзэдуна. С. 291-311).

[4] В действительности же выпущенный в СССР четырёхтомник соответствовал трём томам «Избранных произведений», выпущенных в Пекине.

[5] Вяткин Рудольф Всеволодович (1910–1995) – историк, научный сотрудник Института китаеведения (1956–1958), Института востоковедения (с 1958 г.) АН СССР.

[6] Горелов Владимир Иванович (1911–1994) – китаист, филолог, преподаватель Военного института иностранных языков Красной Армии.

[7] Исаенко Борис Степанович (1914–1965) – филолог, научный сотрудник Института китаеведения АН СССР (1958–1960).

[8] Колоколов Всеволод Сергеевич (1896–1979) – китаист, филолог, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1949–1956).

[9] Коротков Николай Николаевич (1908–1993) – филолог, научный сотрудник Института востоковедения (1951–1954, 1969–1986), Института языкознания (1959–1969) АН СССР.

[10] Ошанин Илья Михайлович (1900–1982) – филолог, научный сотрудник (1945–1956), зав. сектором (1956–1962) Института востоковедения АН СССР.

[11] Советов-Чэнь Иван Иванович (?–?) – филолог, автор «Учебника китайского языка» (М., 1954) (в соавт. с Б.С. Исаенко и Н.Н. Коротковым).

[12] Сорокин Владислав Фёдорович (род. 1927) – литературовед-синолог, редактор Совинформбюро (с 1950 г.).

[13] Федоренко Николай Трофимович (1912–2000) – филолог–востоковед, зам. министра иностранных дел СССР (1955–1958), чрезвычайный и полномочный посол СССР в Японии (1958–1962), главный редактор журнала «Иностранная литература» (1970–1988), чл.-корр. АН СССР (с 1958 г.).

[14] Цзен Сюфу (1910–?) – историк, и.о. ст. научного сотрудника (1958–1960), ст. научный сотрудник (с 1960 г.) Института китаеведения АН СССР.

[15] Чжоу Сун-юань (1909–1964) – востоковед, доцент (См.: Чжоу Сун-юань, некролог) // Народы Азии и Африки.1965, № 1. С. 268-269.

[16] Ши Чжэ (Михаил Александрович Карский) (1905–1998) – специальный секретарь Мао Цзэдуна по радиосвязи с Москвой (с 1940 г.).

[17] Эйдлин Лев Залманович (1910–1985) – синолог, филолог, научный сотрудник Института китаеведения АН СССР (1956–1961), Института востоковедения АН СССР (с 1961 г.).

[18] Юдин Павел Фёдорович (1899–1968) – философ и общественный деятель, чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНР (1953–1959), академик АН СССР (с 1953 г.).

[19] *Галенович Ю.М.* Великий Мао. С. 659. (Подробнее см.: *Федоренко Н.Т.* Как академик П.Ф. Юдин редактировал Мао Цзэдуна // Проблемы Дальнего Востока, 1992. № 6. С. 74-78).

[20] АРАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 193. Л. 6.

[21] Он был выпущен 10 апреля 1953 г.

[22] АРАН. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 193. Л. 50.

[23] Галенович Юрий Михайлович (1932–2020) – китаевед, филолог, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ.

[24] *Галенович Ю.М.* Великий Мао. С. 661.

[25] Кафаров Пётр Иванович (в монашестве Палладий) (1817–1878) – китаевед.

[26] Иннокентий (Иван Аполлонович Фигуровский) (1863–1931) – начальник Русской духовной Миссии в Пекине (с 1896 г.), епископ (1918–1921), архиепископ (1921–1928), митрополит (с 1928 г.) Пекинский и Китайский.

[27] Ефимов Геронтий Валентинович (1906–1980) – историк.

[28] Никифоров Владимир Николаевич (1920–1990) – историк, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1950–1970 и с 1984 г.).

[29] Эренбург Георгий Борисович (1902–1967) – историк.

[30] Юрьев Михаил Филиппович (1918–1990) – историк, научный сотрудник Института Дальнего Востока (с 1967 г.).

[31] Чан Кайши (Цзян Цзеши) (1887–1975) – китайский военный и политический деятель, председатель ЦИК Гоминьдана (с 1933 г.), президент Республики Китай (Тайвань) (с 1948 г.).

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-95-104

Н.И. Матвеева

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНДР

(вторая половина 1950-х – 1960-е гг.)

В данной статье на примере Северной Кореи в 1950-х – 1960-х гг. рассматривается и показывается, как материалы советских архивов, в первую очередь Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), могут быть использованы для изучения не только политического, но и экономического развития стран социалистического лагеря в годы холодной войны. В случае Северной Кореи это особенно актуально для исследователей из-за закрытости страны и, как следствие, сложности получения достоверных данных, а иногда и их отсутствия.

Северная Корея перестала регулярно публиковать официальные статистические данные ещё в 1960-х гг. и засекретила большую часть экономических данных, объясняя это тем, что враждебные силы могут злоупотреблять актуальной информацией о состоянии экономики КНДР[1]. При этом и те данные, которые Северная Корея всё же раскрывала и раскрывает, как отмечают исследователи, отличаются ненадёжностью, неполнотой и недостоверностью[2]. Согласно различным оценкам, цифры официальной статистики могут быть значительно, вплоть до двух раз, выше, чем действительное положение вещей[3].

В данных условиях перед исследователями остро встаёт вопрос поиска заслуживающих доверия источников информации. Самый распространённый путь, к которому прибегает большая часть исследователей, – использование данных, составленных международными организациями (ООН, FAO и другими) и правительственными и разведывательными организациями третьих стран, преимущественно Республики Корея и США (Банк Кореи, министерство объединения Республики Корея, ЦРУ)[4]. Однако и они, как будет показано ниже, не всегда могут соответствовать действительности, потому что основываются зачастую на косвенной информации.

Так, к примеру, Николас Эберштадт в своём исследовании северокорейской экономики относит зарождение тенденции к подтасовке, а порой и фальсификации статистических данных к концу 1970-х – 1980-м гг.[5], когда реальные возможности экономики окончательно перестали соответствовать чрезмерно завышенным планам.

Однако недавно рассекреченные и практически не исследованные архивные материалы советского посольства и торгового представительства в Пхеньяне свидетельствуют о том, что подобный тренд существовал уже в 1950-х – 1960-х гг., возникнув раньше, чем принято считать. Сотрудники советского посольства и торгового представительства в Пхеньяне в этот период отмечали, что статистические данные, предоставлявшиеся официально северокорейским правительством, имели значительное расхождение с действительностью, а методики, использовавшиеся при подсчёте, зачастую представляли заведомо искажённую картину. На основе собственных наблюдений и бесед с северокорейским руководством, специалистами и населением советские дипломаты проводили свои подсчёты и докладывали о них в Москву.

Было бы, конечно, неверным утверждать, что подтасовка статистики является характерной только для Северной Кореи. Подобное явление наблюдалось и наблюдается в статистических данных и других стран, в том числе и Советского Союза[6]. Подобно СССР и КНР, многие социалистические страны пользовались своей собственной системой подсчёта данных для представления более выгодной картины действительности, но Северная Корея зашла в этом дальше многих. Однако до сих пор не было исследо-

ваний, которые бы рассматривали, как именно Северная Корея манипулировала статистическими данными, какие методики использовались при подсчёте и составлении официальной статистики.

Как стремится показать данная статья, архивные документы содержат уникальную информацию, которая может помочь восполнить пробел в исследованиях северокорейской экономики и оценить реальный уровень её развития как в 1950-е – 1960-е гг., так и вплоть до настоящего времени. На основании архивных материалов в данной статье рассматривается, к каким приёмам прибегали в Северной Корее для завышения статистики при подсчёте экономических данных в трёх основных направлениях (сельском хозяйстве, промышленности, а также при составлении планов развития народного хозяйства и подведении их итогов) в период первого пятилетнего (1957–1961, завершён досрочно в 1959 г.) и семилетнего (1961–1967, продлён до 1970 г.) планов. Также в статье приводятся конкретные примеры с целью, с одной стороны, оценить расхождение официальных данных и реальности, а с другой – показать, что северокорейская статистика, не соответствуя действительности, имела, тем не менее, в большинстве случаев свою внутреннюю логику и последовательность, которые могут быть прослежены от 1950-х – 1960-х гг. и вплоть до настоящего времени.

1. Сельское хозяйство

Сельское хозяйство стало одной из тех областей экономики, где тенденция к подтасовке и предоставлению завышенных данных проявилась особенно ярко. Такие показатели, как урожай зерновых и уровень механизации сельского хозяйства, указывали не только на уровень развития аграрного сектора, но и на степень самообеспеченности страны продовольствием, поэтому им придавалось особое значение. В условиях холодной войны и противостояния двух блоков – социалистического и капиталистического – для Северной Кореи, находившейся «на передовой» этого противостояния на Дальнем Востоке, особенно важно было представить собственное экономическое развитие в наиболее выгодном свете, как для того, чтобы продемонстрировать превосходство социалистического пути развития, так и для того, чтобы привлечь симпатии южнокорейского населения, что, по словам северокорейского премьера Ким Ир Сена, было важным шагом на пути к объединению родины.

Исторически южная часть полуострова была центром развития сельского хозяйства и снабжала продовольствием всю страну, на севере же были сосредоточены промышленные производства. После раздела страны Северная Корея оказалась в непростом положении, поскольку основные посевные площади, особенно под рисом, главной зерновой культурой и основой рациона питания корейского населения, оказались на территории Республики Корея.

С одной стороны, для Северной Кореи это сильно осложняло задачу обеспечения населения продовольствием и пропаганду более высокого уровня жизни на севере.

Но с другой стороны, численность населения Республики Корея была в два раза выше, чем в КНДР, и её аграрный сектор значительно пострадал во время Корейской войны – урожайность зерновых снизилась почти в два раза по сравнению с довоенным 1949 годом[7]. В 1958 году министерство сельского хозяйства Республики Корея поставило цель достичь к 1960 году урожая в 2,5 млн тонн риса[8], в то время как Северная Корея, согласно официальным данным, уже практически достигла этого уровня – что означало, что по показателю количества зерна на душу населения во второй половине 1950-х и вплоть до начала 1960-х гг. Северная Корея опережала Южную. Однако требовалось наглядно продемонстрировать это как идеологическим противникам, так и всему миру, для чего и использовались манипуляции со статистическими данными.

Согласно официальной северокорейской статистике, в 1950-х – начале 1960-х гг. урожай зерновых стабильно увеличивался, в 1960 году достигнув 3,8 млн тонн. На 1961 год была поставлена задача резко, на четверть, повысить сбор зерна, доведя его до 4,8 млн тонн. По официальным отчётам, эта цель была не только достигнута, но и пре-

взойдена, и в 1963 году урожай зерна превысил 5 млн тонн[9].

В глазах руководства страны, цифра в 5 млн тонн была минимальным порогом самообеспеченности страны зерном, за которым Северная Корея могла позволить себе не только отказаться от импорта, но и начать экспортировать зерно – в том числе и в Южную Корею, чтобы привлечь симпатии южнокорейского населения. Однако, несмотря на официальную статистику и заявления руководства, в начале 1960-х гг. Северная Корея продолжала импортировать зерно – в основном пшеницу – из Советского Союза, КНР и «братских стран» Восточной Европы в количествах от 300 тысяч тонн до полумиллиона тонн в неурожайные или трудные годы, такие, как 1960 год[10].

Основываясь на этом и на своих собственных и южнокорейских источниках, американские спецслужбы в 1960-х оценивали сбор зерновых в Северной Корее в 1962-1963 гг. на уровне 3,2 млн тонн[11]. Оценки советских дипломатов и экономистов были выше, однако и они не доходили до официальных цифр в 5 млн тонн. Такое расхождение в оценках объясняется особенностями подсчёта урожая, принятыми Северной Кореей, но не приводимыми в официальных отчётах и ежегодниках. Однако в отличие от КНР, которая, особенно в период «большого скачка», просто завышала данные об урожае[12], Северная Корея пользовалась особой системой и методикой подсчёта.

С конца 1950-х гг., со времён первого пятилетнего плана (1957–1961 гг.), в официальную статистику урожая зерна включались не только зерновые культуры, но также и картофель, корнеплоды и кормовое зерно в пропорции 4:1, что значительно увеличивало урожай – по крайней мере, на бумаге. В 1962 году, к примеру, сотрудники советского посольства докладывали, что, «по предварительным данным, валовой урожай зерна составил 4 млн 830 тыс. тонн (в 4 млн 830 тыс. тонн включены в пересчёте на зерно корнеплоды (285,7 тыс. тонн) и кормовые культуры (120,3 тыс. тонн)) […] а также соевые бобы (294 тыс. тонн)»[13]. Таким образом, фактический урожай зерна лишь немного превышал 4 млн тонн и даже близко не доходил до поставленных целей и цифр, указанных в отчётах. И, как отмечали советские дипломаты, «несмотря на значительное увеличение производства зерна… этого количества ещё недостаточно для удовлетворения всех внутренних потребностей страны в хлебе»[14].

Помимо включения корнеплодов и кормового зерна в показатель валового урожая, в 1960-х гг. Северная Корея стала учитывать зерно «на корню, а не в амбарах», то есть давая приблизительные, как правило, завышенные, оценки урожая[15]. Более того, рис, основная культура и основной продукт питания, подсчитывался необмолотым, что добавляло примерно 20–25% к общему весу. Всё это приводило к тому, что статистика по валовому сбору зерна в официальных докладах и отчётах оказывалась завышена примерно на одну пятую по сравнению с реальными показателями – хотя и не настолько, как это представляли западные, в основном американские, исследования. Тем не менее, зная методики подсчёта и имея доступ к данным по различным видам сельскохозяйственных культур – которые зачастую вычислялись через урожайность и посевные площади, занятые под той или иной культурой (эту информацию северокорейские власти предоставляли советскому торговому представительству) – советские специалисты могли рассчитать реальные показатели валового сбора урожая.

Однако следует также отметить, что при всех особенностях Северная Корея была в некоторой степени последовательна в своей политике по зерновым. Поскольку картофель, другие корнеплоды и бобовые учитывались в статистике как зерно, на них также распространялся и введённый в 1957 году запрет на продажу зерна: государство, обладая абсолютной монополией на торговлю зерном, закупало его у крестьян и перераспределяло рабочим и служащим в рамках карточной системы. Поэтому картофель, батат, соя отсутствовали в продаже на рынках и в магазинах. В 1963 году был отменён запрет на продажу батата, однако сохранился для других корнеплодов и сои[16].

Тренд по включению в статистику по одному продукту данных по другим продуктам не ограничивался только сферой валового урожая зерна. Так, рыболовные кооперативы и бригады зачастую учитывали заготовленные водоросли в общем весе добытой рыбы и морепродуктов. При этом водоросли включались в статистику невысушенными, что ещё больше увеличивало вес. Северокорейское побережье обладает ресурсами для культивирования и сбора водорослей, и этот процесс гораздо менее трудоёмкий и ресурсозатратный, чем собственно рыболовство, поэтому, как отмечали советские дипломаты, подобное «включение водорослей в общую добычу морепродуктов [создавало] для рыбохозяйственных организаций своего рода лазейку для формального выполнения планов в целом»[17]. Затем эти цифры подавались в вышестоящие организации и включались в официальные отчёты – без указания особенностей подсчёта. Однако, в отличие от статистики по валовому сбору зерна, где возможно установить размер фактического урожая через другие показатели, в случае рыболовной отрасли не существовало чёткой системы пересчёта, и водоросли добавляли к вылову рыбы, чтобы улучшить показатели, в разные годы в разном количестве. Поэтому на сегодняшний день невозможно точно оценить уровень развития рыболовной отрасли в 1950-х – 1960-х гг. и далее, однако он был определённо ниже, чем показывала официальная статистика.

Ещё одним немаловажным индикатором развития сельскохозяйственной отрасли в глазах северокорейского руководства был уровень механизации сельского хозяйства, показывавший, насколько широко техника применялась в сельскохозяйственных процессах. Среди целей семилетнего плана развития народного хозяйства (1961–1967 гг.) указывалось значительное повышение уровня моторизации сельского хозяйства и увеличение числа моторно-тракторных станций[18]. И действительно, согласно официальным данным, использование тракторов в сельскохозяйственных работах к 1963–1964 гг. увеличилось почти вдвое по сравнению с 1959 годом. По этим данным, на 100 чонбо (99 га) пахотных земель к середине 1960-х гг. приходилось 0,8 трактора – что делало уровень механизации сельского хозяйства в Северной Корее практически сравнимым с Советским Союзом, где на 100 чонбо (в пересчёте) используемых земель приходился 1 трактор[19].

И тем не менее советские источники отмечали, что уровень механизации в Северной Корее оставался крайне низким – это, учитывая, что дипломаты знали о ситуации в Советском Союзе, свидетельствовало о том, что, вопреки официальной статистике, по данному показателю Северная Корея значительно отставала от Советского Союза.

Как и в случае с валовым урожаем зерна, такое несоответствие объясняется методикой подсчёта официальной статистики. В статистических данных тракторы и сельскохозяйственные машины учитывались не в фактических единицах, а в «пятнадцатисильном исчислении», то есть в условных единицах мощностью в 15 лошадиных сил. При этом тракторы, импортировавшиеся из Советского Союза и стран Восточной Европы, имели в среднем мощность 30-40 лошадиных сил; производившиеся в Северной Корее тракторы «Чхоллима» – 25-40 лошадиных сил, а с 1963 года на Киянском тракторном заводе начался выпуск машин по советским чертежам мощностью 75 лошадиных сил[20].

Таким образом, подавляющее большинство машин, использовавшихся в сельском хозяйстве, имели мощность в два, а то и в три раза больше, чем учитывавшиеся в статистике условные 15-сильные единицы. Однако данная особенность подсчёта не уточнялась в прессе и зачастую опускалась в статистических ежегодниках, где данные преподносились так, как если бы речь шла о фактическом количестве машин. В результате в некоторых исследованиях северокорейской экономики[21] встречается подобная неверная трактовка официальной статистики, что приводит к сильному завышению реального уровня механизации сельского хозяйства в 1960-х гг. и далее.

Таким образом, хотя на первый взгляд может показаться, что, имея официальные

данные о площади пахотных земель и среднем количестве сельскохозяйственных машин на единицу площади, возможно вычислить общее количество использовавшейся техники, на самом деле это не так. Как и в случае со статистикой по вылову рыбы, едва ли возможно установить точные данные, однако реальный уровень механизации сельского хозяйства был как минимум в два раза ниже того, который отражался на бумаге и в официальной статистике.

2. Промышленность

Однако подтасовка статистических данных с целью предоставления более выгодной картины экономического развития не ограничивалась только аграрным сектором. Объём производства промышленности, особенно тяжёлой промышленности, в глазах северокорейского руководства свидетельствовал об уровне развития экономики в целом, поэтому ей придавалось особое значение. По мнению премьера КНДР Ким Ир Сена, приоритетное развитие тяжёлой промышленности было единственно верным путём построения социализма, и поэтому государство и Трудовая партия Кореи уделяли этому особое внимание. По словам Ким Ир Сена, «основной линией партии» было преимущественное развитие тяжёлой и машиностроительной промышленности, и «основные задачи развития экономики и народнохозяйственных планов [вытекали] из этой линии и [были] направлены на следование этой линии»[22].

Чтобы наглядно продемонстрировать мировому сообществу – и в том числе южнокорейскому населению – успехи Северной Кореи в развитии промышленности, официальные отчёты по объёму промышленного производства зачастую основывались на наиболее успешных отраслях, игнорируя отставание в других. Так, когда пятилетний план (1957–1961 гг.) в 1959 году был объявлен досрочно выполненным по валовому выпуску промышленной продукции, советские дипломаты отмечали, что «задания пятилетки по выработке электроэнергии, по добыче угля, производству чугуна, стали, проката, меди, цинка, цемента, мин. удобрений не были выполнены… Таким образом пятилетка выполнена не за счёт ведущих отраслей тяжёлой промышленности»[23].

Помимо этого, следуя примеру Китая в период «большого скачка», где в официальные сводки включалось до трети «брака»[24], в Северной Корее, пусть и не в таких масштабах, но также учитывалась низкокачественная и бракованная продукция – сталь, чугун, машины и оборудование, которая была произведена, однако не была пригодна для дальнейшего использования. В 1958–1959 гг., следуя риторике движения Чхоллима об экономном использовании ресурсов и идее самостоятельной и самодостаточной независимой экономики, Северная Корея для решения «задач по механизации сельского хозяйства и увеличению производства сельскохозяйственных продуктов» и освоению производства тракторов и грузовых автомашин внутри страны стала выпускать советские тракторы ВТЗ-28 и автомобили ГАЗ-51 по эскизам и чертежам, снятым с деталей узлов этих машин. В 1959 году выпущено 102 трактора и 120 машин. Однако, по словам советских дипломатов, посещавших производства, даже сами корейские специалисты признавали, что «эти машины имели значительные различия между собой, представляли как бы новый вид трактора или автомобиля, так как из-за несовершенства технической документации все узлы не могли быть взаимозаменяемы и в каждом отдельном случае требовалось изготовление несерийных деталей»[25].

В результате в 1959 г. корейцы были вынуждены запросить чертежи, которые и были предоставлены советской стороной. Но даже после этого, как отмечалось, «внешний товарный вид выпускаемых в КНДР машин и оборудования, в том числе тракторов и автомашин, также [как и качество] значительно [уступал] аналогичным машинам, выпускаемым в СССР и других странах»[26].

Аналогичная ситуация была и с попытками «своими силами» изготовить другое промышленное оборудование. Сотрудники советского посольства докладывали: «Очень медленно идёт дело с изготовлением режущих инструментов, оснастки и приспособлений. Вначале эта работа была организована

по чертежам, изготовленным корейскими специалистами. После получения советской технической документации оказалось, что значительная часть инструментов не подходит, поэтому их надо переделать и часть изготовить по новым чертежам»[27]. Тем не менее, вся эта некачественная продукция также включалась в официальные отчёты и учитывалась при подведении итогов выполнения планов – как по отраслям промышленности, так и долгосрочных планов развития народного хозяйства, в том числе и пятилетнего плана.

Может показаться, что процент брака был недостаточно высок, чтобы серьёзно влиять на цифры экономической статистики, выполнения планов и в целом уровня развития страны. Однако, к примеру, в автомобильной промышленности за 1959 год было произведено, согласно советским данным, всего около 3000 машин[28]. Из них, как упоминалось выше, около 120 машин были непригодны к использованию. Это значит, что непригодная к использованию продукция составила порядка 4%, увеличив на эту цифру показатели развития отрасли – правда, исключительно на бумаге. И в последующие годы планы составлялись уже с учётом этого – фиктивного – роста.

Аналогичная тенденция по включению непригодной к использованию продукции наблюдалась и в лёгкой промышленности. Так, в 1962 году при техническом содействии КНР была сдана в эксплуатацию Хесанская фабрика крафтмешочной бумаги. Статистические отчёты показывают резкое увеличение производства бумаги, начиная с этого года. Тем не менее, по словам советских специалистов, «выпускаемая бумага по качеству не [отвечала] техническим требованиям и [не могла] быть использована»[29]. В результате сложилась абсурдная ситуация, когда Северная Корея, несмотря на начатое производство внутри страны, вынуждена была продолжать импортировать 100% требовавшейся для внутреннего потребления крафт-бумаги. Однако при этом продукция Хесанской фабрики включалась в ежегодные статистические отчёты, и, поскольку она не могла быть поставлена на экспорт из-за низкого качества, по статистике выходило, что Северная Корея ежегодно получала бумагу в количествах, превышающих внутренний спрос, но не использовала её.

Таким образом, в промышленности, как тяжёлой, так и лёгкой, также присутствовала тенденция к завышению объёмов производства. В отличие от сферы сельского хозяйства и показателя валового сбора зерна, в промышленности только в некоторых случаях возможно установить, насколько именно завышались статистические показатели, однако очевидно, что практически во всех отраслях реальные результаты были ниже, а то и значительно ниже, чем те, что представлялись на бумаге.

3. Планы развития народного хозяйства

Однако манипуляции со статистикой могли проводиться – и проводились – не только на уровне отдельных отраслей и секторов экономики, но и на более высоком, национальном уровне. Вскоре после освобождения Корейского полуострова и ещё до провозглашения КНДР в 1948 году в северной части полуострова при содействии советской администрации было введено плановое экономическое развитие. Как и в Советском Союзе, который во многих аспектах служил образцом для Северной Кореи, введённые планы были директивными, и планирование осуществлялось централизованно под контролем государственного планового органа – Госплана[30]. До войны в стране были осуществлены два однолетних и двухлетний план, направленные на восстановление экономики и переориентирование её на независимое развитие после тридцати пяти лет японского колониального господства.

Первый план после войны, трёхлетний (1954–1956 гг.), ставил целью послевоенное восстановление. Таким образом, пятилетний план (1957–1961 гг.) был первым более долгосрочным планом развития – составленным по образцу советских пятилеток, – а также первым, посвящённым собственно развитию, а не восстановлению экономики. Последовавший за ним семилетний план (1961–1967 гг.) изначально планировался как второй пятилетний, но затем был продлён на два года, чтобы, по официальной версии, бо-

лее полно использовать возможности развития отдельных секторов экономики и «продемонстрировать населению Южной Кореи, каких успехов могут достичь рабочие северной части Кореи за семь лет»[31]. Вероятно, на решение продлить план повлияло также и то, что в 1959 году Советский Союз объявил о начале собственного семилетнего плана развития.

Однако, несмотря на наличие долгосрочных (пяти- и семилетних) планов развития народного хозяйства, реальное экономическое развитие Северной Кореи в конце 1950-х – 1960-х гг. зачастую сильно отличалось от первоначальных планов и целей и шло по пути краткосрочных однолетних планов, которые слабо координировались с долгосрочными стратегиями. При этом цели и контрольные цифры этих краткосрочных планов, в отличие от основных многолетних, далеко не всегда публиковались и, в особенности в 1960-х гг., не разглашались населению.

В 1959 году, который был провозглашён завершающим годом досрочно выполненного пятилетнего плана, Центральный комитет Трудовой партии выдвинул задачу перевыполнить планы по объёмам производства в тяжёлой промышленности, изначально заявленные на 1961 год, и, удвоив выпуск промышленной продукции по сравнению с 1958 годом, завершить пятилетний план к 15 августа 1959 года, 14-й годовщине освобождения Кореи. Однако, как объяснял Ким Ир Сен советскому послу, задача по завершению плана к середине августа не была опубликована и обнародована, так же как и конкретная задача по удвоению выпуска промышленной продукции по сравнению с предыдущим годом[32] – только намерение досрочно завершить пятилетний план в 1959 году.

По словам северокорейского руководства, это оставляло определённую свободу манёвра в плане фактических результатов, в то же время мотивируя население на ещё более активную работу и приложение усилий для перевыполнения планов. В данном случае достижение поставленной цели к годовщине Дня освобождения значительно повысило бы моральный дух рабочих, в то время как если бы эта цель не была достигнута, это значительно меньше отразилось бы на репутации Северной Кореи, чем невыполнение чётко поставленной и обнародованной задачи.

К подобному приёму – непубликации официальных целей годовых планов – северокорейское руководство стало прибегать всё чаще в 1960-х гг., когда экономическое развитие стало замедляться, а чрезмерно завышенные планы перестали соответствовать реальным возможностям экономики. Замалчивание целевых показателей позволяло представить более выгодную картину путём подгонки целей к реальным результатам, когда становилось очевидно, что изначально поставленные цели не будут (или не могут быть) выполнены.

Задачи, поставленные годовым планом на 1962 год, второй год семилетнего плана, сильно отличались от тех, которые были обозначены в принятом долгосрочном проекте, и делали упор не на лёгкую промышленность, сельское хозяйство и повышение уровня жизни, как изначально планировалось, а на тяжёлую и горнодобывающую промышленность. Однако эти приоритетные отрасли ещё не оправились от перенапряжения, вызванного досрочным выполнением пятилетнего плана в 1959 году, и поставленные цели не были полностью выполнены, а попытка их выполнить, напротив, только ухудшила ситуацию в отрасли. Поэтому следующий, 1963 год, был объявлен «годом закрепления успехов», а по сути усилия были направлены на выполнение недовыполненных задач и стабилизацию экономики после неудачного «скачка». Однако контрольные цифры на 1963 год для большинства отраслей промышленности, особенно тяжёлой, не были опубликованы или публично объявлены. Точно так же не были опубликованы и результаты выполнения годового плана на 1963 год.

Сотрудники советского посольства и торгового представительства в Пхеньяне, основываясь на беседах с северокорейскими чиновниками, замечали, что контрольные цифры годового плана были изменены и понижены, когда стало понятно, что первоначально запланированных результатов дос-

тичь не удастся. Так, Пленум ЦК Трудовой партии в декабре 1962 года изначально постановил, что прирост промышленного производства в 1963 году должен составить 11%. Затем эта цифра была понижена, однако ни сам факт понижения, ни новые цели официально не разглашались. В сентябре 1963 года, ещё до окончания года и подведения итогов, председатель Государственного планового комитета КНДР Чон Чжун Тхэк провозгласил, что темпы промышленного роста составили 8%, превысив плановые показатели. Доклад председателя Госплана, в отличие от контрольных цифр, был опубликован в «Нодон синмун», официальном органе Трудовой партии, представляя ситуацию так, как будто превышение относилось к изначальным цифрам – 11%, а не пониженным показателям[33].

В докладе также объяснялось снижение темпов роста по сравнению с 16-25% в предыдущие годы тем, что нестабильная международная обстановка и военный режим в Южной Корее требовали больших вложений в укрепление обороноспособности страны[34]. Подобное объяснение неудач экономического развития внешними обстоятельствами и препятствиями затем часто использовалось северокорейским руководством, чтобы отвлечь внимание населения от непродуманной и неэффективной экономической политики.

Советские специалисты же, как и ранее, отмечали, что необходимость в понижении плановых показателей вытекала из того, что «много сил и средств корейские товарищи тратят на организацию своими силами малосерийного производства тракторов, автомашин, уникальных станков и других сложных машин и оборудования»[35]. Согласно их мнению, «главные причины трудностей, возникших в экономическом строительстве КНДР… кроются в существе экономической политики Трудовой партии Кореи. Они явились результатом нарушения закона планомерного и пропорционального развития социалистической экономики, “большого скачка” 1962 г., который привёл к диспропорциям в развитии различных отраслей народного хозяйства, а также результатом проводимого корейским руководством курса “чучхе” (самобытность) и “возрождение на основе собственных сил”»[36].

Однако, несмотря на советы советских дипломатов и экономистов, корейское руководство отказывалось пересматривать экономическую политику, продолжая отдавать приоритет тяжёлой промышленности в ущерб другим отраслям, а замедление темпов роста объясняя внешними обстоятельствами, или скрывая, не публикуя официальные цели и результаты.

Ситуация с годовым планом на 1963 год – не единственный пример подобной подтасовки цифр на высшем уровне для того, чтобы представить более благоприятную для власти картину экономического развития. В дальнейшем, в 1960-х гг. и далее, когда реальные возможности экономики перестали соответствовать завышенным планам, этот приём часто использовался, чтобы продемонстрировать выполнение планов хотя бы на бумаге, в официальной статистике.

Заключение

Как было показано в данной статье на примере Северной Кореи в 1950-х – 1960-х гг., советские архивы являются уникальным источником для изучения не только политического, но и экономического развития стран всего мира. На основании материалов архивов советского посольства и Торгового представительства в Пхеньяне продемонстрировано, как, начиная с 1950-х гг., Северная Корея систематически предоставляла не соответствующие реальности статистические данные по развитию сельского хозяйства и промышленности и по выполнению планов развития народного хозяйства. Так, в сельском хозяйстве в валовом сборе зерна учитывались не только зерновые культуры, но и корнеплоды, и кормовые, и урожай также зачастую считался «на корню», предоставляя приблизительные оценки вместо точных цифр. Показатель степени механизации сельского хозяйства также завышался, поскольку в статистике вместо фактического количества сельскохозяйственных машин использовались условные единицы. В промышленности в отчёты по производству продукции включался брак и продукция, которая была произведена, но не могла быть

использована дальше из-за низкого качества. На высшем уровне целевые показатели планов редактировались и подгонялись под реальные результаты, когда слишком завышенные цели не могли быть выполнены из-за нехватки ресурсов и несоответствия поставленных задач реальным возможностям экономики. При этом в большинстве случаев особенности трактовки статистических данных не указывались ни в прессе, ни в официально публиковавшихся отчётах и ежегодниках, а с середины 1960-х гг. целевые показатели годовых планов и их фактические результаты не оглашались публично, позволяя северокорейскому руководству корректировать их по мере необходимости.

Таким образом, как показывают примеры, хотя северокорейская официальная экономическая статистика в 1950-х – 1960-х гг. не была полностью оторвана от реальности, поскольку она не предоставляла полностью вымышленные данные, а основывалась на действительных данных, особенности интерпретации и представления этих данных не позволяют считать её достоверным источником. При этом она, тем не менее, была внутренне достаточно последовательна в том, как собирались, систематизировались и трактовались данные – однако внутренняя последовательность не означала достоверности и точности. Архивные документы советского посольства и Торгового представительства в Пхеньяне предоставляют информацию, позволяющую более точно оценить реальный уровень развития северокорейской экономики и рассмотреть основные методики, сложившиеся в 1950-е – 1960-е гг. и применяющиеся до сих пор. Они показывают, как официальная статистика, отражавшая «правду, но не всю правду», использовалась для предоставления более удобной для северокорейского руководства картины экономического развития страны.

Примечания

[1] *Захарова Л.В.* Экономика КНДР: взгляд изнутри // Азия и Африка сегодня. 2017, № 12. С. 38-45.

[2] См. *Kim B.Y.* Unveiling the North Korean Economy: Collapse and Transition. New York, 2017; *Koo B.H.* Political Economy of Self-Reliance: Juche and Economic Development in North Korea, 1961-1990. Seoul, 1992; *Ланьков А.Н.* За фасадом северокорейского социализма // Inliberty.ru 25.03.2008. http://www.inliberty.ru/library/219-za-fasadom-severokoreyskogo-socializma-1. Доступ 30.04.2021.

[3] *Eberstadt N.* The North Korean Economy: Between Crisis and Catastrophe. New Jersey, 2009. P. 20-21.

[4] *Захарова Л.В.* Экономическая статистика КНДР: проблема поиска данных и их использования // Россия и Корея в меняющемся мире. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 153-162.

[5] *Eberstadt N.* The North Korean Economy.

[6] *Каллиников К.* Ложь и статистика: как данные об экономике СССР завысили в три раза // Finmarket.ru 22.07.2013. http://www.finmarket.ru/main/article/3407649. Доступ 24.04.2021.

[7] *Lee J.W.* The Impact of the Korean War on the Korean Economy // International Journal of Korean Studies, Volume V, 2001. P. 97-118.

[8] National Archives and Records Administration of the United States (NARA), Department of State Files, RG 59, CF 895B.00/1-658.

[9] Чосон чунан нёнгам [Корейский статистический ежегодник], Пхеньян, 1965.

[10] Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0102. Оп. 15. П. 81. Д. 7. Л. 323.

[11] CIA, Current Support Brief "Economic Retrenchment for North Korea in 1964", CIA/RR CB 63-86, 21 October 1963.

[12] *Stone B.* Chinese Socialism's Record on Food and Agriculture // Problems of Communism. Vol. XXXV, January-February 1986. P. 63-72.

[13] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 95. Д. 25. Л. 31.

[14] Там же. Л. 32.

[15] Там же. Л. 114.

[16] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 99. Д. 26. Л. 188.

[17] Там же. Л. 101.

[18] *Ким Ир.* Чосон минчжуджуый инмин конхвагук инмин кёнчже чхильгенён (1961-1967) кехвек-э тэхаё [О семилетнем (1961–1967) плане развития национальной экономики Корейской Народно-Демократической Республики]. Пхеньян, 1961.

[19] *Dovring F.* Soviet Farm Mechanization in Perspective // Slavic Review, Vol. 25, No. 2, 1966. P. 287-302.

[20] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 99. Д. 26. Л. 7.

[21] *Park P.H.* Self-Reliance or Self-Destruction? Success and Failure of the Democratic People's Republic of Korea's Development Strategy of Self-Reliance "Juche". New York, 2002.

[22] *Ким Ир Сен*. Сочинения. Т. 17. Январь-декабрь 1963. Пхеньян, 1984. С. 323-326.

[23] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 16. П. 87. Д. 29. Л. 6–7.

[24] *Непомнин О.Е.* История Китая, XX век. М.: ИВ РАН, 2011. С. 525.

[25] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 16. П. 87. Д. 29. Л. 22.

[26] Там же. Л. 24.

[27] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 15. П. 81. Д. 7. Л. 66.

[28] *Грязнов Г.В.* Социалистическая индустриализация в КНДР. М.: Наука, 1966. С. 209.

[29] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 99. Д. 26. Л. 11.

[30] *Захарова Л.В.* Экономика КНДР: взгляд изнутри.

[31] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 16. П. 85. Д. 6. Л. 156.

[32] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 15. П. 81. Д. 7. Л. 7.

[33] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 99. Д. 26. Л. 174.

[34] Нодон синмун, 4 сентября 1963 г.

[35] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 99. Д. 26. Л. 174.

[36] Там же. Л. 175.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-105-109

Е.Л. Катасонова

АРХИВЫ КАК ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЯПОНИИ

Проблемы, связанные с пленением советскими войсками военнослужащих Квантунской армии на территории Маньчжурии в августе 1945 года и дальнейшей отправкой их в трудовые лагеря на территорию СССР, а также затянувшейся практически на целое десятилетие репатриацией на родину, относятся к наиболее сложным и болезненным темам в советско-японских и российско-японских отношениях. Так называемый «сибирский плен» стал для японцев настоящей национальной трагедией, так как коснулся в те годы почти каждой шестой японской семьи. И, как следствие, долгие годы это событие использовалось консервативными кругами Японии для разжигания антироссийских настроений в этой стране.

В СССР же обращение к этой гуманитарной проблеме было отложено на долгие годы, начиная с 1956 года, когда на основе заключения Советско-японской декларации о прекращении состояния войны и восстановлении добрососедских отношений, последняя группа осуждённых военнопленных японцев была репатриирована на родину. Лишь в конце 1980-х гг. в нашей стране был открыт доступ к ранее засекреченным документам, связанным с военным пленом. Именно тогда началось широкое обсуждение этой темы в прессе, после чего она стала объектом научных исследований историков двух стран, а затем вынесена на повестку дня политических переговоров на уровне глав государств СССР (РФ) и Японии.

И, тем не менее, до сих пор в изучении этой сложной и весьма неоднозначно воспринимаемой у нас в стране и в Японии гуманитарной проблемы остаётся немало вопросов. Остановимся лишь на нескольких из них.

Начнём с вопроса о численности военнослужащих Квантунской армии, пленённых советскими войсками в Маньчжурии. Одни из первых цифр, появившихся в открытой советской печати, содержались в итоговом донесении Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А.М. Василевского от 1 сентября 1945 года. Согласно этому документу, советскими войсками было взято в плен 573 984 военнослужащих Квантунской армии, в том числе 110 генералов[1]. В сообщении же Совинформбюро от 12 сентября 1945 года указывалось, что нашим войскам удалось взять в плен 594 тыс. японских солдат и офицеров и 148 генералов, в том числе до 20 тыс. раненых. Из этого количества непосредственно в районе боевых действий было освобождено 70 880 человек[2].

Другой официальный источник – это «Всемирная история», на страницах десятого тома которой сообщается о 600 тыс. военнослужащих Квантунской армии, пленённых советскими войсками[3]. Однако следует принимать во внимание, что этот том вышел в 1965 году, и эта цифра, базирующаяся на далеко не полных рассекреченных на то время архивных данных, требует уточнения.

Подробный анализ этой проблемы проводит в своих исследованиях авторитетный российский учёный – доктор юридических наук В.П. Галицкий. Со ссылкой на архивы Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) он утверждает, что за время войны с Японией с 9 августа по 2 сентября 1945 года в качестве военнопленных были взяты на учёт 639 635 японских солдат, офицеров, генералов и вольнонаёмных. Из этого числа до декабря 1945 года непосредственно на фронтах были освобождены 65 245 чел., 12 318 – переданы Монголии. Умерли во фронтовых лагерях и на армейских приёмных пунктах (в основном от ран, контузий и болезней) 15 986 человек.

В итоге, следуя этим цифрам, он заявляет, что «на территории СССР оказалось 546 086 военнопленных, в том числе 170 генералов во главе с командующим армией Ямада Отодзо и 26 345 офицеров. Уже к марту 1949 года на родину возвратилось 418 152 человека, 62 068 японцев не вернулись из плена на родину к родным очагам. Но это вместе с 15 986 умершими во фронтовых лагерях и приёмных пунктах. На территории же нашей страны прервалась жизнь 46 082 человек»[4].

В других своих, более поздних статьях тот же исследователь в результате сравнительного анализа официальных данных, направленных в различные инстанции в разное время, вносит определённые корректировки в приведённую выше статистику. Ряд других исследователей и вовсе называет иной порядок цифр. Так, военный историк В.В. Карпов в одном из своих интервью указывает на разницу в данных МВД и Министерства обороны относительно общего числа японских узников советских лагерей (соответственно, 576 000 и 510 000 человек) и высказал мнение о том, что данные военного ведомства выглядят более надёжными и правдивыми, поскольку составлены на основе оперативных сводок по репатриации. По словам В.В. Карпова, цифра умерших в советских лагерях военнопленных занижена вдвое в сравнении с реальными потерями и достигает 113 000[5].

И такого рода сенсационные заявления в российских и особенно в зарубежных СМИ встречались нередко в 1990-е гг. В Японии же придерживаются иной цифры – 600 000 человек. Такую точку зрения разделяет крупный японский историк, почётный профессор Токийского университета Вада Харуки[6].

Наиболее объективную на сегодняшний день информацию, на мой взгляд, содержит документ, обнаруженный в Государственном архиве РФ. Это – составленная МВД СССР «Справка о количестве военнопленных бывшей японской армии, взятых в плен советскими войсками в 1945 г.», направленная в адрес Н.С. Хрущева, Н.А. Булганина и А.И. Микояна 18 октября 1956 года, то есть накануне подписания Советско-японской совместной декларации. В ней впервые были представлены во многом отличные от ранее опубликованных данные. Так, число военнослужащих японской армии, пленённых в ходе войны в 1945 году, определялось в 639 776 человек, в том числе 609 448 японцев и 30 328 китайцев, корейцев, монголов и др. Число репатриированных из СССР японцев за период с 1945 по 1956 год – 546 752 японца, среди которых насчитывалось 112 генералов и 25 728 офицеров. Цифра умерших в плену – 61 855 человек, в том числе 31 генерал и 607 офицеров. Так что на тот момент на территории СССР оставалось 1 030 человек, осуждённых советскими судебными органами, 713 японцев проживало в СССР без национальных паспортов, по видам на жительство по причине отказа выехать на родину, и т.д.[7]. Не исключено, что и эта статистика нуждается в дальнейшем уточнении.

Обратимся теперь к одному из ключевых вопросов истории «сибирского плена» – решению В.И. Сталина о незамедлительной отправке бывших военнослужащих Квантунской армии с территории Маньчжурии на принудительные работы в СССР. Напомню, что 8 августа 1945 года, присоединившись к Потсдамской декларации, СССР объявил войну Японии, и уже 15 августа в результате стремительного наступления наших войск противник вынужден был приступить к массовой сдаче в плен. Дальнейшие действия победителя были заблаговременно прописаны в 9-й статье Потсдамской декларации. Она гласила, что «японские вооружённые силы после их полного разоружения должны будут сразу же возвращены к мирным очагам с тем, чтобы начать новую трудовую жизнь»[8].

В этой связи советское руководство в лице Л.П. Берия, Н.А. Булганина и А.И. Антонова 16 августа 1945 года направляет в адрес Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А.М. Василевского секретную шифротелеграмму, в которой чётко определялось, что «военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут». Далее в

ней указывалось также, что лагеря военнопленных необходимо было организовывать по возможности в местах разоружения японских войск на основе распоряжений командующих фронтами, выделив для охраны и конвоирования необходимое количество войск, и т.д.[9]

Не успело это распоряжение вступить в силу, как 23 августа Государственный Комитет обороны во главе со Сталиным принимает постановление за № 9898 под грифом «совершенно секретно» под названием «О приёме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», в котором подробно говорилось о направлении 500 000 японских военнопленных на принудительные работы в Советский Союз, определялось их распределение по хозяйственным объектам страны и устанавливались меры по организации их работы и жизнедеятельности. Документ был подписан председателем ГКО И.В. Сталиным[10].

Таким образом, в течение недельного срока советское руководство резко меняет свой подход к определению судеб пленных японских солдат и офицеров. В чём же причины столь неожиданной смены политического курса? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо отыскать в российских архивах документы, которые бы позволили выявить, по меньшей мере, все существовавшие в советском руководстве мнения на этот счёт. С этой целью я долгие годы пыталась отыскать протокол заседаний ГКО или какую-либо информацию о порядке согласования текста этого документа с советскими министерствами и ведомствами. Но похоже, что это было единоличное решение Сталина.

На настоящий момент мы располагаем только постановлением Государственного Комитета обороны, подлинник которого появился всего несколько лет назад на сайте Архива социально-экономической истории России. Этот документ был уже давно известен исследователям по своим копиям. Однако знакомство с первоисточником позволило хотя и немного, но всё-таки продвинуться в наших представлениях о событиях того времени. Моё внимание привлекла сама подпись И.В. Сталина, сделанная зелёным карандашом. Пишут, что цвет для советского лидера имел значение. Самые главные политические документы он, якобы, подписывал красными чернилами, следующие по значимости бумаги – синими, а зелёный карандаш встречался куда реже: он использовался в распоряжениях, преимущественно в экономической сфере. Но эти наблюдения – всего лишь штрихи к размышлению над темой. При этом совершенно очевидно, что это решение было продиктовано не одним каким-либо аргументом, а целым комплексом факторов экономического, политического, военного, идеологического и иного характера.

Остановлюсь лишь на одном из них. Сегодня можно встретить утверждение, что идея отправки пленённых на территории Маньчжурии солдат и офицеров Квантунской армий на территорию СССР исходила, якобы, от самого военного руководства Японии. Впервые японская сторона изложила это предложение во время переговоров с представителями советского военного командования по условиям прекращения огня, которые состоялись в местечке Жариково Приморского края 19 августа 1945 года.

Однако, судя по заявлению американского историка Г. Бикса, эта инициатива прорабатывалась высшим руководством Японии ещё за несколько месяцев до этого в связи с подготовкой поездки в Москву Коноэ Фумимаро – одного из самых влиятельных японских политиков того времени, неоднократно занимавшего пост премьер-министра страны. Готовясь к переговорам в Кремле, он вместе со своим советником генерал-лейтенантом К. Сакаи составил документ под названием «Принципы проведения мирных переговоров». В нём был подробно изложен перечень возможных уступок Советскому Союзу за сохранение нейтралитета в отношении своего дальневосточного соседа и отказ от участия в войне с Японией на стороне союзников. «Мы демобилизуем дислоцированные за рубежом вооружённые силы и примем меры к их возвращению на родину. Если подобное будет невозможно, мы согласимся оставить личный состав в местах его настоящего пребывания». И далее: «Рабочая сила может быть предложена в качестве ре-

параций»[11]. Историк Г. Бикс, обнародовавший этот документ в своём труде «Хирохито и создание современной Японии», прямо указывает: «Идея интернировать японских военнопленных для использования их труда при восстановлении советской экономики (осуществлённая на практике в сибирских лагерях) возникла не в Москве, а в среде ближайшего окружения императора»[12].

На это же указывает и письмо Ставки Верховного командования Японии в адрес маршала А.М. Василевского, датированное 21 августа 1945 года и хранящееся в фонде трофейных материалов Квантунской армии в Центральном архиве Министерства обороны РФ под грифом «секретно». Среди прочих японских инициатив, упомянутых в письме, содержалось предложение использовать японских военнопленных в качестве бесплатной рабочей силы вплоть до лишения их японской национальности, если это будет продиктовано интересами советского руководства[13]. Однако до сих пор этот документ не доступен для исследователей, и приходится ссылаться лишь на японские источники.

И таких проблем в области изучения истории советско-японских отношений накопилось немало. Россия и Япония воевали между собой в XX в. чаще, чем другие страны. Это – русско-японская война 1904–1905 гг., интервенция японских войск в Сибирь и на Дальний Восток в 1918–1922 гг., военный конфликт на озере Хасан в 1938 году, необъявленная война на реке Халхин-Гол в 1939 году, сотни вооружённых приграничных инцидентов в конце 1930-х – начале 1940-х гг. И, наконец, советско-японская война (август 1945 г.) – одна из самых молниеносных наступательных операций в военной истории. Боевые действия продолжались немногим более двух недель. Однако состояние войны между нашими странами растянулось вплоть до октября 1956 года – до подписания Совместной советско-японской декларации о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией.

Наши знания об этих важных событиях значительно обогатились за последние несколько десятилетий благодаря рассекречиванию и введению в научный оборот большого массива документов, долгие годы находившихся под грифом «совершенно секретно». Однако работа в этом направлении предстоит ещё большая, в том числе с учётом актуальности борьбы с фальсификацией истории, попытки чего время от времени демонстрируются нашими дальневосточными соседями. Цель подобного рода информационных «вбросов» состоит, прежде всего, в том, чтобы обосновать правомерность японских претензий на Южные Курилы.

Один из последних случаев произошёл в апреле 2021 года. Речь идёт о том, что японские СМИ, включая общенациональный японский телеканал NHK и телеграфное агентство Киодо, сообщили о новой сенсации – получении из российских государственных архивов документов, якобы свидетельствующих о планах советского руководства подписать мирный договор с Японией ещё в 1973 году. В этих целях, судя по информации из Японии, прорабатывались три сценария решения территориальной проблемы, которые должны были обсуждаться во время официального визита в Москву премьер-министра Танака Какуэй в октябре 1973 года. Однако, как известно, во время пребывания в СССР японский премьер провёл четыре раунда переговоров с Л.И. Брежневым. Но, как утверждается, советская сторона так и не затронула на них территориальный вопрос и не высказала конкретных предложений по его урегулированию. Насколько правдива эта информация? Ответить на этот вопрос могут лишь архивные материалы, многие из которых пока ещё недоступны российским исследователям.

И, тем не менее, положительные сдвиги в этом направлении очевидны. Вот один из последних примеров: в августе-сентябре 2021 года сразу два крупнейших российских архива – Архив внешней политики РФ и Архив ФСБ РФ рассекретили целую серию важных документов, относящихся к организации и проведению Хабаровского процесса 1949 года над японскими военными преступниками – разработчиками бактериологического оружия. Вслед за этим по инициативе Российского исторического общества в Ха-

баровске была проведена представительная научно-практическая конференция, принявшая рекомендации о включении материалов Хабаровского процесса в образовательные программы в школах и университетах, прежде всего исторического и юридического профиля, и т.д.

Следующая задача, стоящая на повестке дня перед отечественными историками и архивистами, думаю, связана с подготовкой и публикацией огромного массива материалов по Токийскому трибуналу, которые также рассредоточены по фондам сразу нескольких центральных российских архивов. В нашей стране об этом важном историческом событии известно крайне мало, да и существующие отечественные издания никак не могут претендовать ни на полноту освещения, ни на её объективность. Интересный факт: в 1990 году издательство «Юридическая литература» анонсировало выпуск многотомного издания «Токийский процесс», в котором с наибольшей полнотой и точностью намеревалось воспроизвести стенограммы и документы этого важного исторического события. Но, похоже, что нам уже не дождаться ни заявленных стенограмм, ни документов, а посему следует планировать новый большой проект по этой тематике.

Этим, естественно, список тем и проблем, связанных с изучением истории российско-японских отношений, далеко не исчерпывается. Достаточно сказать, что даже столь отдалённые от нас во временном измерении события на озере Хасан в 1938 году пока не изучены в полной мере по причине всё ещё не снятого грифа секретности со значительной части из документов. Примерно та же ситуация наблюдается и в отношении документов, связанных с войной на р. Халхин-Гол в 1939 году и т.д. Я уже не говорю о материалах периода холодной войны и о советско-японских переговорах 1955–1956 гг., итоги которых продолжают оказывать большое влияние на нынешнее состояние двусторонних отношений. Так что работа предстоит большая и даже огромная.

Примечания

[1] Русский архив. Советско-японская война. Т. 7 (1). М., 1997. С. 371.

[2] Правда. 12.09.1945.

[3] Всемирная история. Т. X. М., 1965. С. 548.

[4] *Галицкий В.П.* Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991, № 4. С. 69.

[5] Известия. 11.11.1993.

[6] Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных «За мир и гуманизм». № 123. Цуруока, 1990. С. 8-9.

[7] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 582. Л. 9–12.

[8] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными державами. Выпуск XI. М., 1955. С. 104-106.

[9] Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 66. Оп. 78499. Д. 3. Л. 220–221.

[10] ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 78499. Д. 1. Л. 593–598.

[11] *Bix G.* Hirohito and making of Modern Japan. New York, 2000. P. 442.

[12] Ibid.

[13] *Сайто Рокуро.* Сибэриа-но банка (Песнь о Сибири на склоне лет). Цуруока,1995. С. 208-209.

DOI:10.31696/2072-5795-2022-2-110-114

В.В. Беляков

ОКТЯБРЬСКАЯ ВОЙНА 1973 ГОДА

Октябрьская война 1973 года – последняя война между арабскими странами и Израилем. И, вероятно, самая противоречивая по своим результатам. Египет форсировал северную часть Суэцкого канала и захватил территорию на своём Синайском полуострове. Израиль поначалу нанёс удар по Сирии, а затем в свою очередь тоже форсировал Суэцкий канал, в его южной части, и окружил город Суэц.

Советский Союз был тесно связан с Египтом, США – с Израилем. При этом советско-американские отношения налаживались. В Москве побывал государственный секретарь США Генри Киссинджер, с ним обсуждалась совместная резолюция Совета Безопасности ООН о прекращении военных действий. Она была принята 22 октября 1973 года. Однако Израиль продолжал военные действия, и потребовалась ещё одна резолюция Совета Безопасности. Военные действия были остановлены.

В конце октября 1973 года руководство СССР направило два документа – один в адрес соцстран, другой, более подробный – в адрес компартий капиталистических и развивающихся стран. В них была дана оценка Октябрьской войне. Последний документ предлагается вашему вниманию.

Информация ЦК КПСС о положении на Ближнем Востоке для руководства братских партий капиталистических и развивающихся стран

В связи с последними событиями на Ближнем Востоке и мерами, предпринятыми Советским Союзом для прекращения военных действий и политического урегулирования конфликта между арабскими странами и Израилем, ЦК КПСС хотел бы проинформировать руководство братской партии о положении в этом районе.

За шесть с половиной лет, прошедших после июньской агрессии Израиля 1967 года против арабских государств, ЦК КПСС постоянно уделял большое внимание положению на Ближнем Востоке, которое продолжало оставаться сложным и опасным для дела мира и международной безопасности.

Принципиальная политика Советского Союза направлена на политическое урегулирование ближневосточного конфликта. Основой такого урегулирования является резолюция Совета Безопасности № 242 от 22 ноября 1967 года, согласно которой должны быть выведены войска агрессора с оккупированных в 1967 году арабских территорий и обеспечены суверенитет и независимость, право на безопасное существование всех государств Ближнего Востока. Одновременно должны быть обеспечены законные интересы арабского народа Палестины. Советский Союз решительно выступает против чьих бы то ни было попыток вмешиваться во внутренние дела арабских государств и устранить прогрессивные режимы, возникшие в ряде стран Ближнего Востока по воле их собственных народов. В своей ближневосточной политике, осуществляемой в соответствии с Программой мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, наша партия руководствуется ленинским положением о том, что линия на ослабление напряжённости и утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем сочетается с принципиальным курсом на оказание поддержки справедливой освободительной борьбе народов.

После агрессии Израиля 1967 года Советский Союз продолжал линию на развитие сотрудничества и оказание помощи прогрессивным арабским государствам. Продолжалось активное сотрудничество в деле повышения обороноспособности Египта, Сирии и других арабских стран.

Благодаря помощи Советского Союза, других стран социалистического содружества Египет и Сирия сумели выстоять после июньского поражения в 1967 году, укрепить свой военный потенциал, продолжать экономическое строительство, избранный антиимпериалистический курс. По существу эта помощь и поддержка предотвратили падение прогрессивных режимов в этих странах, не допустили восстановления господства империализма и реакции.

На протяжении шести с половиной лет после 1967 года Израиль при поддержке империалистических государств, прежде всего США, стремился закрепить за собой захваченные арабские земли, отклонял все международные усилия, направленные на претворение в жизнь положений ноябрьской резолюции Совета Безопасности и последующих решений Генеральной Ассамблеи ООН по Ближнему Востоку. Израильские экспансионисты постоянно осуществляли агрессивные действия и военные провокации против соседних арабских государств, категорически отказывались признать законные права палестинского арабского народа.

Активная деятельность нашей партии на международной арене в пользу справедливого дела арабских государств в немалой степени осложнялась тем, что в политике прогрессивных арабских государств заметно сказывается влияние мелкой буржуазии, для которой характерны колебания от ультрареволюционности до пессимизма. Для арабских стран в целом по-прежнему характерно отсутствие надлежащего единства как в политических, так и в стратегических вопросах, что значительно ослабляет их позиции в конфликте с Израилем.

В последний период правые реакционные силы в арабских странах, в том числе в Египте и Сирии, при поддержке внешней реакции активизировали свою деятельность. Деятели типа ливийского лидера Каддафи или короля Саудовской Аравии Фейсала усилили свои попытки подорвать советско-арабскую дружбу, распространять антикоммунистические взгляды, прикрывая свои антинациональные действия крайне шовинистическими и ультраисламистскими лозунгами.

Во время наших многочисленных контактов с руководителями арабских государств, прежде всего Египта, Сирии, Ирака, мы всегда проводили принципиальную линию КПСС и Советского государства по вопросам урегулирования ближневосточного конфликта, предостерегая арабских руководителей как от чрезмерной воинственности и авантюризма в решении вопросов борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, так и от настроений пессимизма. С нашей стороны подчёркивалось, что, по мнению Советского Союза, ближневосточный конфликт следует урегулировать политическими средствами. Однако, поскольку Израиль, пользуясь покровительством империалистических и реакционных кругов, отвергает такое урегулирование, арабские государства – жертвы агрессии имеют основание использовать все находящиеся в их распоряжении средства для освобождения оккупированных Израилем в 1967 году арабских территорий, проявляя при этом осмотрительность, учитывая конкретную обстановку и соотношение сил.

Наряду с этим в наших контактах с арабскими руководителями, прежде всего с египтянами, мы предостерегали от опасности антисоветизма и антикоммунизма, которые находили проявление на страницах египетской печати и получали распространение среди общественности. Нами подчёркивалась также опасность происков правых элементов внутри египетского общества, которые добивались пересмотра политического курса президента Насера.

К осени нынешнего года в арабских странах усилились антиимпериалистические настроения, законный гнев народных масс против оккупантов. Нарастали экономические и политические трудности, порождённые агрессией. В последние годы в Египте под ружьём находилось около 800 тысяч человек. Расходы на военные нужды составляли около 1 миллиарда египетских фунтов в год. В Сирии 60 процентов государственного бюджета расходовалось на оборону. Египетские и сирийские руководители заявляли,

что терпение арабов имеет свои пределы и что, если в ближайшее время не будет достигнуто прогресса в урегулировании ближневосточного конфликта, в этих двух странах может возникнуть острый внутриполитический кризис и у власти окажутся представители прозападных реакционных сил.

В сентябре на линиях прекращения огня особенно усилились провокации израильской военщины. С каждым днём поступали новые сообщения о манёврах и концентрации израильских войск на восточном берегу Суэцкого канала и в районе Голанских высот (Сирия). 13 сентября Израиль осуществил крупную военную акцию против Сирии. Было сбито 12 сирийских самолётов. Не прекращались израильские вылазки против Ливана, с территории которого пытались действовать отряды палестинского движения сопротивления. В начале октября Израиль сконцентрировал значительные вооружённые силы на линиях прекращения огня с Сирией и Египтом, призвал резервистов и накалил тем самым обстановку до предела.

Мы рекомендовали лидерам арабских стран не поддаваться на провокации и проявлять осмотрительность в решениях, которые, естественно, могут принимать только они сами. В сложившейся ситуации вопросы о развёртывании военных действий на Ближнем Востоке руководителями арабских стран с нами не согласовывались.

О ходе военных действий, возобновившихся по вине израильских агрессоров 6 октября и продолжавшихся более двух недель, подробно сообщалось в печати. Заслуживает быть отмеченным то, что в отличие от июньских событий 1967 года вооружённые силы Египта и Сирии продемонстрировали возросшую боеспособность и выучку.

Израильское военное командование допустило явный просчёт в оценке возросших боевых возможностей вооружённых сил Сирии и Египта, недооценило силу и качество имевшейся у них на вооружении советской военной техники. В ходе боёв израильская армия впервые понесла тяжёлые потери, особенно в танках и авиации. Руководители Израиля были вынуждены признать возросшую боеспособность арабских войск. За допущенные просчёты были отстранены от занимаемых постов некоторые руководящие военные деятели, в том числе начальник генерального штаба и начальник разведки. Значительные потери понесли и арабские вооружённые силы. Хотя их боеспособность и повысилась, на их действиях по-прежнему сказывались такие недостатки, как плохое управление войсками, отсутствие должной координации между действиями на сирийском и египетском фронтах.

Президенты Египта и Сирии Анвар Садат и Хафез Асад, печать и общественность арабских стран на опыте военных действий весьма высоко оценивают качество советской военной техники. Таким образом, были убедительно опровергнуты клеветнические измышления о якобы низком качестве советского оружия, которые в недавнем прошлом распространялись реакционными кругами в арабских странах.

В связи с возросшим уровнем боеспособности арабских вооружённых сил необходимо специально отметить следующее. В задачу советских военных советников и специалистов в Сирии не входило и не входит непосредственное участие в боевых операциях. Их функции строго ограничены вопросами обучения владению оружием, технической и тактической подготовки арабского военного персонала. Что касается Египта, то, как вам известно, там вовсе нет советских военных советников.

Характерной чертой современного военного и политического положения на Ближнем Востоке является то, что отошли в прошлое экстремистские и нереалистические призывы «сбросить Израиль в море», уничтожить израильское государство. Руководители Египта и Сирии с самого начала военных действий провозгласили их целью создание более благоприятной обстановки для политического урегулирования ближневосточного конфликта.

Возросла степень сплочения арабских стран в борьбе против израильской агрессии. В военных действиях на сирийском фронте непосредственно участвовали значительные силы иракской армии, сыгравшие важную роль в отражении израильского наступления

на Дамаск. В условиях подъёма антиимпериалистических настроений народных масс арабских стран даже такие консервативные правители, как король Саудовской Аравии Фейсал, иорданский король Хусейн и другие были вынуждены послать свои воинские части на сирийский фронт. Ряд других арабских государств также направили свои военные подразделения, оказали Египту и Сирии финансовую помощь. Восемь нефтедобывающих арабских стран заявили, что они прекращают поставку нефти в США до тех пор, пока израильские войска не будут выведены с захваченных в 1967 году арабских территорий.

Западные государства, в особенности страны Западной Европы, которые 80 процентов своей потребности в горючем обеспечивают за счёт поставок арабской нефти, испытывают озабоченность в связи с угрозой прекращения поставок нефти из арабских стран. Они не разделяют произраильского курса США. Характерно, что 10 государств – членов Европейского экономического сообщества (ЕЭС) выступили с заявлением, в котором призывают к достижению политического урегулирования ближневосточного конфликта в соответствии с ноябрьской резолюцией Совета Безопасности.

Особая позиция западноевропейских государств, в особенности Англии и Франции, по Ближнему Востоку нашла, в частности, своё выражение и в запрещении экспорта оружия воюющим сторонам, включая Израиль.

О растущей международной изоляции Израиля и его покровителей свидетельствовали обсуждение ближневосточного конфликта на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, итоги состоявшейся в сентябре в Алжире конференции неприсоединившихся государств, которая ясно выразила свои симпатии и поддержку справедливой борьбе арабских народов. Увеличилось число стран, разорвавших дипломатические отношения с Израилем.

В арабских странах, среди неприсоединившихся государств, всех миролюбивых народов и прогрессивных сил мира поднялась волна осуждения политики США, которые с первых дней конфликта заняли позицию оказания широкой политической и военной помощи агрессору – Израилю, беспрерывно доставляли ему военную технику для восполнения потерь и усиления военного потенциала.

В заявлении Советского правительства о положении на Ближнем Востоке от 8 октября изложена принципиальная позиция Советского Союза как в отношении причин сложившегося в этом районе положения, так и в отношении того, что ликвидация опасного очага напряжённости в этом районе немыслима без освобождения оккупированных Израилем в 1967 году арабских земель.

ЦК КПСС и Советское правительство в ответ на обращения президентов Садата и Асада приняли меры к тому, чтобы по возможности удовлетворить просьбы Египта и Сирии об ускорении поставок боевой техники и боеприпасов.

ЦК КПСС и Советское правительство постоянно поддерживали контакты с руководителями социалистических государств – участников Варшавского Договора, координируя с ними свои действия. С их стороны также было направлено некоторое количество военной техники для оказания помощи Сирии и Египту.

ЦК КПСС, оказывая всестороннюю помощь и поддержку арабским государствам в их вооружённой борьбе с агрессором, за восстановление своих законных национальных прав, вместе с тем постоянно держал в поле зрения необходимость использования не только военных, но и других средств борьбы, имея в виду главным образом вести дело к урегулированию ближневосточного конфликта политическими средствами, не позволить событиям в этом районе подорвать всё то положительное, что было достигнуто за последнее время в деле разрядки международной напряжённости. С нашей стороны в интересах прекращения кровопролития на Ближнем Востоке и установления справедливого и прочного мира в этом районе были использованы имеющиеся возможности контактов с правительством США, в том числе на высшем уровне. При этом мы в решительной форме отклоняли попытки возложить на

арабские страны вину за начавшиеся на Ближнем Востоке военные действия, твёрдо проводили нашу линию, направленную на справедливое политическое урегулирование ближневосточного конфликта.

16-19 октября в Каире находился А.Н. Косыгин для обмена мнениями с президентом Садатом относительно приемлемой для арабов формы прекращения военных действий при обеспечении законных интересов арабских стран. С учётом позиции А. Садата мы провели переговоры в Москве с государственным секретарём США Киссинджером.

В связи с ухудшением военного положения арабских войск ввиду образования значительного израильского плацдарма на западном берегу Суэцкого канала президент Садат 21 октября пригласил советского посла и попросил его, чтобы Советский Союз принял меры для немедленного прекращения огня с оставлением войск обеих сторон на занимаемых ими позициях. Садат высказал пожелание, чтобы такое предложение было согласовано нами во время встречи с Киссинджером в Москве. Ранее с просьбой о содействии в прекращении огня к нам обращался и президент Сирии Асад.

В ходе переговоров с Киссинджером, которые были довольно сложными, удалось достигнуть договорённости о совместном выступлении СССР и США с проектом резолюции в Совете Безопасности о прекращении огня. В результате наших энергичных усилий США согласились увязать требование о прекращении огня с практическим осуществлением резолюции Совета Безопасности № 242, что означает вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий. Достигнутая договорённость предусматривает безотлагательное проведение политических переговоров между заинтересованными сторонами по всем вытекающим из резолюции вопросам.

22 октября 1973 года Совет Безопасности ООН принял соответствующую резолюцию, проект которой был внесён представителями СССР и США.

Отныне дело политического урегулирования ближневосточного конфликта вступает в практический и весьма ответственный этап.

Предприняв усилия для того, чтобы в возможно более короткий срок погасить очаг войны на Ближнем Востоке, ЦК КПСС, как и прежде, будет с необходимым вниманием относиться к вопросам восстановления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, последовательно проводить курс на разрядку напряжённости, упрочение мира и безопасности народов.

Советские люди единодушно одобряют и поддерживают линию ЦК КПСС и Советского правительства в связи с событиями на Ближнем Востоке. На проходивших митингах трудящиеся с гневом осудили израильскую агрессию против арабских государств, выразили свою готовность решительно поддерживать правое дело арабов, своим трудом приумножать военное и экономическое могущество нашей Родины.

Урегулирование ближневосточного конфликта, достижение справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке отвечает задачам дальнейшей разрядки международной напряжённости, укрепления мира и безопасности. Оно отвечает интересам советского и всех других народов мира.

Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 69. Д. 818. Л. 25–32. Машинописный текст.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-2-115-123

С.В. Прожогина

СТАРИНА И НОВЬ – ВЕЩИ СОВМЕСТНЫЕ: МАГРИБ УВИДЕННЫЙ И ПРОЧИТАННЫЙ

Магриб по-арабски – это Запад. И если изучать эту оконечность Северной Африки (как и любую другую часть огромного материка), то делать это следует пристально. Внимательно к разным сферам её жизни, непредвзято, постепенно вживаясь или в реальность окружающего, или в предмет исследования, хотя край этот и поражает сразу и своей красотой, и своим разнообразием. И образы этого мира надолго запечатлеваются в душе. Возможно, именно потому, что невероятно контрастны. Они, эти контрасты, здесь особенно ярки и потому, что и море, и океан, и горы, и долины, и пустыня – всё рядом, и Запад, и Восток близки и даже соприкасаются, и потому «седая старина» и «новый мир» не просто соседствуют на этой земле, но и сопричастны друг другу. И время Настоящее будто длит Прошлое, стремясь и в Будущее. И следы «дремучей» жизни, обусловленной вековыми традициями, очевидны в современности, где архаика прорастает порой, как трава, через асфальт. «Старина» дремлет, просыпаясь, а современность порой даже будит её[1].

И встретившись впервые с Северной Африкой в Марокко, ещё в 1960-е годы, на несколько лет задержавшись там и в Алжире, часто бывая в Тунисе (в этой стране – и в 1970-е, и в 1980-е, и в 1990-е, и в 2000-е годы), я была немало удивлена, *насколько тесно* «старое» и «новое» живут друг в друге, хотя и была подготовлена к своей встрече с тем миром, в котором предстояло и работать, и жить. Но сколько ни готовишься к «перемене мест», сколько ни оправдываешь своё согласие на эту «встречу» (ведь и Россия – это немалое наследие Востока, ведь и у нас «дремучесть старины» живуча во многих обычаях жизни, в предрассудках и суевериях и пр. и пр., говорила я себе), – сама внезапность ощущения, что резко изменившийся миропорядок в Магрибе после завоевания его странами Независимости (в Марокко и в Тунисе в 1956 г., в Алжире – в 1962 г.) полон и наследия далёкого прошлого, и колониального присутствия Франции, и смелых попыток выхода «на дорогу прогресса». И эта удивительная смесь пространств и времён – и в облике людей, носящих и свои старинные, и европейские одеяния, и в архитектуре, и в окружающем течении жизни, где кажется, что всё существующее разнообразие необходимо, едино и именно оно и есть Магриб.

Несколько портретов, запечатлённых в душе (из всех, поразивших меня поначалу), – это простые женщины, мои помощницы. Одна из них была бедной замужней марокканкой. Другие – алжирки: одна – вдова партизана, другая – опытная прислуга в доме главного архитектора Алжира, француза, семья которого покинула столицу, как только страна добилась своей свободы в долгой войне с колонизаторами.

От этих женщин я многое узнала не понаслышке или по прочитанному в книгах французов, исполненных страсти к «ориентализму» и даже экзотизации «старины», но в реальности окружавшего, где, если порой не знать то, что «не видно», но что и есть тот самый внутренний мир, обуславливающий внешний, то мир этот в целом не постигнешь никогда, сколько ни читай о нём или ни смотри сквозь призму *своего* зрения.

…Фатьма, марокканка, муж которой был без работы, как и многие другие жившие в столице мужчины-арабы, просиживавшие целые дни со своими знакомыми в маленьких кофейнях в старом квартале Рабата, в его медине, жил, как и многие другие, на средства своей жены, труд которой – уборщицы, – был востребован всегда и во все времена[2]. Но эти женщины умеют всё – и со-

держать семью, и растить своих порой многочисленных детей, и помогать другим.

Длинное тёмное платье, покрывало, скрывавшее всё тело и лицо, так что оставались видны только глаза, – этот постоянный и смиренный наряд Фатьмы был мне уже привычен[3]. Я знала, что пища для неё в холодильнике должна лежать отдельно от нашей («не приведи Аллах, если там есть что-то свиное»…), и что её столовый прибор тоже должен быть завёрнут в отдельную салфетку. Мусульманки вообще необыкновенно притязательны и щепетильны в смысле санитарии и гигиены, и если есть возможность, то совершают свои омовения несколько раз в день во время молитв. Но в тот день Фатьма была сама не своя: сияла от радости, пришла почти с непокрытой головой, с огромным букетом роз, взбудораженная… На мой вопрос, что это случилось с ней, она мне ответила, что «сегодня праздник, и давай, мадам Светлана, отметим его!»

Я спросила, что же это за праздник, и она сказала радостно: «Наконец-то мой муж взял себе вторую жену, и я теперь свободна, и дети мои будут под присмотром, и жизнь начнётся другая!!»

Я, конечно, знала, что мусульманам разрешено религией иметь несколько жён (если муж может их *содержать*), но не могла и представить себе, что женщина не только обязана соблюдать обычаи, но ещё и может искренне радоваться, живя в таком «гареме» и ожидая «своей очереди на счастье»… Однако вековые традиции приучили мусульманок ко многому, и моя современница и даже сверстница, заботясь именно о *будущем* своём, так радовалась теперь этому наследию Прошлого…

О нём, наоборот, безрадостно вспоминала моя, ставшая подругой, помощница Барта, молодая ещё алжирка, вдова партизана, погибшего в горах в войне с французами. Однажды она вернулась с прогулки с моим маленьким сыном уже к вечеру, дав мне время хорошо поработать, но и поволноваться. На мой вопрос, где они так долго задержались, искренне поведала, что всякий раз, когда выходила из нашего дома, встречалась с пекарем, который очень любит её, и она надеялась на свадьбу… Это значило для неё «обрести простое человеческое счастье». Ведь этот человек – «вполне современный», – говорила она, хорошо обращается с ней, угощает и моего сына вкусными булочками, называет себя «женихом». Если она снова выйдет замуж, то забудет своё несчастье, вернётся к жизни. И она больше не будет с ним стесняться своей любви, как это было раньше с её мужем. Когда вышла замуж, и её мать, и свекровь внушали ей, что с ним «надо всегда молчать», что говорить о любви – вообще неприлично, что женщине надо *скрывать* свои чувства, что «порядочные мусульманки» носят своё «покрывало» всю жизнь, пряча под ним не только своё тело, но и свои эмоции, и это и есть предназначение женщины. (Я узнала позже от своей знакомой – врача, работавшей какое-то время в Сомали, что такое женская «инцизия», распространённая в Африке, когда юную девушку по традиции преднамеренно лишают хирургическим вмешательством даже возможности самих ощущений любви…).

Словом, Барта вскоре вышла замуж за этого «любезного пекаря», хотя мать её и противилась тому, но времена в Алжире резко менялись после освободительной войны. Да и сама Барта оказалась на работе в нашем доме потому, что её племянница, служившая здесь раньше прислугой у покинувших страну французов, решила, что «русские её поймут», если она пойдёт учиться на курсы по ликвидации безграмотности, а потом станет «самостоятельной и свободной». Ведь теперь в её стране «хозяева – алжирцы»! На мой вопрос, не порекомендует ли она кого-нибудь мне в помощницы (а это было необходимо), привела свою родственницу.

Так стремились они, новые граждане Алжира, к обещанной Независимости и Свободе, так хотели обрести свои идеалы, так стремились на встречу со Счастьем, зарницы которого полыхали в национально-освободительной войне… Но когда ушли колонизаторы, появились многочисленные проблемы нового мироустройства. В Алжире почти сразу же началась новая борьба – отлавливали «врагов», среди которых оказались и идеологи, и вдохновители борьбы за незави-

симость. Потом – бесконечная череда военных переворотов, смена власти, поиски реализации «социализма с исламским лицом», провалы аграрной политики, обострение внутренних противоречий, вызванных культурной политикой «тотальной арабизации», притеснением берберов и других народов, и пр. и пр. В стране было не только трудно работать, но и жить.

Мы уехали в конце 1966 года, но за эти несколько лет, прошедшие с 1961 года, когда мы приехали сначала в Марокко, мне удалось увидеть в Магрибе всех корифеев и Нового Времени, и новой литературы. После долгого перерыва пришлось увидеть эту страну, Алжир, и её «новый облик» только в 1990-е годы, но это уже было начало новой, гражданской войны, развязанной исламскими радикалистами…

И о стране, которая так хотела освободиться от наследия Прошлого, мне пришлось узнавать по свидетельствам тех, кто знал её так, как не мог никто другой. Это были её сыновья, её дочери, запечатлевавшие на полотне своих повествований эпоху пробуждения и взлётов национального самосознания – и краха иллюзий, и поиски выхода из «беспорядка вещей», и свои надежды на Будущее. Это были писатели, поэты, драматурги, публицисты… Среди них и те, чьи имена я узнала ещё в «прошлом» Алжире (как и в Марокко, и в Тунисе), – художники Жизни, выразители эпохи рубежа Времён. Но именно в творчестве магрибинцев неисчерпаемы оказались те возможности постижения реальности, которые мне порой открывались случайно, не уводя в лабиринты скрытой за внешними изменениями Жизни, полной столкновений традиций и вызовов современности. О них могли поведать только те, кто был и наследниками Прошлого, и глашатаями Будущего, и участниками Настоящего времени, где шла борьба «мрака» и «света», увиденного, как это ни парадоксально, но именно в традиции французского Просвещения и Гуманизма, усвоенного в школах колонизаторов.

И здесь мои «лирические отступления» переходят в область литературоведения, в котором история магрибинского франкоязычия – особая часть, связанная с новейшим типом арабской литературы в целом, где освоение реальности окружающего мира становится главной целью художественного творчества. И если вернуться к предмету статьи, то в творчестве марокканцев, алжирцев и тунисцев это освоение началось ещё в начале 1950-х годов и отразило, как в зеркале, неодолимость и традиций, и новаций, и «архаики», и современности, и желание Прогресса, и невозможность разрыва с прошлым, которое для некоторых казалось «давно прошедшим», предназначенным исчезнуть окончательно и бесповоротно.

Во французском языке градация прошедшего времени как нельзя лучше определяет диапазон возможностей от давно прошедшего времени (plus que parfait), времени незаконченного (imparfait), времени просто завершившегося (passé simple) и времени только что свершившегося (passé immédiat) до только что оконченного (passé composé) и даже «настоящего» времени (повествователя, героя произведения и т.д.), но в прошлом свершавшегося (présent dans le passé) и до времени прошедшего, длящегося в настоящем (passé dans le présent). Последнее характерно не только для художников слова, но и для реальной действительности, обусловленной резкой сменой исторических эпох. Франкоязычные писатели воспользовались этой парадигмой.

Переход от колониальной зависимости к постколониальному состоянию обществ характеризовался порой настроениями «немедленного разрыва» со всем наследием Прошлого как такового. И такой писатель, как марокканец Дрис Шрайби[4], назвал свой роман «Простое прошедшее» («Le passé simple», 1953). Именно так понимал он насущность наступления Нового Времени в родной стране – как эпохи полного освобождения от наследия колониализма и от оков тысячелетних традиций, державших, в частности, женщину почти затворницей в «тюрьме патриархальной старины» и отучивших её даже думать о Свободе, о выходе в пространство Новой Жизни – «эмансипации», «цивилизации» и других достижений Современности (роман «Это цивилизация, мадам!», 1954). Герой его произведений мечтал

обрести свои идеалы на Западе, хотя и там они были разрушены тисками новой несвободы, маргинальности, гнётом предрассудков обывателей в отношении бывших колонизованных, «законами демократии», где оппозиция «своё – чужое» закреплена навечно (романы «Козлы», «Толпа», «Смерть в Канаде» и др.). Но творчество Д. Шрайби, поначалу запрещённого в Марокко, отмечено и печалью «невозможности завершения Прошлого» в родной стране, где торжествуют и оковы догм религиозных традиций, и извечный «Завет предков» оберегать «своё племя» от вторжения всего «чужого» и сохранять только верность «своим корням» («Завещание», «Мать Весны», «Инспектор Али» и мн. др.).

О неодолимости старых традиций в нормах жизни, морали, этно-конфессионального общения – творчество тунисца Альбера Мемми («Агарь», «Соляной столп», «Пустыня» и др.). И герой его произведений, как и герой Д. Шрайби, обрекает себя на «ссылку» на Запад, который учил идеалам «Свободы, Равенства и Братства», но у которого эти идеалы тоже во многом иллюзорны (роман «Фараон»). Однако поиски их во имя освобождения народов продолжать необходимо, даже если знать, что и «деколонизованный человек» будет долго мстить за своё историческое порабощение (публицистика М. Мемми 2000-х гг.)[5].

В то же время как марокканцы, как и тунисцы (во множественном числе, имея в виду и магрибинскую поэзию 50–60-х годов), смело и откровенно выступили за полное освобождение страны от всякого «наследия Прошлого», от гнёта «догм» и «оков традиций», разоблачая, критикуя, надеясь на близость наступления перемен, в том числе и в государственном устройстве (творчество М. Хайреддина[6]). Хотя было уже очевидно, что, к примеру, монархия не только возвращается, но и укрепляется. В Алжире же в 50-е годы писатели и поэты ещё вели свою войну за Независимость, и вольнолюбивые мотивы, близость национального освобождения пронизывали литературу[7].

Джамиля Дебеш и Ассия Джебар – ярчайшие представители того поколения алжирок, которые были уже достаточно европейски образованными и вполне «современными», ничем или немногим отличаясь от живших 130 лет в стране разных европейцев. Помимо французов, они знали в совершенстве несколько языков, писали же на том, что был ближе – французском. Их книги читали в метрополии, и одну из них сравнивали даже с модной тогда во Франции Франсуазой Саган (роман «Жажда» Ассии Джебар, 1954). Они позволили себе сказать ту правду о жизни этой «современной женщины-алжирки», о которой сами алжирцы, даже вполне уже сформировавшиеся социально-критические реалисты, талантливые прозаики (М. Диб, М. Фераун, М. Маммери и мн. др.[8]) не говорили, и причин для этого было немало.

Но вот Дж. Дебеш в 1953 году выпустила (после защиты своей диссертации!) роман «Азиза», где показала практически неодолимую Власть старых традиций жизни, диктуемой теми условиями существования, которые сохранялись и даже культивировались некоторыми так называемыми «алжирскими националистами», участниками и организаторами сопротивления французским колонизаторам. Один из них, герой романа Дж. Дебеш, обещая жениться на понравившейся ему весьма образованной девушке, посещавшей вполне светские мероприятия, «эмансипированной», умной и красивой, всеми правдами и неправдами осуществил свою женитьбу. Он «умыкнул» девушку в родной глухой горный край, где и совершился долгий обряд посвящения и приобщения «городской барышни» к тем традициям и обычаям Жизни её народа, о которых она и понятия не имела, когда ходила на занятия в школу и в университет.

…Молодой человек, стремительно делавший свою политическую карьеру на гребне Войны за Независимость, не мог в «своей среде» ни совершить этого обряда, ни сделать эту свою жену (потом будет и другая) той «правоверной» мусульманкой, с которой можно было бы показаться в том обществе. Независимость оно понимало и как «полное изгнание всего западного» из страны (хотя само сопротивление алжирцев во многом вдохновлялось принципами и

способами его организации по модели французского Сопротивления фашизму, и партизаны, уходя в горы сражаться «с врагом», порой пели песни на стихи тех, кто прекрасно знал французскую поэзию эпохи Второй мировой войны…).

Героиня романа Дж. Дебеш надолго останется «в плену» в горной деревушке, страдая и мучаясь ожиданием редких возвращений мужа на свою «малую родину», испытывая все предписания и местных «хранителей чистоты Веры во всемогущего», и тех уже смирившихся с замкнутым горами и традициями миром, где «старина» не была «экзотической» (как в творчестве колониальных писателей-французов), но вполне обычной нормой жизни, медленно и нехотя, неторопливо, но и упорно сопротивляясь проникновению каких-то «веяний» другой, уже Новой жизни… Потом героиня вырвется из плена, уедет со своей старой кормилицей в город, где окажется никому не нужной, одинокой, пока не встретит какого-то «старого знакомого журналиста», пообещавшего увезти её во Францию… Ей думалось, что это откроет горизонты её надежды на возможность обретения «человеческого счастья»[9].

Героиня первого романа А. Джебар, так «Жаждавшая Жизни», так мечтавшая о Счастье и Воле на морском берегу, открывавшем ей горизонты Надежды ценой преодоления многих соблазнов, подвергая опасности «репутацию» и своей «добропорядочной семьи», и даже спасая подругу от «бесчестья» (та захотела освободиться от ребёнка, которого ждала, и героиня романа отвезла её к знакомому врачу), в конце концов вдруг почувствовала не прилив Жажды Свободы, но неодолимое чувство Любви. И выбрала тот «обычный путь», предназначенный и женщине вообще, и мусульманке в частности, который называется своя семья, Свой Дом. Пусть даже в границах тех обычаев и условностей, которые связаны в её стране с пониманием чести и достоинства женщины. Но это именно Путь к обычному женскому счастью, когда женщина уверена, что *будет защищена*, что сможет воспитывать детей (о которых мечтает) и ждать возвращения мужа в тот Дом, который они построят вместе…

Если перекинуть мост в 1990-е, этот же мотив ощущения необходимости возврата к истокам и семейным ценностям можно услышать и в повести марокканки Ясмины Хадры «Церемония». Героиня её – вполне современная женщина, архитектор, мать двоих детей, добившаяся даже развода. Неожиданно для себя, посетив старый родительский дом во время свадьбы брата, она вдруг остро ощутила потребность построить свой дом. Фундаментом в нём была бы опора из тех вечных ценностей, которыми жили её мать и родственники, свято придерживавшиеся соблюдения старинных ритуалов и обрядов (об этом подробно смотрите в нашей работе «Магрибинки рассказывают…». М., 2019).

А в 50-е годы на странную, казалось бы, для Ассии Джебар концовку её романа «Жажда» мало кто обратил внимание на Западе, когда молодой писательнице сулили славу Франсуазы Саган, написавшей бестселлер «Здравствуй, грусть!» Но именно этот финал «Жажды» трагическим эхом отозвался в творчестве алжирки Маиссы Бей уже несколько десятилетий спустя (а жизнь «внутри» Алжира всё оставалась ещё такой же!), когда прогремел её роман «В начале было море»[10].

Всё та же «Жажда свободы», всё тот же простор Моря, зов его к далёким горизонтам Счастья, всё то же ощущение своего желания «любить и быть любимой». Всё те же соблазны, мимолётный роман, но страшный финал. Узнав о связи своей сестры с каким-то молодым человеком и о том, что она избавилась тайком от нежеланного ребёнка, её родные братья, хранившие, как и положено «добропорядочным мусульманам» в этой стране, уже давно «свободной и независимой», «*честь своего племени*», вместе с другими, такими же, как и они, возмущёнными бесчестьем их сестры, закидали её камнями до смерти. *Как и положено* по тому обычаю, который принят издавна в этой стране, хоть и совсем не так интерпретирует Священное писание…

Но конец 80-х – начало 90-х годов были особенно остры для Новой истории Алжира. Исламский радикализм проникал во все

сферы жизни, развязав затяжную гражданскую войну. Здесь бились насмерть Мрак и Свет, страх возврата к Средневековью и неумолимость «борьбы с Западом», с его идеалами Свободы и Просвещения, но и с теми его диктатами, которые порой внушали иной страх – возврата к полной от него зависимости.

Но и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е годы XX века алжирцы не стеснялись рассказывать миру правду о том, как и гнёт старых предрассудков, и «оковы религиозных догм», и недоверие ко «всему чужому» унижает женщину – и мусульманку, и европейку – в родной стране.

Творчество Р. Буджедры и Р. Беламри – только наиболее яркие примеры. Они оставили буквально неизгладимый след в истории литературы, связанной во многом с усвоением лучших отечественных и западных образцов художественного творчества, обращённого лицом ко всему миру и решительно предпочитавшей и социальный, и культурный, и политический прогресс тому «беспорядку вещей», который неожиданно поверг Алжир в постколониальную эпоху в новую зависимость, но уже связанную с глубокими внутренними противоречиями общества. Романы «Солнечный удар», «Отвержение», «Тление» и памфлет «Фронт ненависти» Рашида Буджедры, как и его романы и публицистика 1990–2000-х годов[11], останутся, как и поэзия, и проза Рабаха Беламри («Каменный приют», «Раненый взгляд», «Женщины без лика» и др.), примерами отражения эпохи – жаждавшей перемен, но упрямо сохранявшей тот порядок вещей, который был крепко связан с живучим в сознании народа «старым миром», хранившим «обычаи предков»[12].

Поэтому неудивительно, что подтверждение этого – и в творчестве тех алжирцев, которые, будучи уже вполне «модернизированными», владеющими определённой профессией (педагогов, врачей), стали активно писать и в 80-е, и в 90-е, и в 2000-е годы свои «истории жизни», основанные почти на документальных, порой и на автобиографических фактах. Они свидетельствовали о неискоренимости, особенно в глубинке страны, вполне себе архаичных представлений о роли женщины, её «природном» предназначении, об абсолютной необходимости соблюдать те религиозные воззрения, которых придерживались «традиционные семьи», пусть уже и не способные противостоять «натиску» образования и даже принятых законов о возможности его получения женщинами, и тех мер, которые обеспечивали общепринятую тенденцию «эмансипации». К ней относилась в том числе и допустимость развода, инициированного женщиной, и получение определённой доли при разделе имущества, имевшегося в браке, и даже право на своих собственных детей, которые могли остаться у матери, а не у отца после развода – ранее это всё было абсолютно невозможным.

Яркие свидетельства противостояния старых традиций жизни и всех новаций уже после достижения Независимости – в повестях и романах Малики Моккедем («Через Пустыню», «Запрещённая», «Н'Зид» («Возвращение») и др.), которая, будучи врачом по образованию, как бы ставит типичный диагноз охранению и сохранению старых традиций, не приемлющих ни просвещение для женщины, ни её выбор своей любви, ни её желание выбраться из «дремучих тупиков» жизни, где женщине не доверяют, не верят в её возможности и способности, в умение лечить людей. Не прощают никогда ни её нелюбовь к мужу, даже если он – тиран, насильник и убийца, и «запрещают» её для Жизни не только «среди своих», но и там, где жизнь эта охраняется Законом[13].

Малику Моккедем поддержат своими книгами и в 90-е, и в 2000-е годы Нина Бурауи («Мёртвый кулак», «Запретно подсматривающая»), Маисса Бей («Главное – не возвращайся!»), Ассия Джебар («О, как просторна ты, тюрьма моя», «Оран, мёртвый язык», «Где-то в нигде в доме моего отца» и др.), Лейла Маруан («Девушка из Касбы», «Соблазнитель», «Девушка и мать»), Зинаб Лабиди («Прошедшие по жизни»), Малика Бен Мансур («Год затмения солнца») и многие другие алжирки, решившиеся описать и типизировать реальные факты реальной жизни – и личной, и многочисленных своих соотечественниц и современниц.

Если бы алжирки были одинокими в своих повествованиях о столкновении архаики и современности, о необыкновенной живучести «древних поверий», то это можно бы было отнести к проблемам только этой страны Северной Африки, слишком дорогой ценой, в кровопролитной войне добывшей свою Свободу. Но и марокканки, одни из первых в Магрибе (после возвращения из ссылки короля Мохаммеда V, а потом и при его сыне Хасане II) получившие возможность образования ещё в середине 50-х годов, да и туниски, которым первый президент независимой республики Х. Бургиба обеспечил вполне широкие возможности эмансипации, и в 80-е, и в 90-е, и в 2000-е годы будут свидетельствовать о том, что с Прошлым – и далёким, и близким – совсем не покончено. Следы его «дышат» в современной реальности, порой превращая жизнь женщины в смятение, трагедию, тоску по утраченным иллюзиям и идеалам, отравляя горизонты Надежды на Свободу невозможностью обрести своё счастье и на Западе. Такие жестокие свидетельства, как повесть марокканки Суад Бахешар «Ни букетов, ни венков», или туниски Эмны Бель Хадж Яхьи «Параллельные хроники» – это крик души человека, страдающего в тисках необходимости идти вперёд и обязанности постоянно оглядываться назад. Туда, где Закон Предков и устойчивость некоторых традиций жизни предлагают либо сдаться и пережить ужасы уничтожения и даже лишения тебя твоего женского существа, убийства на твоих глазах твоего ребёнка, или избавиться от этих оков и знать, что у тебя так или иначе, но уже отнято главное – вера в Человека[14].

Произведения туниски Латифи бен Мансур и марокканки Суад Бахешар – не только очевидные показатели особенностей гендерного различения проблем современной мусульманки, когда «женское перо» оказывается острее и пронзительнее, чем кисть художников-мужчин, запечатлевших на своих портретах противоречия современной постколониальной эпохи, её социальные конфликты и даже их политическую значимость. Они способствует такому приоткрытию «завесы», традиционно скрывавшей лик и тело женщины в исламском мире, на которое мужчина-писатель не то чтобы не был способен, но не решился бы при всей своей отваге разоблачения контрастов окружающей реальности.

Даже такой масштабный марокканец, как лауреат премии братьев Гонкуров Тахар Бенджеллун, который с 60-х и 70-х годов неустанно пишет о том «ослепительном отсутствии света»[15], которое мраком окутывает залитое солнцем родное Марокко. Казалось бы, его знаменитая «Харруда» и дилогия «Песчаное дитя» и «Священная ночь» сказали всё о судьбе женщины, мусульманки, поведали о её бесправии и обречённости на неполноценную жизнь, об отваге «сообщить людям правду», рассказать о своей надежде увидеть Рассвет и Лучи Нового дня, откровенно поведать и о «жизни в клетке», и о «жизни на свободе», не оставив места в пространстве художественного освоения той реальности, которую писатель остро переживал по-своему и как человек, и как учёный-социолог, и даже как трезвый публицист, имеющий широкое признание повсюду в мире[16]. Но вослед ему в литературу Магриба вошли такие марокканцы, как, к примеру, А. Катиби и А. Серхан, сотворившие не менее реалистичные и яркие портреты своей эпохи («Татуированная память» А. Катиби, «Солнце сумерек» А. Серхана или его же роман «Траур собак»). Там образы соотечественниц предстают именно на фоне и в контексте резистенции архаики, наделившей современность Марокко болью за судьбу женщины, а творчество его писателей отметило беспощадностью протеста и даже бунтом, приведшим некоторых из них к ранней гибели (М. Хайреддин, к примеру).

Я много писала об этих писателях, не раз обращалась к их книгам и для того, чтобы показать своеобразие литературного процесса в Магрибе, и для освещения его значимости не только для мирового франкоязычия, но и ради более чёткого осознания того, что такое Граница между Востоком и Западом в понимании моих современников. Очевидно, тема, обозначенная в названии данной моей работы, или, точнее – моих заметок о «со-

временности архаики», вполне заботит и сегодня многих магрибинцев, как живущих в родных своих странах, так и тех, чьё существование тунисец Абдельваххаб Меддеб назвал «западной ссылкой»[17].

И начало XXI века, и его новое десятилетие не случайно отмечены частым обращением магрибинцев и к «миражам Прошлого» (М. Тлили, Б. Сансаль, Т. Бекри, Я. Хадра, к примеру), и к той его реальности, которой обусловлено и сегодняшнее, настоящее время. И А. Джебар (роман «Нигде в доме моего отца»), и Р. Буджедра («Отель Сен-Жорж», «Улица Дарвина», «Утрата обладания»[18]), как и многие другие исторические повествования, исполнены теми непреходящими деталями быта, психологии, поведения людей, которые обусловлены Властью Традиций.

Но если сказать, что эта Власть всегда невыносима (как, к примеру, в романе алжирца М. Диба «Если захочет дьявол»), то это будет не только несправедливо. Это будет просто неправдой в отношении тех магрибинцев, но, особенно – магрибинок, в творчестве которых эта Власть имеет особый смысл и значение в качестве охранения тех опор и устоев Жизни, которые не исчезнут никогда, сколь ни разрушало бы их наступление новых времён и перемен. Для ярких примеров – и романы 80-х годов «Гора Льва» туниса М. Тлили или «Талисман» туниса А. Меддеба, и повесть марокканки Ясмины Шами «Церемония», вышедшая уже в начале 2000-х[19], да и почти дневниковые записи знаменитого алжирца Я. Хадры (М. Мессауль), который в своём напоминании о том, что «должен мираж Оазису», наделяет образ родного сахарского «оазиса детства» особым привкусом неизбывности ощущений человека, что в Прошлом может храниться память о возможном Будущем. Прекрасном и Светлом[20].

И если вспомнить эпиграф алжирки Маиссы Бей к её повести «Я и та, и другая»[21], где очевидно осознание своей «бикультурности», то в нём – и очевидность понимания невозможности шагнуть в Будущее, не зная, что такое Прошлое: «Шагаю я с цепями на ногах, но чувствую, что тело дышит горизонтом…»

А если вспомнить и о том, как послужило разнообразие номинаций прошедшего времени во французской грамматике для номинации первого романа Д. Шрайби, то есть «Passé simple», то можно сказать, что это «простое прошедшее» – постепенно совмещалось и в некоем соприсутствии «Plus que parfait» – «давно прошедшего» – в настоящем, и даже можно сказать, в постоянном присутствии «Passé dans le present» в смысле и погружённости Настоящего в следы Прошлого, и взаимососуществование всех оттенков и свершающегося, и свершившегося, и грядущего. Во имя света Надежды.

Примечания

[1] При колониализме, к примеру, архаика, экзотируясь французами в их литературе, способствовала созданию в целом образа «жизни туземцев» как нечто такое, что и просто «любопытно», но и подлежит «политике аккультурации аборигенов», обязательного приобщения их к культуре Запада, который, в свою очередь, часто использовал «отсталость» народа в своих управленческих целях. Но во время национально-освободительной борьбы за независимость народов Магриба (50–60-е годы XX в., да и ранее в Марокканском Рифе, 1925) лозунги тех, у кого созревала или даже созрела идея независимости, сопряжённая во многом именно с отстаиванием «самобытности» жизни магрибинцев, порой укрепляли те этно-конфессиональные принципы жизни «традиционных обществ», которые со временем перерастали даже в крайности «радикального исламизма», требуя «возврата к корням».

[2] Французы их издавна называли всех одним именем – «Фатьма», что изначально по-арабски было именем (Фатима) одной из жен пророка Мохаммеда. Здесь, в Марокко, оно стало нарицательным, обозначая просто женщину, которая тебе прислуживает.

[3] В Алжире, наоборот, женщины-мусульманки всегда поражают красотой белоснежного шёлкового покрывала, нарядным, цветастым под ним платьем и тоненьким, часто кружевным «треугольником», прикрывавшим нос и рот. Да и сандалии их – часто из позолоченной кожи, что в целом, на этих смуглянках, было отличным от до-

вольно незаметных серовато-черноватых «хаиков» марокканок, контрастно отличавшихся от белых «галабей» и красных фесок их мужчин.

[4] О его творчестве см. подробно нашу работу «Дрис Шрайби, или Новое время в литературе Марокко». М.: Наука, 1986; «История национальных литератур стран Магриба». В 3 т. М.: Наука, 1993.; *Прожогина С.* Магрибинский роман. М., 2007; *Прожогина С.* Марокканский ноктюрн. М., 2015 и др.

[5] *Memmi A*. Portrait du colonisé, précédé du Portrait du colonisateur (1956), Portrait du décolonisé P., 2006 и много других публицистических и художественных произведений подробно изучены в наших работах «Современные литературы Марокко и Туниса». М., 1968; «Франкоязычные писатели 60–70-х гг.». М., 1980; «Магрибинский роман». М., 2007; «Тунисская элегия». М., 2016. Совместно с Н.Л. Крыловой: «Смешанные браки». М., 2002; «Женщина и Чужбина». М., 2007 и др.

[6] О нём подробнее: *Прожогина С.* Франкоязычные писатели стран Магриба 60–70 гг. М., 1980.

[7] Главы о магрибинской поэзии, прозе и драматургии 40–60-х гг. XX в. см. в «Истории национальных литератур стран Магриба». М., 1993.

[8] О творчестве этих корифеев новой магрибинской литературы подробнее см.: *Никифорова И.Д.* Африканский роман. М., 1978; *Джугашвили Г.Я.* Алжирский франкоязычный роман. М., 1976; *Прожогина С.В.* Магрибинский роман. М., 2007; *Прожогина С.В.* Время не жить и время не умирать. М., 2021 и мн. др.

[9] Подробнее о творчестве Д. Дебеш см.: *Прожогина С.В.* Любовь земная. М., 2004.

[10] Об этих книгах А. Джебар и М. Бей см. подробнее: *Прожогина С.В.* Магрибинки рассказывают… М., 2020; *Прожогина С.В.* Время не жить и время не умирать.

[11] Творчеству Р. Буджедры посвящена наша работа «Алжирская сюита». М., 2014 и др.

[12] О Рабахе Беламри см. подробно: *Прожогина С.В.* Между мистралем и сирокко. М., 1998; *Прожогина С.В.* От Сахары до Сены. М., 2001; Время не жить и время не умирать. М., 2021.

[13] Подробнее о её творчестве см.: *Прожогина С.В.* Магрибинки рассказывают…; От Сахары до Сены и др.

[14] Обо всех этих произведениях подробнее см.: *Крылова Н., Прожогина С.* Женщина и Чужбина; Гендерные аспекты конфликтов; *Прожогина С.* Магрибинки рассказывают… и др. Обширная библиография – в нашей работе «Время не жить и время не умирать».

[15] Так назывался один из его романов: «Cette aveuglante absence de la lumière». P., 2001.

[16] О нём см. подробнее: «Марокканский ноктюрн», «Время не жить и время не умирать» и др.

[17] *Meddeb A.* L'exil occidental. P., 2006.

[18] Подробнее об этих произведениях см.: «Время не жить и время не умирать».

[19] Фрагменты этой повести переведены в нашей работе «Магрибинки рассказывают…».

[20] *Hadra Y.* Ce que le jour doit à la nuit. P., 2017; Ce que le mirage doit à l'oasis. P., 2018.

[21] *Maissa Bey*. L'une et l'autre. P., 2009.

НАШИ АВТОРЫ

АНАЙБАН Зоя Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: anayban@mail.ru

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО) Людмила Васильевна – магистр химических наук, химик-аналитик. E-mail: lvbor2017@mail.ru

БОЛДЫРЕВ Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: bordirew.andrei2011@yandex.ru

БОРОШКО Сергей Леонидович – кандидат химических наук, предприниматель. E-mail: slbolvex@rambler.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

БЫКОВ Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Сингапурской академии корпоративного менеджмента (Сингапур).

ГОКОВ Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Харьков, Украина). E-mail: gokovoa@gmail.com

ГРУШЕВОЙ Александр Гаврилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). E-mail: agrush@yandex.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КАТАСОНОВА Елена Леонидовна – доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: bogdanova223@mail.ru

КОЖИРОВА Светлана Басиевна – доктор политических наук, профессор, руководитель Центра китайских и азиатских исследований Международного научного комплекса «Астана» (Казахстан).

МАТВЕЕВА Наталья Игоревна – кандидат исторических наук, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН. E-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru

МЫШОВ Николай Александрович – кандидат исторических наук, начальник отдела Российского государственного военного архива. E-mail: mischov-57@rambler.ru

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

РЫЖЕНКОВ Михаил Рафаилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: rgadadir@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург (Германия). E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de